

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДОСТОЕВСКИЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2020 — 3

Автограф Достоевского: Какую присягу он принял в 1841 году? **Дебют гения:** Почему Белинский назвал себя «ослом в квадрате», а критики не поняли и не понимают до сих пор гениального «Двойника»? **Обзор критики:** Какие перспективы имеет изучение сибирского десятилетия Достоевского? **Биография в фотографиях:** Что скрывает ретушь на портретах? О чем рассказывают фонды музея? **Комментарий:** Были ли романы французского писателя Понсодю Террайля источником криминального сюжета в романе «Подросток»? **Вынужденный компромисс:** Не следует ли восстановить авторский текст в романе «Братья Карамазовы»? **Беспокойное семейство:** Откуда появилась у Достоевского сибирская родня?

The Unknown DOSTOEVSKY

INTERNATIONAL ONLINE RESEARCH JOURNAL

2020 — 3

Dostoevsky's autograph: What oath did he take in 1841? **Debut of a genius:** Why did Belinsky call himself a “donkey squared,” but the critics did not understand and still do not understand the genius of *The Double*? **Review of criticism:** What are the prospects of studying Dostoevsky's decade in Siberia? **Photo biography:** What does the retouch on portraits conceal? What story do the Museum funds tell? **Comment:** Were the novels of the French writer Ponson du Terrail the source of the criminal plot in *The Raw Youth*? **Forced compromise:** Should the author's text in *The Brothers Karamazov* be restored? **Restless family:** Where did Dostoevsky's Siberian relatives come from?

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДОСТОЕВСКИЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
2020 № 3

Журнал имеет целью открытие новых перспектив в изучении биографии и творчества Ф. М. Достоевского, публикует оригинальные биографические и текстологические исследования, неизвестные архивные материалы, посвященные гениальному русскому писателю и его окружению

Основан в июле 2013 г.

Выходит ежеквартально

Входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов ВАК РФ

Индексируется в Erih Plus, EBSCOhost, Index Copernicus и др.

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора

Главный редактор

Владимир Николаевич Захаров —

доктор филологических наук, профессор

Петрозаводского государственного университета

E-mail: vnz01@yandex.ru

ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
2020

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

The Unknown DOSTOEVSKY

INTERNATIONAL ONLINE RESEARCH JOURNAL

2020 № 3

The journal aims at opening new perspectives in the study of the biography and work of F. M. Dostoevsky, publishes original biographical and textual researches and the unknown archival materials dedicated to the brilliant Russian writer and his entourage.

Established in May 2013

The journal is published quarterly

Indexed in Erih Plus, EBSCOhost, Index Copernicus and others

All the submitted articles are reviewed

Chief Editor

Vladimir N. Zakharov

Doctor of Philology, Professor of Petrozavodsk State University

E-mail: vnz01@yandex.ru

PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2020

Главный редактор

Владимир Николаевич Захаров (Москва, Петрозаводск, Российская Федерация) — доктор филологических наук, профессор

Chief Editor

Vladimir N. Zakharov (Petrozavodsk, Moscow, Russian Federation) — Doctor of Philology, Professor

Редакционный совет

Игорь Леонидович Волгин (Москва, Российская Федерация) — доктор филологических наук, профессор

Геригк Хорст-Юрген (Гейдельберг, Германия) — PhD, профессор

Ирэн Зохраб (Веллингтон, Новая Зеландия) — PhD, профессор

Вильям Милс Тодд III (Кембридж, США) — PhD, профессор

Дебора Мартинсен (Нью-Йорк, США) — PhD, профессор

Борис Николаевич Тихомиров (Санкт-Петербург, Российская Федерация) — доктор филологических наук

Виктор Федорович Молчанов (Москва, Россия) — доктор исторических наук

Editorial staff

Igor L. Volgin (Moscow, Russian Federation) — Doctor of Philology, Professor

Horst-Jürgen Gerigk (Heidelberg, Germany) — PhD, Professor

Irene Zohrab (Wellington, New Zealand) — PhD, Professor

William Mills Todd III (Cambridge, USA) — PhD, Professor

Deborah Martinsen (New York, USA) — PhD

Boris N. Tikhomirov (St. Petersburg, Russian Federation) — Doctor of Philology,

Victor F. Molchanov (Moscow, Russian Federation) — Doctor of Historical Sciences

Редакционная коллегия

Стефано Алоэ (Верона, Италия) — PhD, доцент

Кэрол Аполлонио (Дарем, США) — PhD, профессор

Владимир Александрович Викторovich (Коломна, Российская Федерация) — доктор филологических наук, профессор

Каталин Кроо (Будапешт, Венгрия) — PhD, профессор

Луи Аллен (Лилль, Франция) — PhD, профессор

Павел Евгеньевич Фокин (Москва, Российская Федерация) — кандидат филологических наук

Editorial board

Stefano Aloe (Verona, Italy) — PhD, Associate Professor

Carol Apollonio (Durham, USA) — PhD, Professor

Vladimir A. Viktorovich (Kolomna, Russian Federation) — Doctor of Philology, Professor

Katalin Kroó (Budapest, Hungary) — PhD, Professor

Louis Allain (Lille, France) — PhD, Professor

Pavel E. Fokin (Moscow, Russian Federation) — PhD

СОДЕРЖАНИЕ

Б. Н. Тихомиров

- Я, нижепоименованный Федор Достоевский...
(Присяга на верность службы 20 августа 1841 года) 5

О. В. Захарова

- «Осёл в квадрате», или Кто первым назвал Достоевского гением? 20

В. Н. Захаров

- Гениальный «Двойник»:
почему критики не понимают Достоевского? 31

Е. Ю. Сафронова

- Сибирский текст Ф. М. Достоевского:
проблемы и перспективы 54

П. Е. Фокин

- Четыре портрета без ретуши 97

М. А. Зусманович, П. Е. Фокин

- Ф. М. Достоевский: биография в фотографиях 114

В. В. Борисова, С. С. Шаулов

- «Клуб червонных валетов» в романе
Ф. М. Достоевского «Подросток» 149

Б. Н. Тихомиров

- «Истериические взвизги херувимов»
(Об одном текстологическом казусе
в истории текста романа «Братья Карамазовы») 166

Т. В. Панюкова

- «Редкое существо, по уму, по сердцу, по характеру»
(родственница Достоевского из Сибири) 175

CONTENTS

B. N. Tikhomirov

- I, the Undernamed Fedor Dostoevsky...
(Oath of Service Loyalty, August 20, 1841) 5

O. V. Zakharova

- Donkey Squared, or Who First Called Dostoevsky a Genius? 20

V. N. Zakharov

- The Brilliance of *The Double*:
Why Don't Critics Understand Dostoevsky? 31

E. Y. Safronova

- F. M. Dostoevsky's Siberian Text:
Problems and Perspectives 54

P. E. Fokin

- Four Portraits, No Retouching 97

M. A. Zusmanovich, P. E. Fokin

- F. M. Dostoevsky: Biography in Photographs 114

V. V. Borisova, S. S. Schaulov

- "The Jack of Hearts Club" in F. M. Dostoevsky's
novel *The Raw Youth* 149

B. N. Tikhomirov

- "Hysterical Shrieks of the Cherubim"
(Concerning a Textual Incident in the History of the Text
of *The Brothers Karamazov*) 166

T. V. Panyukova

- "A Rare Creature, in Mind, in Heart, in Character"
(a Relative of Dostoevsky From Siberia) 175

DOI: 10.15393/j10.art.2020.4881

УДК 930.25+821.161.1

Б. Н. Тихомиров*Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

btikhomirov@rambler.ru

Я, нижепоименованный Федор Достоевский... (Присяга на верность службы 20 августа 1841 года) *

Аннотация. Публикация вводит в научный оборот архивный документ, занимающий особое место в биографии Ф. М. Достоевского. Это датированный 20 августа 1841 г. так называемый «присяжный лист», содержащий «Клятвенное обещание», под которым стоит двадцать одна подпись-автограф (включая подпись Достоевского) учащихся нижнего офицерского класса Главного инженерного училища, совсем недавно (две недели назад) получивших первый офицерский чин — полевых инженер-прапорщиков (XIV класса, согласно Табели о рангах). За время обучения в Главном инженерном училище Достоевский принимал присягу дважды — в 1838 г., после зачисления в кондукторскую роту, и в 1841 г., при переходе в офицерские классы. Текст «Клятвенного обещания» был законодательно утвержден и под грифом «Форма всенародной присяги на верность подданства» опубликован в Своде законов Российской империи. Подпись-автограф Достоевского под печатным текстом «Клятвенного обещания» заставляет рассматривать его как личный официальный документ, чем обусловлена необходимость включения «присяжного листа» в основной корпус академического Полного собрания сочинений писателя. Двадцать подписей-автографов под «Клятвенным обещанием» однокашников Достоевского, а также подпись священника, который приводил их к присяге, позволяют существенно расширить представление об окружении будущего писателя в период обучения в Главном инженерном училище.

Ключевые слова: Российский государственный военно-исторический архив, Достоевский, Главное инженерное училище, офицерские классы, Клятвенное обещание, присяга, круг общения

Об авторе: Тихомиров Борис Николаевич — доктор филологических наук, президент Российского общества Достоевского, заместитель директора по научной работе, Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге (Кузнечный пер., 5/2, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 191002)

Дата поступления: 01.08.2020

Дата публикации: 30.09.2020

Для цитирования: Тихомиров Б. Н. Я, нижепоименованный Федор Достоевский... (Присяга на верность службы 20 августа 1841 года) // Неизвестный Достоевский. — 2020. — № 3. — С. 5–19. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4881

5 августа 1841 г. высочайшим Его Императорского Величества приказом Достоевский, блестяще сдавший весной выпускные экзамены за последний год обучения в кондукторских классах¹, был произведен «в полевые инженер-прапорщики с оставлением в Инженерном училище для продолжения полного курса наук в нижнем офицерском классе» [Летопись: 74]. Это было важное событие в жизни девятнадцатилетнего юноши. Будущий писатель поступил на военную службу 16 января 1838 г., когда приказом по

Главному инженерному училищу был зачислен кондуктором на открывшуюся в кондукторской роте вакансию пенсионеров (см.: [Летопись: 45]). 29 ноября 1840 г. «за хорошее поведение и знание фронтовой службы» он был произведен в унтер-офицеры, а 27 декабря того же года по высочайшему повелению был «переименован в портупей-юнкера» [Бельчиков: 115]. Это звание было учреждено для отличия лучших унтер-офицеров и присваивалось решением начальника учебного заведения [Военная энциклопедия: 621]. Однако оно находилось за рамками Табели о рангах и не было еще офицерским. 5 августа 1841 г. Достоевскому был присвоен *первый офицерский чин*. Согласно Табели о рангах, он относился к XIV классу.

В Российском государственном военно-историческом архиве, в Деле канцелярии Главного инженерного училища, имеющем пространное название «О производстве кондукторов в инженер-прапорщики, из прапорщиков в подпоручики и из подпоручиков в поручики и об отправлении по окончании курса наук на службу», хранится важный документ, связанный с этим событием в жизни будущего писателя, — «Клятвенное обещание», данное им 20 августа 1841 г. вместе с двадцатью товарищами по нижнему офицерскому классу. Другими словами, в этот день Достоевский, две недели назад ставший офицером, принял *присягу*.

Тут, однако, необходимо объяснить. Известно, что присягу будущий писатель принимал сразу же при поступлении в Главное инженерное училище в январе 1838 г. Уже в приказе о зачислении от 16 января 1838 г., утвержденном генерал-инспектором по Инженерной части Великим князем Михаилом Павловичем, после перечня имен из 23 человек, в котором Достоевский стоит одиннадцатым, в резюмирующей части указано: «Вследствие сего предписываю вышеозначенных кандидатов по спискам кондукторской роты зачислить налицо кондукторами **и на верность службы привести к присяге**» [Якубович: 181]². Мы, правда, не знаем точной даты, когда это произошло. Но присяга была принята³. Об этом, в частности, свидетельствует письмо Достоевского отцу от 5 мая 1839 г., в котором он замечает: «Пишете, любезнейший папенька, чтобы я не забывал своих обязанностей. Повторяю: я их помню очень хорошо, **и со службою я уже связан присягою при самом поступлении моем в училище**»⁴.

Что же, получается, что Достоевский принимал присягу *дважды*? Да, именно так. Согласно действовавшему в XIX в. законодательству, «все, произведенные в первый офицерский чин, **независимо от присяги, принесенной в нижнем звании, вновь присягают** на верность службы, как офицеры» [Свод военных постановлений: 31]. Так что публикуемый документ не вступает в противоречие с уже известными фактами из биографии Достоевского⁵.

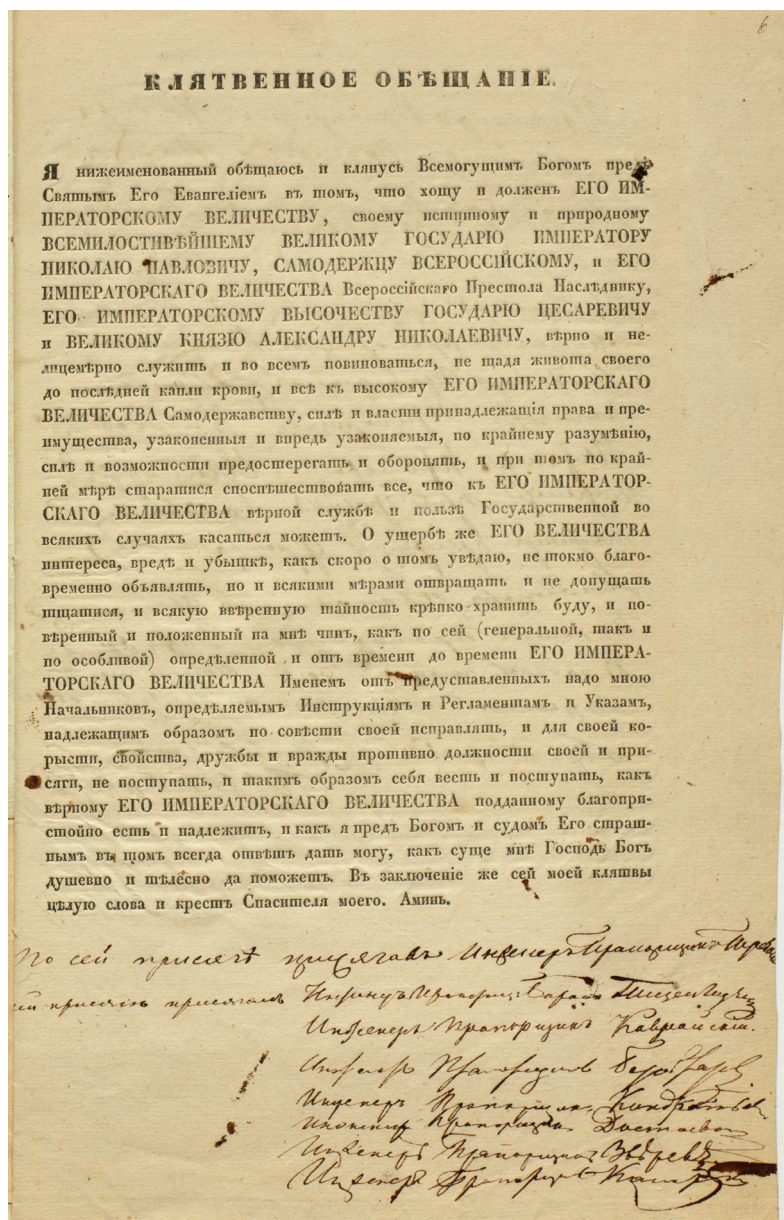
Предваряя публикацию текста «Клятвенного обещания», сделаю несколько замечаний, касающихся статуса этого документа. В академическом Полном собрании сочинений Достоевского, в томах, содержащих эпистолярное наследие писателя, под рубрикой «Официальные письма и деловые

бумаги» опубликован ряд документов, написанных либо писарской рукой, либо рукой А. Г. Достоевской, князя В. Мещерского, иных близких к писателю лиц (О. Миллера, Б. Полякова, В. Пуцыковича), которые помещены в основной корпус текстов Достоевского, поскольку содержат его подпись-автограф. Это, например, прошение об отставке и расписка об отказе от казенного содержания по выходе в отставку (1844), договор с издателем А. Ф. Базуновым (1862), <объяснительная записка> в С.-Петербургский Цензурный комитет (1874), прошение в Главное управление по делам печати (1874), <прошение> исправнику г. Старая Русса (1875) и др.

Представляется, что «Клятвенное обещание», *также содержащее подпись-автограф Достоевского*, отличается от документов указанного типа лишь тем, что основной текст документа является не рукописным, а печатным. Отличие это не представляется релевантным, в силу чего «Клятвенное обещание» должно быть включено в корпус текстов Достоевского, напечатанных в академическом собрании сочинений писателя, а настоящая публикация — рассматриваться как *дополнение* к разделу «Официальные письма и деловые бумаги».

Специфика этого документа также состоит в том, что, кроме подписи Достоевского, он содержит еще двадцать подписей-автографов однокашников писателя по Главному инженерному училищу. В академическом Полном собрании сочинений документы, содержащие более одной подписи, печатаются под рубрикой «Коллективное» (см., например, документы Комитета Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, написанные рукой писаря и подписанные председателем Е. Ковалевским и секретарем Ф. Достоевским). Однако «Клятвенное обещание», начинающееся словами: «**Я нижеподписавшийся...**», то есть составленное от 1-го лица единственного числа, затруднительно отнести к текстам коллективным, ибо присяга как юридический документ принималась отнюдь не коллективно, но каждым из подписавших ее текст *индивидуально*. Перед нами текст совершенно особого типа, представляющий собой как бы наложение друг на друга нескольких тождественных текстов, относящихся к ряду отдельных, в юридическом отношении вполне самостоятельных лиц, подписи которых, однако, согласно установленному порядку (очевидно, прежде всего для экономии), сведены на одном листе. В силу сказанного отнесение публикуемого «Клятвенного обещания» в раздел «Коллективное» не представляется целесообразным.

Ниже рукописный текст документа воспроизводится курсивом, печатный — прямым шрифтом. Написание имен и титулов августейших особ целиком прописными буквами, в то время как сакральные имена и предметы (Всемогущий Богъ, Спаситель, Евангеліе и т. п.) лишь начинаются с прописных букв, отражает специфику публикуемого документа (см. *Илл. 1*).

Илл 1. Клятвенное обещание. Л. 6

Fig. 1. A sworn promise (Russian State Military Historical Archive. Fund 351.
Inventory 1. Storage unit 634. Folio 6)

КЛЯТВЕННОЕ ОБЪЩАНИЕ

Я нижеименованный общаюсь и клянусь Всемогущимъ Богомъ предъ Святымъ Его Евангеліемъ въ томъ, что хочу и долженъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, своему истинному и природному ВСЕМИЛОСТИВЪЙШЕМУ ВЕЛИКОМУ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ ПАВЛОВИЧУ, САМОДЕРЖЦУ ВСЕРОССІЙСКОМУ, и ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Всероссійскаго Престола Наслѣднику, ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ ГОСУДАРЮ ЦЕСАРЕВИЧУ и ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ, вѣрно и нелицемѣрно служить и во всемъ повиноваться, не щадя живота своего до послѣдней капли крови, и всѣ къ высокому ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Самодержавству, силѣ и власти принадлежащія права и преимущества, узаконенныя и впредь узаконяемыя, по крайнему разумѣнію, силѣ и возможности предостерегать и оборонять, и при томъ по крайней мѣрѣ старатися споспѣшествовать все, что к ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА вѣрной службѣ и пользѣ Государственной во всякихъ случаяхъ касаться можетъ. О ущербѣ же ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА интереса, вредѣ и убыткѣ, какъ скоро о томъ увѣдаю, не только благовременно объявлять, но и всякими мѣрами отвращать и не допускать тѣшиться, и всякую ввѣренную тайность крѣпко хранить буду, и повѣренный и положенный на мнѣ чинъ, какъ по сей (генеральной, такъ и по особой) опредѣленной и отъ времени до времени ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА Именемъ отъ предустановленныхъ надо мною Начальниковъ, опредѣляемымъ Инструкціямъ и Регламентамъ и Указамъ, надлежащимъ образомъ по совѣсти своей исправлять, и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противно должности своей и присяги, не поступать, и такимъ образомъ себя вести и поступать, какъ вѣрному ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА подданному благопристойно есть и надлежитъ, и какъ я предъ Богомъ и судомъ Его страшнымъ въ томъ всегда отвѣтъ дать могу, какъ суще мнѣ Господь Богъ душевно и тѣлесно да поможетъ. Въ заключеніе же сей моей клятвы цѣлую слова и крестъ Спасителя моего. Аминь.

*По сей присягѣ присягалъ Инженеръ Прапорщикъ Перебаскинъ
По сей присягѣ присягалъ Инженеръ Прапорщикъ Баронъ Тизенгаузенъ
Инженеръ Прапорщикъ Каврайскій
Инженеръ Прапорщикъ Безобразовъ
Инженеръ Прапорщикъ Кондратьевъ
Инженеръ Прапорщикъ Достоевскій
Инженеръ Прапорщикъ Звяревъ
Инженеръ Прапорщикъ Канарскій <л. 6>
Инженеръ Прапорщикъ Тарновскій
Инженеръ Прапорщикъ Патонъ
Инженеръ Прапорщикъ Ольдерогъ
Инженеръ Прапорщикъ Коризно
Инженеръ Прапорщикъ Фалькенгагенъ*

Инженеръ Прапорщикъ Какушкинъ
 Инженеръ Прапорщикъ Толстой
 Инженеръ Прапорщикъ Витковскій
 Инженеръ Прапорщикъ Игнаціусъ 2^й
 Инженеръ Прапорщикъ Сокольскій
 Инженеръ Прапорщикъ Фрейманъ
 Инженеръ Прапорщикъ Нечогинъ
 Инженеръ Прапорщикъ Звѣздкинъ
 Къ присягѣ приводилъ Церкви Инженернаго Замка
 священникъ Гавріилъ Розовъ сего 20 Августа 1841 года
 При сей присягѣ присутствовалъ [так!]
 Полковникъ баронъ Розенъ <л. 6 об.>⁶.

Настоящий документ интересен и важен также тем, что позволяет уточнить круг общения Достоевского в период обучения в Главном инженерном училище. Как можно заключить, двадцать инженер-прапорщиков, принимавших 20 августа 1841 г. присягу одновременно с писателем, — это те, кто вместе с ним закончил 1-й кондукторский класс и по результатам экзаменов был оставлен в Училище для продолжения обучения в нижнем офицерском классе. По крайней мере в течение двух лет (в 1840–1841 и в 1841–1842 гг.) эти лица были *одноклассниками* Достоевского. Однако показательно, что больше половины из них не зарегистрированы в энциклопедическом словаре С. В. Белова «Ф. М. Достоевский и его окружение». Преимущественно это те молодые офицеры, которые после принятия присяги, проучившись в Главном инженерном училище лишь один год, были выпущены в 1842 г. прапорщиками из нижнего офицерского класса и не учились с писателем в 1842–1843 г. в верхнем офицерском классе (составитель же энциклопедического словаря, пользуясь данными М. Максимовского (см.: [Максимовский: 100–101]), учел лишь тех, кто закончил Училище *одновременно* с Достоевским в 1843 г.).

Приведу (в алфавитном порядке) краткие биографические справки о новых лицах из окружения Достоевского, используя данные, сообщаемые применительно к 1869 г. М. Максимовским в Приложении к «Историческому очерку развития Главного инженерного училища» [Максимовский: 99–101, 103], дополнив их сведениями из некоторых иных источников. Этот биографический материал, публикуемый в качестве дополнений к энциклопедическому словарю «Ф. М. Достоевский и его окружение», имеет вполне предварительный характер.

Николай Звездкин — военный инженер. В 1842 г. выпущен прапорщиком из нижнего офицерского класса Главного инженерного училища. Достоевский учился вместе с Н. Звездиным с 1 ноября 1838 г. (см.: [Басина: 33]), после того как из-за конфликта с преподавателем алгебры Л. М. Кирпичевым был оставлен в 3-м кондукторском классе на второй год⁷.

Владимир Зверев (ум. до 1869 г.) — военный инженер. В 1843 г. выпущен прапорщиком по 1-му разряду из верхнего офицерского класса Главного инженерного училища. Зачислен в лейб-гвардии Саперный батальон. В энциклопедическом справочнике С. В. Белова «Ф. М. Достоевский и его окружение» зарегистрирован К. Я. Зверев, выпущенный поручиком из верхнего офицерского класса в 1842 г. (см.: [Белов, т. 1: 316]). Однако прапорщик Зверев, принявший присягу в августе 1841 г., в 1842 г. мог закончить лишь *нижний* офицерский класс. Очевидно, Константин и Владимир Зверевы — это родственники или однофамильцы. Достоевский учился вместе с Владимиром Зверевым с 1 ноября 1838 г. (см.: [Басина: 33]), после того как из-за конфликта с преподавателем алгебры Л. М. Кирпичевым был оставлен в 3-м кондукторском классе на второй год.

Николай Михайлович Игнациус — военный инженер. В 1842 г. выпущен прапорщиком из нижнего офицерского класса Главного инженерного училища. В 1869 г. в чине инженер-подполковника (присвоен 24.01.1867)⁸ служил в Керченском крепостном инженерном управлении. 17 апреля 1870 г. ему был присвоен чин полковника⁹, в 1883 г. генерал-майора (см.: [Высшие чины Российской империи: 244]). Автор стихотворения «На пятидесятилетний юбилей Николаевской инженерной академии и училища» (текст напечатан на отдельном листке в типографии Академии наук в 1869 г.).

Семен [Петрович] Канарский ([1.01.1820] — ?) — военный инженер¹⁰. В 1842 г. выпущен прапорщиком из нижнего офицерского класса Главного инженерного училища. Достоевский учился вместе с С. Канарским с 1 ноября 1838 г. (см.: [Басина: 33]), после того как из-за конфликта с преподавателем алгебры Л. М. Кирпичевым был оставлен в 3-м кондукторском классе на второй год.

Михаил Николаевич Кондратьев — военный инженер. Поступил в Главное инженерное училище 9 января 1837 г. В 1842 г. выпущен прапорщиком из нижнего офицерского класса. Достоевский учился вместе с М. Кондратьевым с 1 ноября 1838 г. (см.: [Басина: 33]), после того как из-за конфликта с преподавателем алгебры Л. М. Кирпичевым был оставлен в 3-м кондукторском классе на второй год. В 1843–1844 гг. Кондратьев служил одновременно с Достоевским в чертежной Инженерного департамента (см.: [Маскевич, Тихомиров, 2019b: 96–101]). В 1869 г. в чине инженер-подполковника состоял в окружном Инженерном управлении Петербургского военного округа. Скорее всего, звание подполковника было присвоено ему в том же 1869 г.: в справочнике 1867–1868 г. он еще инженер-капитан (см.: [Всеобщая адресная книга С.-Петербурга, отд. III: 240]).

Александр Викентьевич Коризно — военный инженер. В 1844 г. выпущен подпоручиком по 1-му разряду из верхнего офицерского класса Главного инженерного училища (по-видимому, был оставлен на второй год в нижнем офицерском классе или пропустил год по болезни). Достоевский учился вместе с А. Коризно с 1 ноября 1838 г. (см.: [Басина: 33]¹¹), после того

как из-за конфликта с преподавателем алгебры Л. М. Кирпичевым был оставлен в 3-м кондукторском классе на второй год. В 1850-е гг. А. Коризно служил адъютантом управляющего Корпусом инженеров морской строительной части Морского министерства¹². 14 июня 1864 г. произведен в подполковники¹³. В 1869 г. в чине инженер-полковника служил при Главном инженерном управлении.

Петр Степанович Нечогин — военный инженер. В 1842 г. выпущен прапорщиком из нижнего офицерского класса Главного инженерного училища. Достоевский учился вместе с П. Нечогиным с 1 ноября 1838 г. (см.: [Басина: 33]), после того как из-за конфликта с преподавателем алгебры Л. М. Кирпичевым был оставлен в 3-м кондукторском классе на второй год. В 1869 г. Нечогин в чине инженер-капитана служил помощником начальника Кубанской инженерной дистанции. Дослужился до чина подполковника. Автор учебного пособия «Деление всех углов от 0° до 180° на три равные части, изобретенное военным инженером подполковником П. С. Нечогиным» (Симферополь, 1888).

Карл Ольдерог — военный инженер. В 1842 г. выпущен прапорщиком из нижнего офицерского класса Главного инженерного училища. Достоевский учился вместе с К. Ольдерогом с 1 ноября 1838 г. (см.: [Басина: 33]), после того как из-за конфликта с преподавателем алгебры Л. М. Кирпичевым был оставлен в 3-м кондукторском классе на второй год.

Сокольский — военный инженер. В 1842 г. выпущен прапорщиком из нижнего офицерского класса Главного инженерного училища. Достоевский учился вместе с Сокольским с 1 ноября 1838 г. (см.: [Басина: 33]), после того как из-за конфликта с преподавателем алгебры Л. М. Кирпичевым был оставлен в 3-м кондукторском классе на второй год. К сожалению, М. Максимовский не сообщает никаких данных об этом лице (даже его имени), что вдвойне досадно, поскольку эту фамилию Достоевский дает нескольким персонажам в романе «Подросток», в том числе молодому князю Сергею Сокольскому (и значит, в данном случае может быть поставлен вопрос о возможном прототипе).

Александр Васильевич Толстой (15.12.1821 — 1896) — военный инженер. Поступил в Главное инженерное училище 2 января 1837 г. Был дружен с Д. В. Григоровичем, вместе с которым проходил подготовку к вступительным экзаменам в пансионе капитана К. Ф. Костомарова ([Григорович: 35–36]). Достоевский учился вместе с А. Толстым с 1 ноября 1838 г. (см.: [Басина: 33]), после того как из-за конфликта с преподавателем алгебры Л. М. Кирпичевым был оставлен в 3-м кондукторском классе на второй год. В 1842 г. Толстой выпущен прапорщиком из нижнего офицерского класса и определен на действительную службу в Оренбургскую инженерную команду, но уже 7 октября 1842 г. вышел в отставку по состоянию здоровья¹⁴ и поселился в имении матери селе Каранино в Сызранском уезде Симбирской губернии. Вся последующая жизнь А. В. Толстого связана с Сызранским уездом. Он

трудился на выборных должностях. Трижды избирался депутатом дворянства, с 1875 г. в течение двадцати лет был Почетным мировым судьей уезда, имел ряд правительственных наград за усердную и безупречную службу¹⁵. Помимо государственной службы он много сил отдавал главному делу своей жизни — археологии и архивному делу, состоял Почетным членом Археологического института, многих научных обществ, участвовал в работе археологических съездов; подолгу жили в Помпее, Неаполе, Киеве и других исторических центрах древних цивилизаций [Громова: 306–307]. Младшая сестра А. В. Толстого Екатерина Васильевна, в которую был страстно влюблен И. А. Гончаров, явилась прототипом героини романа «Обломов» Ольги Ильинской.

Адольф Данилович Фалькенгаген (1821 — 15.12.1880) — военный инженер, генерал-майор (1871). Поступил в Главное инженерное училище 20 сентября 1836 г.; выпущен прапорщиком из нижнего офицерского класса в 1842 г. Достоевский учился вместе с А. Фалькенгагеном с 1 ноября 1838 г. (см.: [Басина: 33]), после того как из-за конфликта с преподавателем алгебры Л. М. Кирпичевым был оставлен в 3-м кондукторском классе на второй год. После окончания Училища Фалькенгаген был назначен в Варшавскую инженерную команду. С 1852 г. служил на Кавказе в Тифлисской инженерной команде. Участвовал в боевых действиях против горцев до августа 1859 г. (то есть до взятия Гуниба и пленения Шамиля). С 1865 г. в чине полковника служил начальником Дагестанской инженерной дистанции. С 1871 г. в отставке по болезни (см.: [Русский биографический словарь: 11]).

Кроме того, новым лицом из окружения Достоевского оказывается также приводивший молодых офицеров к присяге священник церкви св. Михаила Архангела при Главном инженерном училище **Гавриил Игнатьевич Розов** (ок. 1805 — 1874). Уроженец С.-Петербургской губернии, он в 1831 г. со степенью магистра окончил С.-Петербургскую духовную академию, в которую поступил из С.-Петербургской духовной семинарии. По окончании курса в академии служил учителем и инспектором в Александро-Невском духовном училище; 22 марта 1836 г. рукоположен во священника к церкви св. Михаила Архангела в Инженерном замке, при которой и состоял двадцать два года. В 1858 г. переведен в церковь Успения Божией Матери на Сенной площади, где служил до своей кончины в 1874 г. (см.: [Историко-статистические сведения: 357–358]). С 20 августа 1841 г. о. Гавриил также преподавал закон Божий в Главном инженерном училище (см.: [Месяцеслов и общий штат Российской Империи, 1842: 127]). 11 июня 1844 г. был произведен в сан протоиерея. И. М. Сеченов, поступивший в Главное инженерное училище в год окончания его Достоевским, вспоминал батюшку Гавриила Розова, впрочем, ошибочно называя его фамилию: «При училище была церковь и свой священник, с магистерским крестом, Розанов. Помню, что по вечерам он приходил иногда в наши дортуары для религиозных, ни для кого, впрочем, не обязательных, собеседований...» Вспоминает Сеченов

также разговоры с о. Гавриилом в церкви Училища на исповеди во время Великого поста (см.: [Сеченов: 17, 24]).

Пользуясь случаем, не могу также не исправить грубую ошибку С. В. Белова, который в энциклопедическом словаре «Ф. М. Достоевский и его окружение», представляя командира кондукторской роты в Главном инженерном училище (который также присутствовал при принятии его подопечными присяги), сообщает о нем следующие сведения: «Розен Эдуард [20.11 (1.12). 1795 — 27.12.1871 (8.1.1872)]» [Белов, т. 2: 155]. Однако, согласно данным Адрес-календарей 1841–1843 гг., во время обучения Достоевского в офицерских классах эту должность в Училище занимал барон *Отто Федорович* Розен 8-й (см.: [Месяцеслов и общий штат Российской Империи, 1841: 120]). Даты жизни, приведенные С. В. Беловым, относятся тоже не к реальному, а к ошибочно указанному составителем энциклопедического словаря лицу. Барон О. Ф. Розен 8-й родился в 1798 г. и умер после 1876 г.¹⁶ Окончил 2-й кадетский корпус, из которого был выпущен в саперы. Отличился при подавлении польского восстания 1831 г. С 1841 г. служил в Главном инженерном училище. С 1847 г. командовал 5-м саперным батальоном (см.: [Розен: 73]).

Примечания

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90019 («Нерешенные вопросы научной биографии Ф. М. Достоевского: новые печатные и архивные источники»).

- ¹ Оценки, полученные Достоевским, неизвестны. Но И. Д. Якубович, специально изучавшая соответствующие документы в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), в фонде Главного инженерного училища (Ф. 351), пишет: «Достоевский был среди лучших (по результатам выпускных экзаменов 1841 г. — Б. Т.), “неспособные” были представлены в гарнизонные офицеры» [Якубович: 185].
- ² Здесь и далее полужирные выделения в цитатах принадлежат автору статьи.
- ³ См. также в воспоминаниях И. М. Сеченова, который учился в Главном инженерном училище несколько позже Достоевского: «При поступлении в училище (не моложе 14 лет) мы тотчас же присягали и считались по закону юнкерами, состоящими на государственной службе...» [Сеченов: 15].
- ⁴ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1985. Т. 28. Кн. 1. С. 58–59. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Д30* и указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках.
- ⁵ Это событие зарегистрировано в «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского» (см.: [Летопись: 75]), однако с неточным определением его значения («...приносит присягу на чин полевого инженер-прапорщика») и ошибочной ссылкой на шифр архивного хранения документа: «ЦГВИА. Ф. 351. Оп. 1. № 9» (должно быть: Ф. 351. Оп. 1. № 634. Л. 6–6 об.).
- ⁶ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 351. Оп. 1. Ед. хр. 634. Л. 6–6 об. Печатный текст, входящий в состав данного документа, дословно воспроизводит «Форму всенародной присяги на верность подданства», опубликованную в Своде

- законов Российской Империи (см.: Свод законов Российской империи. СПб.: В Типографии Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1857. Т. 1, ч. 1: Основные государственные законы. С. 56. Приложение V). Небольшие разночтения пунктуационного характера должно рассматривать как невычитанные опечатки. Синтаксическая невнятица: «...как по сей (генеральной, так и по особливой) определенной...» восходит к ранней редакции документа («Форма присяги на верность службы»), опубликованной в «Своде законов...» 1835 г. В более поздней редакции читается исправленный текст: «...как по сей (генеральной), так и по особливой, определенной...».
- ⁷ Впрочем, это нельзя утверждать категорически. Одновременно с Достоевским по результатам годичного экзамена осенью 1838 г. на второй год в 3-м кондукторском классе было оставлено 11 человек (см.: [Маскевич, Тихомиров, 2019а: 65]). Если допустить, что Звездкин тоже второгодник, то с Достоевским они учились вместе с января 1838 г. Высказанное соображение распространяется также на Зверева, Канарского, Коризно, Нечогина, Ольдерога, Толстого и Фалькенгагена. Но с 1 ноября 1838 г. все перечисленные кондуктора учились вместе с Достоевским непреложно.
- ⁸ Список подполковникам по старшинству. Исправлено по 1 апреля. СПб., 1867. С. 533.
- ⁹ Список полковникам по старшинству. Исправлено по 1 июня. СПб., 1877. С. 363.
- ¹⁰ Данные, заключенные в прямоугольные скобки, указываются предположительно.
- ¹¹ В отличие от данных М. Максимовского в Списке 3-го кондукторского класса 1839 г., опубликованном в качестве иллюстрации в книге М. Я. Басиной, фамилия этого кондуктора написана через «а»: Каризно. По-видимому, это писарская ошибка. Явной опиской является также написание фамилии Сокольского — «Скольский». Данные М. Максимовского совпадают в этом отношении с подписью Сокольского под «Клятвенным обещанием».
- ¹² Адрес-календарь: Общая роспись всех чиновных особ в государстве, 1853: в 2 ч. СПб., [1853]. Ч. 1. С. 140.
- ¹³ Список подполковникам по старшинству. Исправлено по 1 апреля. СПб., 1867. С. 306.
- ¹⁴ Государственный архив Ульяновской области. Ф. 454. Оп. 23. Ед. хр. 69 (источник указан: [Громова: 310]).
- ¹⁵ Там же. Ед. хр. 134.
- ¹⁶ В некоторых источниках встречается также дата смерти: 1848 г.

Список литературы

- Басина М. Я. Жизнь Достоевского. Сквозь сумрак белых ночей: документально-художественная повесть. — СПб.: Изд-во «Пушкинский Фонд», 2004. — 236 с.
- Белов С. В. Ф. М. Достоевский и его окружение: энциклопедический словарь: в 2 т. — СПб.: Алетейя, 2001. — Т. 1. — 573 с.; Т. 2. — 544 с.
- Бельчиков Н. Ф. Достоевский в процессе петрашевцев. — М.: Наука, 1971. — 294 с. с ил.; 4 л. портр.
- Биографический словарь: высшие чины Российской империи (22.10.1721 — 2.03.1917): в 4 т. / сост. Е. Л. Потемкин. — М.: [Б. и.], 2019. — Т. 2. — 647 с.
- Военная энциклопедия: [в 18 т.] / под ред. К. И. Величко, В. Ф. Новицкого, А. В. фон-Шварца и др. — Пг.; [М.]: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1915. — Т. 18: Паукер — Порт-Артур. — [2], 321–642, [6] с.

6. Всеобщая адресная книга С.-Петербурга, с Васильевским островом, Петербургскою и Выборгскою сторонами и Охтою: в 5-ти отделениях; составленная под покровительством Его Превосходительства Господина С.-Петербургского Обер Полициймейстера Генерал-Лейтенанта Трепова. — СПб.: Издание Гоппе и Корнфельда, 1867–1868. — 987 с. с разд. паг.
7. Григорович Д. В. Литературные воспоминания. — М.: Худож. лит., 1987. — 335 с., порт. (Лит. мемуары)
8. Громова Т. А. К родословной Е. В. Толстой // И. А. Гончаров: материалы Международной конференции, посвященной 185-летию со дня рождения И. А. Гончарова / сост. М. Б. Жданова и др. — Ульяновск: ГУП «Обл. тип. «Печатный двор»», 1998. — С. 302–311.
9. Историко-статистические сведения о Санкт-петербургской епархии / изд. С.-Петербургского епархиального историко-статистического комитета. — СПб.: В Синодальной типографии, 1878. — Вып. 6. — [2], VI, 95, 480 с.
10. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. 1821–1881: в 3 т. — СПб.: Академический проект, 1993. — Т. 1: 1821–1864. — 544 с.
11. [Максимовский М.] Исторический очерк развития Главного инженерного училища. 1819–1869 / сост. при Николаевской инженерной академии М. Максимовским. — СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1869. Приложение. — С. 1–183.
12. Маскевич Е. Д., Тихомиров Б. Н. Из юных лет Михаила и Федора Достоевских (Новые архивные материалы 1837–1839 гг.) // Неизвестный Достоевский. — 2019. — № 2. — С. 56–93 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1562749532.pdf (25.05.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2019.3981 (a)
13. Маскевич Е. Д., Тихомиров Б. Н. Достоевский в Чертежной Инженерного департамента (Новые материалы к биографии, 1843–1844) // Неизвестный Достоевский. — 2019. — № 2. — С. 94–109 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1562686194.pdf (25.05.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2019.4001 (b)
14. Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1841 [год]: [в 2 ч.]. — СПб.: Имп. Академия наук, 1841. — Ч. 1. — XXVII, 636, XXXVI с.
15. Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1842 [год]: [в 2 ч.]. СПб.: Имп. Академия наук, 1842. — Ч. 1. — XXVII, 635, 41 с.
16. Розен А. Е. Очерк фамильной истории баронов фон-Розен. — СПб.: Тип. Ретгера и Шнейдера, 1876. — [2], 86 с., 1 л. ил.
17. Русский биографический словарь: в 25 т. / изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о-ва А. А. Половцова. — СПб.: Имп. Рус. ист. о-во, 1901. — Т. 21: Фабер — Цявловский. — [2], 251 с.
18. Свод военных постановлений: в 5 ч. — СПб.: Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1838. — Ч. 2: Устав о службе по военному ведомству вообще, кн. 1: О прохождении службы по военному ведомству. — 468, 220, XX с.
19. Сеченов И. М. Автобиографические записки. — М.: Издание «Научного слова», 1907. — XVI, 195 с., 1 л. портр.
20. Якубович И. Д. Достоевский в Главном инженерном училище (Материалы к летописи жизни и творчества писателя) // Достоевский: Материалы и исследования. — Л.: Наука, 1983. — Т. 5. — С. 179–186.

Boris N. Tikhomirov

F. M. Dostoevsky Literary and Memorial Museum

(Saint Petersburg, Russian Federation)

btikhomirov@rambler.ru

“I, the Undernamed Fedor Dostoevsky...” (Oath of Service Loyalty, August 20, 1841)*

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian foundation for basic research (RFBR), project number 18-012-90019 Dostoevsky.

Abstract. The publication introduces into scientific circulation an archival document that occupies a special place in the biography of Fedor Dostoevsky. It is a so-called “sworn list” dated August 20, 1841, that contains an Oath Declaration with twenty-one signature autographs (including Dostoevsky’s signature) of students of the lower officer class of the Main Engineering School, who were recently (two weeks prior) awarded the first officer rank — field engineer-ensigns (class XIV, according to the Table of Ranks). During his studies at the Main Engineering School, Dostoevsky took the oath twice — in 1838, after being assigned to a conductor company, and in 1841, when switching to officer classes. The text of the Oath Declaration was legally approved and published in the Code of Laws of the Russian Empire as “Form of the national oath of allegiance to citizenship.” Dostoevsky’s autograph under the printed text of the Oath Declaration leads researchers to construe it as a personal official document, which necessitates its inclusion in the main body of the academic Complete Works of the writer. Twenty signature autographs of Dostoevsky’s classmates under the Oath Declaration, as well as the signature of the priest who swore them in, allow us to significantly expand the understanding of the future writer’s environment during his studies at the Main Engineering School.

Keywords: Russian State Military Historical Archive, Dostoevsky, Main Engineering School, officer classes, Oath Declaration, oath, social circle

About the author: *Tikhomirov Boris N.* — Doctor of Philology, Deputy Director of Academic Affairs, The F. M. Dostoevsky Literary and Memorial Museum in St. Petersburg, The President of the Russian Dostoevsky Society (per. Kuznechnyy 5/2, St. Petersburg, 191002, Russian Federation)

Received: August 1, 2020

Date of publication: September 30, 2020

For citation: Tikhomirov B. N. “I, the Undernamed Fedor Dostoevsky...” (Oath of Service Loyalty, August 20, 1841). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 3, pp. 5–19. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4881 (In Russ.)

References

1. Basina M. Ya. *Zhizn’ Dostoevskogo. Skvoz’ sumrak belykh nochey: dokumental’no-khudozhestvennaya povest’* [Dostoevsky’s Life. Through the Twilight of White Nights: Documentary Novel]. St. Petersburg, Pushkinskiy Fond Publ., 2004. 236 p. (In Russ.)
2. Belov S. V. *F. M. Dostoevskiy i ego okruzhenie: entsiklopedicheskiy slovar’: v 2 tomakh* [F. M. Dostoevsky and His Ambience: Encyclopedic Dictionary: in 2 Vols]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 2001, vol. 1. 573 p.; vol. 2. 544 p. (In Russ.)
3. Belchikov N. F. *Dostoevskiy v protsesse petrashevtsev* [Dostoevsky in the Trial of the Petrashevites]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 294 p. (In Russ.)

4. *Biograficheskiy slovar'. Vysshie chiny Rossiyskoy imperii (22.10.1721 — 2.03.1917): v 4 tomakh* [Biographical Dictionary. The Higher Ranks of the Russian Empire (22.10.1721 — 2.03.1917): in 4 Vols]. Moscow, 2019, vol. 2. 647 p. (In Russ.)
5. *Voennaya entsiklopediya: v 18 tomakh* [Military Encyclopedia: in 18 Vols]. Petrograd, Moscow, Tipografiya Tovarishchestva I. D. Sytina Publ., 1915, vol. 18. 322 p. (In Russ.)
6. *Vseobshchaya adresnaya kniga S.-Peterburga, s Vasil'evskim ostrovom, Peterburgskoyu i Vyborgskoyu storonami i Okhtoyu: v 5-ti otdeleniyakh* [The General Address Book of St. Petersburg, with Vasilievsky's Island, the Petersburg and Vyborg Sides and the Ohta Area: in 5 Departments]. St. Petersburg, Goppe i Kornfel'd Publ., 1867–1868. (In Russ.)
7. Grigorovich D. V. *Literaturnye vospominaniya* [Literary Memoirs]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1987. 335 p. (In Russ.)
8. Gromova T. A. *To the Genealogy of E. V. Tolstoy. I. A. Goncharov: materialy Mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 185-letiyu so dnya rozhdeniya I. A. Goncharova* [I. A. Goncharov: Proceedings of the international conference dedicated to the 185th anniversary of the birth of I. A. Goncharov]. Ulyanovsk, GUP Oblastnaya tipografiya "Pechatnyy dvor", 1998, pp. 302–311.
9. *Istoriko-statisticheskie svedeniya o Sankt-peterburgskoy eparkhii* [Historical and Statistical Information About the St. Petersburg Diocese]. St. Petersburg, V Sinodal'noy tipografii Publ., 1878, issue 6. 480 p. (In Russ.)
10. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo. 1821–1881: v 3 tomakh* [The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works: in 3 Vols]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1993, vol. 1: 1821–1864. 544 p. (In Russ.)
11. Maksimovskiy M. *Istoricheskiy ocherk razvitiya Glavnogo inzhenerenogo uchilishcha. 1819–1869* [A Historical Essay on the Development of the Main Engineering School. 1819–1869]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk Publ., 1869. Application, pp. 1–183. (In Russ.)
12. Maskevich E. D., Tikhomirov B. N. The Teen Years of Mikhail and Fedor Dostoevsky (New Archival Materials of 1837–1839). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2019, no. 2, pp. 56–93. Available at: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1562749532.pdf (accessed on May 25, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2019.3981 (In Russ.) (a)
13. Maskevich E. D., Tikhomirov B. N. Dostoevsky in the Drafting Office of the Engineering Department (New Materials for the Biography, 1843–1844). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2019, no. 2, pp. 94–109. Available at: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1562686194.pdf (accessed on May 25, 2020). DOI: 10.15393 / j10.art.2019.4001 (In Russ.) (b)
14. *Mesyatseslov i obshchiy shtat Rossiyskoy imperii na 1841 god: v 2 chastyakh* [The Menologion and the General Staff of the Russian Empire for 1841 Year: in 2 Parts]. St. Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk Publ., 1841, part 1. 636 p. (In Russ.)
15. *Mesyatseslov i obshchiy shtat Rossiyskoy imperii na 1842 god: v 2 chastyakh* [The Menologion and the General Staff of the Russian Empire for 1842 Year: in 2 Parts]. St. Petersburg, Imperatorskaya Akademiya nauk Publ., 1842, part 1. 635 p. (In Russ.)
16. Rozen A. E. *Ocherk famil'noy istorii baronov fon-Rozen* [Essay of the Family History of the Barons von Rosen]. St. Petersburg, Tipografiya Retgera i Shneydera Publ., 1876. 86 p. (In Russ.)

17. *Russkiy biograficheskiy slovar': v 25 tomakh* [Russian Biographic Dictionary: in 25 Vols]. St. Petersburg, Imperatorskoe Russkoe istoricheskoe obshchestvo Publ., 1901, vol. 21. 251 p. (In Russ.)
18. *Svod voennykh postanovleniy: v 5 chastyakh* [Code of Military Regulations: in 5 Parts]. St. Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kantselyarii Publ., 1838, part 2, book 1. 468, 220, XX p. (In Russ.)
19. Sechenov I. M. *Avtobiograficheskie zapiski* [Autobiographical Notes]. Moscow, Izdanie «Nauchnogo slova» Publ., 1907. XVI, 195 p. (In Russ.)
20. Yakubovich I. D. Dostoevsky in the Main Engineering School (Materials for the Chronicle of Life and Works of the Writer). In: *Dostoevskiy: Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky: Materials and Researches]. Leningrad, Nauka Publ., 1983, vol. 5, pp. 179–186. (In Russ.)

DOI: 10.15393/j10.art.2020.4821

УДК 821.161.1+070

О. В. Захарова

*Петрозаводский государственный университет**(Петрозаводск, Российская Федерация)*

ovzakh05@yandex.ru

«Осёл в квадрате», или Кто первым назвал Достоевского гением?*

Аннотация. В статье рассматриваются литературные обстоятельства дебюта Ф. М. Достоевского. Они получили отражение в переписке и воспоминаниях, в литературной полемике современников. Достоевский был одним из немногих русских писателей, кого критики задолго до публикации первого романа удостоили звания гения. В связи с этим актуален вопрос, кто назвал его гением? Впервые это слово произнес В. Г. Белинский, но печатно ни он, ни его соратники не объявляли Достоевского гением. За них это сделала молва. Она оказалась действеннее печатного слова. Слух о «необыкновенном таланте» и «новом гении» спровоцировал противников В. Г. Белинского: Ф. В. Булгарина, О. И. Сенковского, Л. В. Бранта, С. П. Шевырева и др. Пытаясь убедить читателей в бездарности юного дарования, они, сами того не желая, произвели Достоевского в гении, представили это как факт. Спустя два года Белинский отказался от своего открытия «Достоевского-гения», назвал себя «ослом в квадрате», но пересмотр личных отношений уже никак не повлиял на литературную судьбу писателя. Скандал и полемика по поводу романа «Бедные люди» упрочили славу Достоевского.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, В. Г. Белинский, Ф. В. Булгарин, Л. В. Брант, Н. А. Некрасов, новый Гоголь, гений, «Бедные люди», литературная критика, полемика

Об авторе: Захарова Ольга Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии, русской литературы и журналистики Института филологии, Петрозаводский государственный университет (пр. Ленина, 33, г. Петрозаводск, Российская Федерация, 185910)

Дата поступления: 10.06.2020

Дата публикации: 30.09.2020

Для цитирования: Захарова О. В. «Осёл в квадрате», или Кто первым назвал Достоевского гением? // Неизвестный Достоевский. — 2020. — № 3. — С. 20–30. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4821

Обстоятельства дебюта Ф. М. Достоевского хорошо известны. Они описаны в мемуарной литературе, отражены в прижизненной критике, в обстоятельном обзоре К. И. Чуковского [Чуковский], в статьях и монографиях исследователей [Кирпотин], [Фридлендер: 470–478], [Рак, Фридлендер: 660–673, 676–678], [Захаров, 1995: 618–625], [Баршт] и др. Вместе с тем некоторые детали остаются непроясненными, в частности такой ключевой вопрос: когда и кто впервые назвал Достоевского *гением*?

В мае 1845 г. Достоевский отдал роман «Бедные люди» в альманах Н. А. Некрасова «Петербургский сборник». Роман восхитил всех, кто читал рукопись: Д. В. Григоровича, Н. А. Некрасова, В. Г. Белинского, И. И. Панаева и др. Слух о «новом Гоголе» разнесся по литературному Петербургу, но печатные отзывы о романе появились лишь в январе 1846 г.

В письмах к брату Михаилу Федор Достоевский неоднократно писал о своем успехе в кружке В. Г. Белинского. Например, в письме от 16 ноября

1845 г. он отметил: «Все меня принимают как чудо. Я не могу даже раскрыть рта, чтобы во всех углах не повторяли, что Достоев<ский> то-то сказал, Достоев<ский> то-то хочет делать. Белинский любит меня как нельзя более. <...> откровенно тебе скажу, что я теперь упоен собствен<ной> славой своей»¹.

В этом упоении славой Достоевский жил с мая 1845 по март 1846 г.

Е. И. Кийко установила, что первым скрытым упоминанием Достоевского была рецензия Белинского на стихотворения Петра Штавера, опубликованная в июльском номере «Отечественных записок» в 1845 г. По ее мнению, критик написал рецензию «не столько ради разбора не имеющих никакого эстетического значения стихотворений начинающего автора, сколько для того, чтобы высказать свои мысли по поводу насущных задач русской литературы» [Кийко: 107]. Имя Достоевского в рецензии не названо, но суждения критика о литературе высказаны под впечатлением от «Бедных людей».

Первое упоминание имени Достоевского в печати связано не с романом «Бедные люди», а с повестью «Двойник», публикация которой была анонсирована в рубрике «Библиографические и журнальные известия» декабрьского номера журнала «Отечественные записки» за 1845 г. (цензурное разрешение от 30 ноября, вышел в свет 2 декабря) (см.: [Захарова: 67]).

В январском номере этого журнала, вышедшем 2 января 1846 г. (цензурное разрешение от 31 декабря 1845 г.), Белинский объявил о «новом литературном имени»:

«...наступающій годъ, — мы знаемъ это навѣрное, — долженъ сильно возбудить вниманіе публики однимъ **новымъ литературнымъ именемъ** (здесь и далее полужирным выделено мной. — О. З.), которому, кажется суждено играть въ нашей литературѣ одну изъ такихъ ролей, какія даются слишкомъ немногимъ. Чтò это за имя, чье оно, чѣмъ занимательно, — обо всемъ этомъ мы пока умолчимъ, тѣмъ болѣе, что все это сама публика узнаетъ на-дняхъ»².

Дебютная интрига завершилась 1 февраля 1846 г. В этот день вышел очередной номер «Отечественных записок» (цензурное разрешение от 31 января 1846 г.), в котором Белинский наконец назвал имя нового автора. В отзыве о «Петербургском сборнике» он так представил начинающего писателя:

«Такихъ альманаховъ, какъ “Петербургскій Сборникъ”, у насъ **еще не бывало**. <...> въ “Петербургскомъ Сборникѣ” напечатанъ романъ: *Бѣдные люди* г. Достоевскаго — имя совершенно-неизвѣстное и новое, но **которому, какъ кажется, суждено играть значительную роль въ нашей литературѣ**. Въ этой книжкѣ «Отеч. Записокъ» русская публика прочтетъ и еще романъ г. Достоевскаго, *Двойникъ*, — этого слишкомъ-достаточно для ея убѣжденія, что **такими произведеніями обыкновенные таланты не начинаютъ своего поприща**»³.

По мнению критика, роман начинающего автора был выше любых похвал:

«Если бы *Бѣдные Люди* вышли даже отдѣльною книжкою, то и тогда о нихъ нельзя было бы говорить иначе, какъ въ отдельной критической статьѣ, потому-что при разборѣ подобнаго произведенія, обыкновенныя похвальныя фразы, какъ бы онѣ въ сущности ни были справедливы, не могутъ имѣть мѣста. Разбирать подобное произведение искусства, значить — выказать его сущность, значеніе, при чемъ легко можно обойдтись и безъ похвалъ, ибо дѣло слишкомъ-ясно и громко говорить за себя; но сущность и значеніе подобнаго художественнаго созданія такъ глубоки и многозначительны, что въ рецензійи нельзя только намекнуть на нихъ. Это заставляетъ насъ отложить подобный критическій разборъ «Петербургскаго Сборника» до слѣдующей книжки «Отеч. Записокъ», — что дастъ намъ возможность поговорить о *Двойникѣ*, который къ тому времени будетъ прочтенъ всею публикою»⁴.

В этом же номере Белинский дал еще один отзыв о Достоевском, романе «Бедные люди» и альманахе «Петербургский сборник».

В статьѣ «Новый критикан», прежде чем перейти к язвительной характеристике фельетониста «Северной пчелы» Л. В. Бранта, печатавшегося под псевдонимом «Я. Я. Я.», В. Г. Белинский задал вопрос: «А что новаго въ нашей литературѣ?» — и дал два ответа:

«Послѣдняя новость въ ней — **явленіе новаго необыкновеннаго таланта**. Мы говоримъ о г. Достоевскомъ, который рекомендуется публикѣ *Бѣдными Людьми* и *Двойникомъ* — произведеніями, которыми для многихъ было бы славно и блистательно даже и закончить свое литературное поприще; но такъ начать, — это, въ добрый часъ молвить! **что-то ужъ слишкомъ-необыкновенное...**»⁵.

Вторая «послѣдняя литературная новость — *Петербургскій Сборникъ*, альманахъ, изданный г. Некрасовымъ; **перлъ этого альманаха** опять-таки *Бѣдные Люди*, но въ немъ и кромѣ того много замѣчательно-хорошихъ произведеній. — Пока тутъ и всѣ новости»⁶.

Белинский ободрял даровитого автора:

«Теперь въ публикѣ только и толковъ, что о г. Достоевскомъ, авторѣ *Бѣдныхъ Людей*; но слава не бываетъ; безъ терній, и говорятъ, что посредственность и бездарность уже точятъ на г. Достоевскаго свои деревянные мечи и копья... Тѣмъ лучше: такія тернія не колятъ, а даютъ ходъ таланту, который — не талантъ, если у него нѣтъ враговъ и завистниковъ»⁷.

Отметим, что, высоко оценивая дебют Достоевского, Белинский печатно нигде не назвал его гением: называл его «талантом», «необыкновенным талантом», которому «суждено играть значительную роль».

Кто из критиков произнес это слово по отношению к Достоевскому?

Спор о Ф. М. Достоевском попал на благодатную почву полемики о гениях в русской литературе, которая разгорелась между В. Г. Белинским и Л. В. Брантом после публикации сборника Н. А. Некрасова «Физиология Петербурга» (вышла 1 июля 1845 г.). Ее поводом стало суждение Белинского, высказанное в неподписанном «Вступлении» к альманаху: «...не подвержено никакому сомнѣнію, что русская литература гениальными произведеніями едва-ли не гораздо богаче, чѣмъ произведеніями обыкновенныхъ талантовъ»⁸. Эту мысль Белинского фельетонист «Северной пчелы» дважды ошибочно приписал Некрасову⁹. Брант иронически возразил: «...у насъ все геніи, а дарованій обыкновенныхъ нѣтъ»¹⁰.

Суждение о гениях и талантах Белинский повторил в статье «Мысли и заметки о русской литературе», опубликованной в «Петербургском сборнике». Чтобы не ссылаться на самого себя, он высказался неопределенно:

«Разъ гдѣ-то была высказана мысль, что у насъ больше художественныхъ, нежели бельетристическихъ произведений, больше геніевъ, нежели талантовъ. Какъ всякая самобытная и оригинальная мысль, она возбудила толки. И дѣйствительно, съ перваго взгляда эта мысль можетъ показаться страннымъ парадоксомъ; но тѣмъ не менѣе она справедлива въ основаніи»¹¹.

В рецензии на «Петербургский сборник» Н. Некрасова, написанной в 1846 г., оппонент из «Северной пчелы» уже не ошибся в принадлежности парадокса:

«...знаменитый критикъ въ пятый разъ утверждаетъ, что въ Русской Литературѣ больше геніевъ, нежели обыкновенныхъ талантовъ. Пяти разъ мало, Г. Бѣлинскій!»¹².

В полемике фельетонистов «Северной пчелы» с критиками натуральной школы постоянно звучал упрек, что «Отечественные записки» назначают гениев в угоду ложным установкам, ради оправдания ошибочных теорий. Немногие печатно поддерживали Ф. М. Достоевского: В. Г. Белинский, А. А. Григорьев, В. Н. Майков, А. В. Никитенко, А. Н. Плещеев — никто из них не назвал начинающего писателя гением. Впервые это слово прозвучало в фельетонной полемике «Северной пчелы», в которой Ф. В. Булгарин и Л. В. Брант возмущались автором, незаслуженно обретшим славу.

У оппонентов общим мнением стало суждение о том, что литературная партия «Отечественных записок» назначила Ф. М. Достоевского гением вместо Н. В. Гоголя. Об этом писал Ф. В. Булгарин:

«Новой литературной партіи *натуралистовъ* непремѣнно нужны геніи, чтобъ блескомъ ихъ славы помрачить всѣхъ прежнихъ Русскихъ писателей, живыхъ и умершихъ»¹³.

Ф. В. Булгарин воспринял появление Ф. М. Достоевского как угрозу своему литературному положению:

«...вотъ по городу разнесли вѣсти о новомъ геніи, Г. Достоевскомъ (не знаемъ навѣрное псевдонимъ или подлинная фамилія), и стали перевозносить до небесъ романъ: *Бѣдные люди*. Мы прочли этотъ романъ, и сказали: бѣдные Русскіе читатели! Благодаримъ *Иллюстрацію*, что она также высказала нѣсколько правдъ о *Петербургскомъ Сборникѣ*, и оцѣнила по достоинству повѣсть: *Бѣдные люди*»¹⁴.

Ф. В. Булгарин отдавал должное Ф. М. Достоевскому, но предостерегал молодого писателя:

«Г. Достоевскій человѣкъ не безъ дарованія, и если попадетъ на истинный путь въ литературѣ, то можетъ написать что нибудь порядочное. Пусть онъ не слушаетъ похвалъ *натуральной* партіи, и вѣрить, что его хвалятъ только для того, чтобъ унижать другихъ. Захвалить то же, что завалить дорогу къ дальнѣйшимъ успѣхамъ»¹⁵.

Таков Ф. В. Булгарин, таков его стиль.

Чем дальше, тем более непринужденным становится фельетонный тон Л. В. Бранта, навязывающего В. Г. Белинскому и А. Григорьеву свои оценки: «Двойник» — «второе произведение новаго Русскаго генія», Ф. М. Достоевскій — «новый геній»¹⁶, хотя ни тот, ни другой не произносили эти слова. Фельетонист иронично называет писателя «нашъ геній» и сочувственно заявляет:

«Искренне сожалѣемъ о молодомъ человѣкѣ, такъ ложно понимающемъ искусство, и очевидно сбитою съ толку литературною “котерію”, изъ видовъ своихъ выдающею его за генія»¹⁷.

Пытаясь дискредитировать само понятие, Брант ранжирует гениев, представляет «Двойника» как «путаницу словъ», «безсмыслицу содержанія», которую «выдаютъ намъ за огромный талантъ, за произведение генія!»¹⁸.

Из подобных обличений и опровержений «Северной пчелы» читатели узнали, что в русской литературе есть гений.

Критики и фельетонисты поддались на провокацию кружка Белинского. Они спорили о том, что никто не писал.

Так, в рецензии на «Петербургский сборник» Брант сослался на слухи, которые предшествовали роману «Бедные люди»:

«За нѣсколько времени до выхода въ свѣтъ “Петербургскаго Сборника”, увѣряли, что въ этомъ альманахѣ явится произведение новаго, необыкновеннаго таланта, произведение высокое, едва ли не выше твореній Гоголя и Лермонтова. Стоустая молва мигомъ разнесла пріятную вѣсть по “стогнамъ Петрограда”:

любопытство, ожидание, нетерпение были ловко задеты. Душевно радуясь появлению нового дарования среди безцветности современной литературы Русской, мы с жадностью принялись за чтение романа Г. Достоевского, и вмѣстѣ со всѣми читателями — жестоко разочаровались»¹⁹.

О роли слухов в литературной репутации писателя свидетельствовал и С. П. Шевырев:

«Новое имя въ литературѣ — Г. Ѳедоръ Достоевскій! Молва журнальная трубила въ большія трубы передъ его появленіемъ. Разсылщики вѣстей о Петербургской литературѣ ходили по разнымъ Московскимъ гостиннымъ и трубили въ маленькія, но звонкія, голосистыя трубочки, что является звѣзда первой величины на небѣ нашей немногозвѣздной литературы. Намъ кажется, что вся эта суета была напрасна и только вредна новому таланту»²⁰.

Печатные отзывы были вершиной айсберга. Литературную репутацию Достоевского создали не они, а молва.

О том, как это было, рассказал Некрасов в неоконченной автобиографической повести «В тот же день часов в одиннадцать утра...» (середина 1850-х гг.). Все началось с того, как Чудов (Некрасов) передал Мерцалову (Белинскому) рукопись романа никому неизвестного автора. Критик насмешливо встретил восторги журналиста: «Чуть прочтете что-нибудь, понравится, расшевелит сердчишко, уж сейчас и превосходная, пожалуй, даже — гениальная вещь!»²¹. Прочитав рукопись, Мерцалов «с эффектом произнес»:

«...он гениальный человек! <...> Это художественное гениальное произведение! — с одушевлением продолжал Мерцалов. — Я вам скажу, Чудов, — заключил он, вспыхнув так, что лицо его покраснело, и сделав резкое движение рукой, — я не возьму за “Каменное сердце” всей русской литературы!»²².

И роман, и его оценка строгим критиком произвели впечатление:

«Весть о новом гениальном романе, о новом литературном гении с необыкновенною быстротою разнеслась в литературном кружке, центром и светилom которого был Мерцалов»²³.

Возникли разные обстоятельства: «гениальный человек» ждал поклонения, слух о «новом гении» распространился по Невскому проспекту, по Петербургу, Мерцалов каждому собеседнику читал отрывки из рукописи, в одну из пятниц состоялось «литературное чтение».

По свидетельству Некрасова, роман Достоевского ознаменовал «новую эпоху в русской литературе: такого воспроизведения действительности еще не бывало!»²⁴. Казалось бы, в этом случайно высказанном тезисе выражена

глубокая историко-литературная концепция нового реализма — концепция «натуральной школы».

Дебют Достоевского имел все предпосылки, чтобы оказаться в центре скандала. «Новый гений» попал в обстановку непримиримой литературной борьбы, сплетен и интриг. Состязание самолюбий выразилось не только в газетно-журнальной полемике, но и в личных отношениях лиц, причастных к полемике о писателе.

Вскоре изменились отношения в окружении Белинского. А. Я. Панаева вспоминала:

«Раз Тургенев при Достоевском описывал свою встречу в провинции с одной личностью, которая вообразила себя гениальным человеком, и мастерски изобразил смешную сторону этой личности. Достоевский был бледен как полотно, весь дрожал и убежал, не дослушав рассказа Тургенева. Я заметила всем: к чему изводить так Достоевского? Но Тургенев был в самом веселом настроении, увлек и других, так что никто не придавал значения быстрому уходу Достоевского. Тургенев стал сочинять юмористические стихи на Девушкина, героя “Бедных людей”, будто бы тот написал благодарственные стихи Достоевскому [за то], что он оповестил всю Россию об его существовании, и в стихах повторялось часто “маточка”»²⁵.

В ход пошли сплетни, в том числе о «кайме» [Захаров, 1985], [Тихомиров]. От злословия не удержался и В. Г. Белинский. Так, 17 февраля 1847 г. он рассказывал «презабавный анекдот», как Ф. М. Достоевский надул А. А. Краевского²⁶, а два дня спустя пересказал его И. С. Тургеневу²⁷. Дважды в письмах В. П. Боткину (4–8 ноября 1847 г.) и П. В. Анненкову (20 ноября — 2 декабря 1847 г.) В. Г. Белинский пересказал другой анекдот о покупке Ф. М. Достоевским «дивана с клопами» от А. А. Краевского²⁸.

В том же письме П. В. Анненкову В. Г. Белинский злорадствовал:

«Достоевский славно подкузмил Краевского: напечатал у него первую половину повести; а второй половины не написал, да и никогда не напишет. Дело в том, что его повесть до того пошла, глупа и бездарна, что на основании ее начала ничего нельзя (как ни бейся) развить. Герой — какой-то нервический <...> — как ни взглянет на него героиня, так и хлопнется он в обморок. Право!»²⁹.

Даже если предположить, что все рассказанное Белинским — правда, то ее перечеркивает этический промах — уверенность, что Достоевский не написал второй половины «Хозяйки», «да и никогда не напишет». Вторая часть повести «Хозяйка» вышла две недели спустя в двенадцатом номере «Отечественных записок» (цензурное разрешение от 20 ноября 1847 г.; вышел в свет 2 декабря 1847 г.).

Всего один раз Белинский связал Достоевского со словом *гений*. В письме П. В. Анненкову 15 февраля 1848 г., обозвав себя «ослом в квадрате», он вынес приговор автору когда-то восхищавших его «Бедных людей»:

«Надулись же мы, друг мой, с Достоевским — гением! О Тург<еневе> не говорю — он тут был самым собою, а уж обо мне, старом чорте, без палки нечего и толковать. Я, первый критик, разыграл тут осла в квадрате»³⁰.

В. Г. Белинский снова ошибся, но честь открытия «нового гения» принадлежит ему.

Примечания

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90012 («Ф. М. Достоевский в русской критике. 1845–1881»).

- ¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1985. Т. 28. Кн. 1. Письма 1832–1859. С. 115–116.
- ² <Белинский В. Г.> Мельникъ. (Le Meunier d'Angibault). Романъ Жоржа Санда. Переводъ Фурманна. Санктпетербургъ. Въ тип. Карла Крайя. 1845. Въ 8-ю д. л. 243 стр. // Отечественныя Записки. 1846. Т. XLIV (44). No 1. Январь. Отд. VI. С. 2.
- ³ <Белинский В. Г.> Петербургскій Сборникъ, изданный Н. Некрасовымъ // Отечественныя Записки. 1846. Т. XLIV (44). No 2. Февраль. Отд. VI. С. 45.
- ⁴ Там же. С. 45–46.
- ⁵ <Белинский В. Г.> Новый Критиканъ // Отечественныя Записки. 1846. Т. XLIV (44). No 2. Февраль. Отд. VIII. С. 126.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ <Белинский В. Г.> Вступленіе // Физиологія Петербурга, составленная изъ трудовъ русскихъ литераторовъ, подъ редакціей Н. Некрасова. Часть I. Санктпетербургъ, 1845. С. 13.
- ⁹ См. статьи: Русская литература. Физиологія Петербурга, составленная изъ трудовъ русскихъ литераторовъ, подъ редакціей Н. Некрасова. Съ политипажами. Изданіе книгопродавца А. Иванова. С. Петербургъ 1845. въ типографіи Journal de St. Petersburg. Въ 8-ю д. л., часть первая 303, часть вторая 276 стр. // Сѣверная Пчела. 1845. № 234. 17 октября. С. 934–935; Я. Я. Я. Русская журналистика. Отечественныя Записки. Учено-литературный журналъ, издаваемый Андреемъ Краевскимъ. Октябрьская и Ноябрьская книжки 1845 г. (Окончаніе) // Сѣверная Пчела. 1845. № 276. 7 декабря. С. 1102–1103.
- ¹⁰ Русская литература. Физиологія Петербурга, составленная изъ трудовъ Русскихъ литераторовъ, подъ редакціей Н. Некрасова. Съ политипажами. Изданіе книгопродавца А. Иванова. С. Петербургъ 1845. въ типографіи Journal de St. Petersburg. Въ 8-ю д. л., часть первая 303, часть вторая 276 стр. // Сѣверная Пчела. 1845. № 234. 17 октября. С. 935.
- ¹¹ Бѣлинскій В. Г. Мысли и замѣтки о русской литературѣ // Петербургскій Сборникъ, изданный Н. Некрасовымъ. Нѣкоторыя статьи иллюстрированы. Санктпетербургъ 1846. С. 547.
- ¹² Я. Я. Я. Русская литература. Петербургскій Сборникъ, изданный Н. Некрасовымъ. (Окончаніе.) // Сѣверная Пчела. 1846. № 26. 31 января. С. 103.
- ¹³ О. Б. Фельетонъ. Журнальная всякая всячина // Сѣверная Пчела. 1846. № 27. 1 февраля. С. 107.

- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Я. Я. Я. Русская литература // Сѣверная Пчела. 1846. № 47. 28 февраля. С. 187.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Я. Я. Я. Русская литература. Петербургскій Сборникъ, изданный Н. Некрасовымъ. С. П.-бургъ, 1846. Въ типографіи Эдуарда Праца. Въ большую осьмушку, 560 стр. // Сѣверная Пчела. 1846. № 25. 30 января. С. 99.
- ²⁰ Шевыревъ С. П. Критика. Петербургскій Сборникъ, изданный Н. Некрасовымъ. Спб. 1846, въ тип. Э. Праца // Москвитянинъ. 1846. № 2. С. 164.
- ²¹ Некрасов Н. А. Полн. собр. соч.: в 15 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); редкол.: М. Б. Храпченко (гл. ред.) и др. Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1984. Т. 8. Художественная проза. Незаконченные романы и повести, 1841–1856 гг. / подгот. текста и коммент. И. А. Битюгова и др. С. 412–413.
- ²² Там же. С. 414.
- ²³ Там же. С. 423.
- ²⁴ Там же. С. 434.
- ²⁵ Панаева А. Я. Воспоминания. М.: Худож. лит., 1972. С. 144–145.
- ²⁶ См.: Письмо В. Г. Белинского к В. П. Боткину. От 17 февраля 1847 г. // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); редкол.: Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) и др. М.: Изд-во АН СССР, 1956. Т. 12. Письма. 1841–1848 / [подгот. текста и примеч. К. П. Богаевской; ред. Ю. Г. Оксман]. С. 332–333.
- ²⁷ См.: Письмо В. Г. Белинского к И. С. Тургеневу. От 18 февраля 1847 г. // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 12. С. 335–336.
- ²⁸ См.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 12. С. 422, 429.
- ²⁹ Письмо В. Г. Белинского к П. В. Анненкову. От 20 ноября — 2 декабря 1847 г. // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 12. С. 430.
- ³⁰ Письмо В. Г. Белинского к П. В. Анненкову. От 15 февраля 1848 г. // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 12. С. 467.

Список литературы

1. Баршт К. А. Литературный дебют Ф. М. Достоевского: творческая история романа «Бедные люди» // Достоевский Ф. М. Бедные люди / изд. подгот. К. А. Баршт. — М.: Ладомир: Наука, 2015. — С. 379–515.
2. Фридлендер Г. М. [Примечания] // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1972. — Т. 1. — С. 464–480.
3. Рак В. Д., Фридлендер Г. М. [Примечания] // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: в 35 т. / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН; редкол. В. Е. Багно (гл. ред.) и др. — СПб.: Наука, 2013. — Т. 1. Бедные люди. Повести и рассказы. 1844–1846 / редактор тома В. Д. Рак. — С. 647–679.
4. Захаров В. Н. По поводу одного мифа о Достоевском // Север. — 1985. — № 11. — С. 113–120.
5. Захаров В. Н. Дебют гения // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты / изд. в авт. орфографии и пунктуации под ред. В. Н. Захарова. — Петрозаводск: ПетрГУ, 1995. — Т. 1. — С. 609–637.

6. Захарова О. В. Первое упоминание Достоевского в печати // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». — 2013. — № 7 (136). — Т. 2. — Ноябрь. — С. 66–68.
7. Кийко Е. И. В. Г. Белинский. Очерк литературно-критической деятельности. — М.: Просвещение, 1972. — 176 с.
8. Кирпотин В. Достоевский и Белинский. — М.: Худож. лит., 1976. — 302 с.
9. Тихомиров Б. Н. Стихотворное «Послание Белинского к Достоевскому»: итоги и проблемы изучения // Проблемы исторической поэтики. — 2019. — Т. 17. — № 3. — С. 62–85 [Электронный ресурс]. — URL: poetica.pro/files/redaktor_pdf/156801144.pdf (20.01.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2019.6342
10. Чуковский К. И. Достоевский и кружок Белинского // Некрасов Н. А. Каменное сердце. — Пб.: Полярная звезда, 1922. — С. 3–38.

Ol'ga V. Zakharova

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)
ovzakh05@yandex.ru*

Donkey Squared, or Who First Called Dostoevsky a Genius?

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian foundation for basic research (RFBR), project number 18-012-90012 (“F. M. Dostoevsky in Russian Criticism. 1845–1881”).

Abstract. The article examines the literary circumstances of F. M. Dostoevsky's debut. They were reflected in the correspondence and memoirs, and in his contemporaries' literary polemics. Dostoevsky was one of the few Russian writers who was awarded the title of genius by critics long before the publication of his first novel. Thus, the question of who had called him a genius emerges as relevant? For the first time this word was uttered by V. G. Belinsky, but neither he nor his associates declared Dostoevsky a genius in print. Rumors did it for them more effectively than the printed word. The rumor of “extraordinary talent” and “new genius” provoked the opponents of V. G. Belinsky: F. V. Bulgarin, O. I. Senkovsky, L. V. Brant, S. P. Shevyrev, etc. As they tried to convince readers of the mediocrity of the up-and-coming talent, they unwittingly made Dostoevsky a genius, presented his brilliance as a fact. Two years later, Belinsky abandoned his discovery of the genius of Dostoevsky, and called himself “a donkey squared”, yet the revision of the personal relationship did not affect the writer's literary fate. The scandal and controversy over the novel *The Poor Folk* reinforced Dostoevsky's fame.

Keywords: F. M. Dostoevsky, V. G. Belinsky, F. V. Bulgarin, L. V. Brant, N. A. Nekrasov, new Gogol, genius, *The Poor Folk*, literary criticism, polemics

About the author: Zakharova Olga V. — PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Classical Literature, Russian Literature and Journalism, Petrozavodsk State University (pr. Lenina 33, Republic of Karelia, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation)

Received: June 10, 2020

Date of publication: September 30, 2020

For citation: Zakharova O. V. Donkey Squared, or Who First Called Dostoevsky a Genius? In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2020, no. 3, pp. 20–30. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4821 (In Russ.)

References

1. Barsht K. A. Dostoevsky's Literary Debut: The Creative History of the Novel "The Poor Folk". In: *Dostoevskiy F. M. Bednye lyudi* [Dostoevsky F. M. *The Poor Folk*]. Moscow, Lodomir Publ., Nauka Publ., 2015, pp. 379–515. (In Russ.)
2. Fridlender G. M. Notes. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [Dostoevsky F. M. *The Complete Works: in 30 Vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972, vol. 1, pp. 455–514. (In Russ.)
3. Rak V. D., Fridlender G. M. Notes. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 35 tomakh* [Dostoevsky F. M. *The Complete Works and Letters: in 35 Vols*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013, vol. 1, pp. 647–679 (In Russ.)
4. Zakharov V. N. About One Myth of Dostoevsky. In: *Sever*, 1985, no. 11, pp. 113–120. (In Russ.)
5. Zakharov V. N. Genius Debut. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: kanonicheskie teksty* [Dostoevsky F. M. *The Complete Works: Canonical Texts*]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1995, vol. 1, pp. 609–637. (In Russ.)
6. Zakharova O. V. First Reference to Dostoevsky's Name in Print Media. In: *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye i gumanitarnye nauki* [Proceedings of Petrozavodsk State University. Ser.: Social Sciences and Humanities], 2013, no. 7, pp. 66–68. (In Russ.)
7. Kiyko E. I. V. G. Belinskiy. *Ocherk literaturno-kriticheskoy deyatel'nosti* [V. G. Belinsky. *Essay Literary-Critical Activities*]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1972. 176 p. (In Russ.)
8. Kirpotin V. *Dostoevskiy i Belinskiy* [Dostoevsky and Belinsky]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1976. 302 p. (In Russ.)
9. Tikhomirov B. N. The Poems "The Missive of Belinsky to Dostoevsky": Results and Problems of the Study. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2019, vol. 17, no. 3, pp. 62–85. Available at: poetica.pro/files/redaktor_pdf/1568011144.pdf (accessed on January 20, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2019.6342 (In Russ.)
10. Chukovskiy K. I. Dostoevsky and Belinsky's Circle. In: *Nekrasov N. A. Kamennoe serdtse* [Nekrasov N. A. *Heart of Stone*]. Petersburg, Polyarnaya zvezda Publ., 1922, pp. 3–38. (In Russ.)

DOI: 10.15393/j9.art.2020.4941

УДК 821.161.1.09“18”

В. Н. Захаров

*Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)*

vnz01@yandex.ru

Гениальный «Двойник»: почему критики не понимают Достоевского?

Аннотация. В эйфории от успеха «Бедных людей» Достоевский написал оригинальное произведение — фантастическую повесть с абсурдным сюжетом, в которой действуют два совершенно подобных героя: два Якова, два Петровича, два Голядкина, два титулярных советника, служащих в одном департаменте. Их сходство никак не объяснено. По словам автора, это «совершенно необъяснимое происшествие», тем не менее критики только и делают, что пытаются выяснить, почему появился двойник. Спектр интерпретаций широк — от рационалистического и эмпирического отрицания фантастики до многочисленных психопатологических, этических, социальных и иных ее концепций. У них один статус: все они являются внетекстовым прочтением произведения. Критики не читают Достоевского, а сочиняют своего «Двойника». Всё началось с Белинского, который допустил фактические ошибки в анализе «Двойника». Добролюбов откровенно признался, что объяснение двойника у него сложилось «при перелистыванье» повести. Все последующие интерпретации являются вариациями их объяснений фантастики. Достоевский болезненно пережил непонимание читателей и критиков. В 1862 и 1864 гг. он создал наброски для переработки «Двойника». В сентябре 1866 г., не имея возможности осуществить этот замысел, Достоевский сократил журнальную редакцию, внес другие изменения, которые полемически направлены против интерпретаций Белинского и Добролюбова. Анализ двух редакций «Двойника», материалы записных книжек 1862–1864 гг. (РГБ. Ф. 93.1.2.6 и РГБ. Ф. 93.1.2.7) свидетельствуют, что Достоевский мыслил двойника не призраком, галлюцинацией или бредом сумасшедшего, а реальным действующим лицом повести. Отрицая подобие и протестуя против безнравственности младшего Голядкина, старший возглашает: *человек бесподобен*. Эта идея была развитием антропологического принципа, который Достоевский открыл в «Бедных людях», а позже ярко выразил в «Записках из подполья».

Ключевые слова: Достоевский, «Двойник», творческая история, история текста, записные книжки, фантастика, сюжет, идея, интерпретации

Об авторе: Захаров Владимир Николаевич — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой классической филологии, русской литературы и журналистики, Петрозаводский государственный университет (пр. Ленина, 33, г. Петрозаводск, Российская Федерация, 185910)

Дата поступления: 01.06.2020

Дата публикации: 30.09.2020

Для цитирования: Захаров В. Н. Гениальный «Двойник»: почему критики не понимают Достоевского? // Неизвестный Достоевский. — 2020. — № 3. — С. 31–53. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4941

Достоевский вдохновенно писал «Двойника». В кружке Белинского автор «Бедных людей» был признан «новым Гоголем». В литературной среде двух столиц писатель, не напечатавший еще ни строки, прослыл гением. После романа «Бедные люди» от Достоевского ждали чего-то необыкновенного, и автор рискнул — он писал, по собственному признанию, «шедевр»¹, задумал гениальное произведение. В этом и был творческий просчет автора: для гениального сочинения нужен был конгениальный читатель — среди критиков таковых не нашлось.

В момент выхода повести из печати он убеждал брата 1 февраля 1846 г.:

«Голядкин в 10 раз выше Бедных людей. Наши говорят что после *Мертвых душ* на Руси не было ничего подобного, что произведение гениальное и чего-чего не говорят они! С какими надеждами они все смотрят на меня! Действительно Голядкин удался мне донельзя. Понравится он тебе, как не знаю что! Тебе он понравится даже лучше Мертвых душ, я это знаю» (15₁: 76).

Вскоре триумф обернулся скандалом. Критики отвернулись от героя повести, от его переживаний и тревог, нашли текст растянутым и непонятным, не приняли фантастику. Достоевский тяжело переживал неудачу, даже «заболел от горя» (15₁: 78), но жадно ловил слухи, опровергавшие приговор критиков:

«Иные из публики кричат что это совсем невозможно, что глупо и писать и помещать такие вещи, другие же кричат что это с них и списано и снято, а от некоторых я слыхал такие мадригалы что говорить совестно» (15₁: 78).

Временами возникала иллюзия, что читатели понимают «Двойника». В январе-феврале 1847 г. он делился этими переживаниями с братом:

«О Голядкине я слышу исподтишка (и от многих) такие слухи что ужас. Иные прямо говорят что это произведение *чудо* и не понято. Что ему страшная роль в будущем, что если б я написал одного Голядкина то довольно с меня, и что для иных оно интереснее Дюмаковского интереса. Но вот самолюбие мое расхлесталось. Но брат! Как приятно быть понятым» (15₁: 93).

До конца жизни автор мечтал взять творческий реванш. Желание «обделать» и напечатать повесть отдельным изданием возникло вскоре после ее публикации (15₁: 90). «Переделка» «Двойника» входила в планы по подготовке двухтомного собрания сочинений 1860 г. В письме от 1 октября 1859 г. Достоевский убеждал брата и себя:

«Поверь брат, что это исправление, снабженное предисловием — будет стоит *нового романа*. Они увидят наконец что такое Двойник! Я надеюсь слишком даже заинтересовать. Одним словом, я вызываю всех на бой (и наконец если я теперь не поправлю Двойника, то когда же я его поправлю?

Зачем мне терять превосходную идею, величайший тип, по своей социальной важности, который я первый открыл и которого я был провозвестником?» (15: 259).

Лишь позже, в ноябре 1877 г. (из поздних романов не написаны только «Братья Карамазовы») Достоевский признал неудачу «Двойника», но добавил слова о «довольно светлой» идее «Двойника», серьезнее которой он «никогда ничего в литературе не проводил» (12: 257).

За этой фигурой самокритики и словами о великой идее скрывается надежда автора, что читатели еще поймут его непризнанный шедевр.

Первые интерпретации «Двойника» сразу обозначили конфликт автора и критиков. Профессиональные читатели не поняли и отвергли фантастику. Она была не в духе времени: в моде были другие настроения — позитивизм, рационализм, эмпиризм, фантастика противоречила эмпирическому опыту — она не нужна. Наиболее радикально это отрицание фантастики выразил Белинский: «Фантастическое в наше время может иметь место только в домах умалишенных, а не в литературе, и находится в заведывании врачей, а не поэтов» [Белинский, 1956: 41].

Белинский с оговорками, но высоко оценил социальное содержание, психологический анализ и гуманистический пафос повести Достоевского.

Критик считал Голядкина-младшего реальным лицом в повести — правда, высказал это суждение в таком своеобразном контексте:

«...каждый читатель совершенно вправе не понять и не догадаться, что письма Вахрамеева и г. Голядкина-младшего г. Голядкин-старший сочиняет сам к себе, в своем расстроенном воображении, даже что наружное сходство с ним младшего Голядкина совсем не так велико и «поразительно, как показалось оно ему в его расстроенном воображении, и вообще о самом помешательстве Голядкина не всякий читатель догадается скоро» [Белинский, 1955: 565].

Белинский ошибся: сходство двух Голядкиных разительно, оба совершенно похожи друг на друга. Ошибся критик и в суждении по поводу писем. Переписка Голядкина-старшего реальна: в «Двойнике» есть переписка Голядкина с Вахрамеевым, есть письма Голядкина-старшего младшему, но нет писем Голядкина-младшего. Доставка каждого письма сопровождается авторскими ремарками, из которых ясно, кто и как доставил письмо.

Белинский невнимательно читал «Двойника». Его ошибки усугубил Добролюбов, который без всяких оговорок принял ключевой тезис критика: «Итак, герой романа — сумасшедший!» [Белинский, 1955: 563].

Добролюбов трижды принимался читать «Двойника», и каждый раз безуспешно. Дважды — в 1850 г., в четырнадцать лет.

19 февраля ученик Нижегородской духовной семинарии записал в читательском дневнике:

«Гадость. Характер Голядкина пренеестественный. Завязка преглупая; для чтения утомительно... просто черт знает что такое» [Добролюбов, 1964: 396].

Несколько месяцев спустя, 31 мая 1850 г., он изменил оценку:

«“Двойник” перечитал в другой раз, и он мне показался вовсе не таким гадким, как прежде. Теперь я понял, что Голядкин — помешанный. В частности особенно очень хорошо» [Добролюбов, 1964: 398].

Для читателя-семинариста отзывы извинительны: подросток не понял прочитанное, мнимая разгадка «гадкого Голядкина» примирила будущего критика с автором повести.

Удивительно, что и десять лет спустя ученический способ чтения и игнорирование авторского текста присущи Добролюбову-критику.

Допустив в статье «Забитые люди», «что если уж для каждого сумасшествия должна быть своя причина», Добролюбов заявил: «...всего естественнее предлагаемое мною объяснение, которое само собою сложилось у меня в голове при перелистыванье² этой повести (всю ее сплошь я, признаюсь, одолеть не мог)» [Добролюбов, 1963: 258].

Упрекнув Достоевского в «неудачной фантастичности рассказа», критик объясняет вместо автора:

«Он раздвоится, самого себя он видит вдвойне... Он группирует всё подленькое и житейски ловкое, всё гаденькое и успешное, что ему приходится в фантазию; но отчасти практическая робость, отчасти остаток где-то в далеких складках скрытого нравственного чувства препятствуют ему принять все придуманные им пронырства и гадости на себя, и его фантазия создает ему “двойника”. Вот основа его помешательства» [Добролюбов, 1963: 258].

Добролюбов проясняет, как ему кажется, сюжет повести:

«...Г. Голядкин всё это самого же себя рисует в виде двойника своего. Выдумывая его небывалые, фантастические подвиги, он имеет мысль, что вот поступай он только таким образом (как некоторые люди и поступают) — и по службе он успевай бы, и насмешкам товарищей не подвергался, и не был бы затерт каким-нибудь выскочкой, раньше его получившим коллежского, и главное — не был бы так безбожно обижен драгоценною Кларою Олсуфьевною и ее родными» [Добролюбов, 1963: 258–259].

Голядкин не выдумывает, он видит наяву двойника и его «фантастические подвиги». Выдумал критик и приписал свои фантазии герою. Фантастичнее всего в этой ситуации то, что, несмотря на все признания и оговорки Добролюбова, его объяснение двойника стало общепринятым в русской и мировой критике.

В 1965 г. пересмотр традиционной концепции «Двойника» предпринял Ф. И. Евнин, который дал критический анализ трактовки Добролюбова. Исследователь точно обозначил коллизию повести: «Смысл двойничества Голядкина не во внутреннем раздвоении, а *во внешнем замещении, вытеснении его из занимаемого места в жизни*» [Евнин: 12]. Появление этой концепции симптоматично: осталось сделать следующий шаг — признать двойника не призрак, а Яковом Петровичем Голядкиным-младшим. К слову сказать, в своем отзыве на автореферат моей кандидатской диссертации «Фантастическое в эстетике и творчестве Достоевского» (1975), Федор Исакович отказался от своей и принял мою концепцию повести. Она изложена в серии статей и монографий ([Захаров, 1974: 106–109, 114–116], [Захаров, 1975: 9–16], [Захаров, 1978: 23–74], [Захаров, 1985: 72–95], [Захаров, 1990], [Захаров, 1995: 625–634], [Захаров, 2005: 641–645, 649–654], [Захаров, 2008], [Захаров, 2013: 88–133] и др.); отсылка к данным публикациям освобождает меня от критики критиков и полемики по многим аспектам изучения повести. Остановлюсь на принципиальных моментах.

В рамках традиционной концепции фантастического исследователь неизбежно претендует стать соавтором писателя. Сочтя его текст дефектным, он получает право объяснять то, что не понял и не вычитал у Достоевского.

Иронично и откровенно эту ситуацию описал М. Джоунс:

«Можно, конечно, сочинить ряд “историй”, более или менее удовлетворительно объясняющих “сюжет”, реконструкций, которые зависели бы от воображаемого заполнения бесконечного числа пробелов в ткани рассказа; можно взять на себя задачу досконально переписать текст, радикально пересмотрев в нем роль рассказчика. <...> Ни герой, ни читатели не знают, в каком отношении они находятся к принципу реальности. <...> В каком-то смысле весь роман — это замечательный *tour de force*, предвосхищающий постмодернистские тексты» [Джоунс: 76–77].

«Сочинить», «переписать»... Вместо интерпретации авторского текста почти все критики сочиняют и «пишут» *своего* «Двойника».

В мировой литературе есть разные образы двойников.

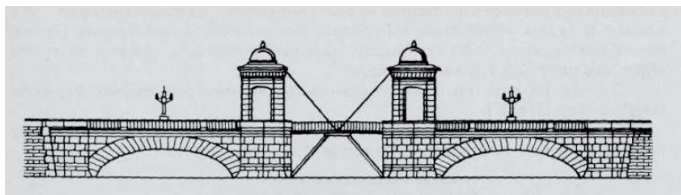
Самые типичные — близнецы, «двое детей одной матери, рожденные вместе» [Даль: 197]. Так, один из них, близнец Иаков, купил у брата Исавы право первородства за чечевичную похлебку (Быт. 25: 29–34). Иногда двойниками оказываются похожие друг на друга близкие родственники или случайные люди. В комических и трагических жанрах широко используются возникающие в этих случаях различные осложнения фабулы: путаница, подмены, перипетии.

Есть оригинальные трактовки темы двойников. Разноликий «Песочный Человек» стал в рассказе Гофмана воплощением зла, персонификацией враждебных человеку сил. Двойник был умным собеседником Антония Погорельского в обсуждении литературных досугов в его «Вечерах

в Малороссии». Портрет Дориана Грея вобрал в себя всё порочное и плохое, что копила душа мерзавца (Оскар Уайльд). «Черный человек» олицетворяет подлое и дурное в лирическом герое поэмы Есенина; он — «прескверный гость», бросив в которого трость, попадаешь в зеркало.

У Голядкина совсем другой двойник. Его вполне можно было бы представить призраком, видением, фантомом, галлюцинацией, иллюзией, обманом чувств — у Достоевского он явлен реальным лицом [Захаров, 1978: 23–94].

Двойник не случайно возник на берегах Фонтанки с ее семью однотипными мостами-двойниками и архитектурным завершением этой темы в скульптурной композиции укротителей коней — близнецами Диоскурами на Аничковом мосту [Федоров, 1974], [Федоров, 2004: 201–207, 220–243], [Захаров, 1985: 89–94]. Мосты были построены по одному проекту.

Илл. 1. Типовой мост через Фонтанку. Рисунок из открытых источников

Fig. 1. A typical bridge over the Fontanka river. Open-source images

В процессе обретения двойника Голядкин начинает свой путь от Измайловского, проходит Обуховский, Семеновский, Чернышев мосты.

Илл. 2–3. Однотипные мосты-двойники: 2) Измайловский мост.

Гравюра Самуэля Шоле (по рис. Альфреда Викерса) (1838).

3) Обуховский мост. Литография Карла Беггрова (1823).

Иллюстрации взяты из открытых источников

Fig. 2–3. Twin bridges of the same type over Fontanka: 2) Izmailovsky bridge.

An engraving by Samuel Cholet (drawing by Alfred Vickers) (1838),

3) Obukhov bridge. Lithograph by Charles Beggrow (1823). Open-source images

На некоторых изображениях пропорции искажены. О том, как реально выглядели мосты, можно судить по Чернышеву мосту. В настоящее время лишь он один сохранил свой исторический вид.

Илл. 4–5. Однотипные мосты-двойники: 4) Семеновский мост.
Акватинта Мишеля Дамам-Демартре (1813),
5) современное фото Чернышева моста (мост Ломоносова).
Иллюстрация и фото взяты из открытых источников

Fig. 4–5. Twin bridges of the same type over Fontanka: 4) Semenovsky bridge.
Aquatint by Michel Damam-Demartre (1813),
5) Modern photo of the Chernyshev bridge (Lomonosov bridge).
Open-source images

Уже обретший в полночь двойника Голядкин пересекает Аничков мост, в то время украшенный двумя совершенно подобными парами скульптурных композиций укротителей коней.

Илл. 6–7. Вид Аничкова моста до и после перестройки 1841 г. на акварелях
6) П. А. Александрова (1825) и 7) В. И. Садовникова (1847).
Иллюстрации взяты из открытых источников

Fig. 6–7. View by the Anichkov bridge before and after renovation
in 1841 in watercolors, 6) P. A. Alexandrov (1825) and 7) V. I. Sadovnikov (1847).
Open-source images

Сама семиотика архитектурного пространства вызывает двойника из небытия.

Еще до появления двойника в жизни Голядкина была некая «мнимая величина», которая мешала ему получить чин коллежского асессора, добиться благосклонности Клары Олсуфьевны. В пятой главе эта «мнимая величина» воплотилась во втором Голядкине.

Вот как это произошло. Герой долго стоял и смотрел на темную воду Фонтанки:

«Вдруг... вдруг он вздрогнул всем телом и невольно отскочил шага на два в сторону. С неизъяснимым беспокойством начал он озиаться кругом; но никого не было, ничего не случилось особенного, — а между тем... между тем ему показалось, что кто-то сейчас, сию минуту, стоял здесь, около него, рядом с ним, тоже облокотясь на перила набережной, и — чудное дело! — даже что-то сказал ему, что-то скоро сказал, отрывисто, не совсем понятно, но о чем-то весьма к нему близком, до него относящемся. «Что ж, это мне почудилось, что ли?» — сказал господин Голядкин, еще раз озираясь кругом» (1: 110).

Нет, не почудилось: так возник и исчез некто рядом. Далее дважды с интервалом в «десять минут» на пути к Аничкову мосту навстречу Голядкину попался «прохожий», в котором он с ужасом узнает свое подобие, себя самого. Почему «десять минут»? Это достаточное время, чтобы успеть сделать круг по двум из пяти мостов: Измайловскому, Обуховскому, Семеновскому, Чернышеву, Аничкову.

«Незнакомец» сделал три круга: первый раз после появления и исчезновения, второй и третий — когда дважды с интервалом в десять минут он зачем-то бежит навстречу смятенному господину Голядкину.

Что означают эти круги по мостам Фонтанки?

На Литейной улице (так в то время называли Литейный проспект) за Голядкиным увязалась «какая-то затерянная собачонка, вся мокрая и издрогшая» и «бежала около него бочком, торопливо, поджав хвост и уши, по временам робко и понятливо на него поглядывая». Голядкин силится, но не может вспомнить: «Какая-то далекая, давно уж забытая идея, — воспоминание о каком-то давно случившемся обстоятельстве — пришла теперь ему в голову, стучала, словно молоточком, в его голове, досаждала ему, не отвязывалась прочь от него. “Эх, эта скверная собачонка!” — шептал господин Голядкин, сам не понимая себя» (1: 113).

Догадаться, что забыл герой, должен читатель. Двойник не пудель, но именно эту ассоциацию подсказывает автор: Мефистофель является Фаусту в виде черного пуделя, который кругами приближается к нему и к Вагнеру. Здравомыслящий друг Фауста не видит ничего необычного в собаке. В глазах же Фауста это страшный пес, из-под лап которого вьется огненный вихрь. Читатель должен обратить внимание на этот мефистофельский подтекст.

Так же кругами двойник бежит по мостам Фонтанки, затем Голядкин видит его на повороте в Итальянскую улицу. Чтобы свернуть с Литейной в Итальянскую улицу, нужно обогнуть флигель Мариинской больницы для бедных, чьей точной копией была московская Мариинская больница для бедных, в правом флигеле которой родился, в левом флигеле провел детские годы до мая 1837 года сам Федор Михайлович. Обе больницы построены по одному и тому же проекту архитектора Джакомо Кваренги: в Петербурге — в 1803 г., в Москве — в 1806 г.

Илл. 8. Литография «Больница для бедных в С.-Петербурге»
С. Галактионова по рисунку П. Свинына (1818)

Fig. 8. Lithograph *Hospital for the Poor in St. Petersburg* by S. Galaktionov
based on a drawing by P. Svinyin (1818)

Зачем это нужно? Зачем автор постоянно отмечает двойничество Москвы и Петербурга?

Внешне ничто в этом эпизоде не противоречило бы эмпирическому опыту, если бы не эти явно «избыточные» совпадения и авторские подсказки: название главы в журнальной редакции («Совершенно необъяснимое происшествие»), аллюзии из «Фауста» Гете и «Принцессы Брамбиллы» Гофмана, создающие «фантастический колорит» [Захаров, 1978: 39–41], [Захаров, 1985: 78–81].

Произошло не раздвоение, а удвоение Голядкина. Двойственность как была, так и осталась в характере героя. Появились два внешне подобных титулярных советника, один из которых сначала никто и ничто (*tabula rasa*), но в течение двух дней становится антиподом «настоящего» Голядкина.

На следующее утро после появления двойника фантастическое становится обыденным. Ночной «незнакомец» предстает таким же заурядным чиновником, как сам герой повести: тоже Яков, тоже Петрович, тоже Голядкин, тоже титулярный советник. Они могли бы носить разные имена, иметь разные чины, но автор доводит ситуацию до абсурда — у них и имя одно.

Голядкин-младший поступил на службу в тот же самый департамент, где служит старший, он робок, заискивает, унижается, пытается сблизиться с «настоящим» Голядкиным. На второй день он преображается: служит уже «по особым поручениям» при его превосходительстве, предает старшего, прилюдно насмехается над ним. Старший пытается усовестить младшего, его тревожит, что их могут перепутать: начинает писать письма, преследует, пытается объясниться, но безуспешно. Младший неуязвим.

В глазах сослуживцев поведение Голядкина скандально: «третьего дня» он насмешливо поздравил Владимира Семеновича по случаю получения им асессорского чина, претендует на внимание дочери своего покровителя Олсуфия Ивановича Берендеева, незваным является на день рождения Клары Олсуфьевны, позже интригует против двойника.

Как точно выразился Н. Добролюбов, герой помыслил «о соблазнительном равенстве друг с другом» [Добролюбов, 1963: 252]. Он хотел жить «особо», быть в своем праве, попытался разделить частное и официальное, личное и служебное, быть с генералом «на равной социальной ноге», но всё вдруг переменялось: все оставили его, стали врагами, как кажется Голядкину.

Коллизия двух Голядкиных представлена как оппозиция: старший / младший, настоящий / поддельный, оригинал / копия, честный / подлый, хороший / плохой. Один чист, опрятен, приятен, кроток, добросердечен, незлобив; другой — негодяй, подлец, бессовестный и «развратный человек», «злодей», «шалун, прыгун, лизун, хохотун, легок на язычок и на ножку» и т. д. Один хочет быть хорошим, но не всегда получается; другой выстраивает свои отношения с людьми на «подлом расчете».

Став чиновником по особым поручениям, младший не конкурент старшему по службе. Он не претендует на то, о чем мечтал старший: ему не нужна Клара Олсуфьевна, в данный момент его не интересует чин коллежского асессора.

Голядкин не сумасшедший — он постепенно сходит с ума. Если бы он страдал манией преследования, то прятался бы от младшего и других. В сюжете дана другая динамика: старший преследует младшего, протестует против его образа действий — против подлости и поддельности. Автор тонко показывает развитие болезни через всё более усиливающееся отчуждение сознания героя от действительности (что думает герой, то и является реальностью), некритическое восприятие информации — он всё принимает на веру (письмо от имени Клары Олсуфьевны), подчиняется императивным требованиям авторов письма: едет спасать, а точнее,

похищать Клару Олсуфьевну «из родительского дома». Финал его приключений — сумасшедший дом.

Поэтика «Двойника» обусловлена творческой сверхзадачей автора. Гениальный писатель задумал и написал гениальное произведение.

Достоевский, конечно, понимал, что его сочинения читают обыкновенные люди, которые могут не вспомнить забытые тексты, не должны расшифровывать архетипы русской истории, петербургской архитектуры и литературы.

Он высказывался ясно и понятно в тексте произведения, но вместе с тем проводил свой замысел на всех уровнях повествования: в именах героев, в пространстве и времени действия, в сюжете и мотивах, в системе аллюзий и цитат. В текст и одновременно в подтекст своих произведений Достоевский вводил мифы древности, сказания Ветхого Завета, свидетельства Благой Вести, античные и средневековые сюжеты, литературные аллюзии и реминисценции из сочинений русских и мировых писателей.

Произведения Достоевского насыщены историко-культурными аллюзиями. Его текст постоянно отсылает читателя к другим текстам разных авторов, театральным, музыкальным и газетно-журнальным впечатлениям. «Двойник» продолжает открытый Пушкиным и Гоголем жанр петербургской повести и образует этот литературный ряд из пяти повестей в творчестве Достоевского («Двойник», «Хозяйка», «Слабое сердце», «Записки из подполья», «Крокодил») [Захаров, 1985: 65–112]. Исторический хронотоп «Двойника» включает атрибуты летописного, московского и петербургского текста [Федоров, 1974], [Топоров], [Захаров, 1985: 89–93], [Захаров, 1995: 630–632], [Федоров, 2004: 194–253], [Захаров, 2013: 108–111]. Семантика фамилий *Голядкин* и *Берендеев* связана с «московским субстратом» русской истории [Топоров]. Но — зачем герои Достоевского, чьи фамилии связаны с началом Москвы, живут и служат в Петербурге? Зачем автор подчеркивает историческое двойничество Петербурга?

Текст, подтекст и контекст на разных уровнях углубляют проблематику «петербургской повести» Достоевского.

Повесть Достоевского существует в двух редакциях — в первой, журнальной (1846), и второй, подготовленной для третьего тома Полного собрания сочинений, тогда же вышедшей и отдельным изданием (1866).

В давней, 1927 г., статье о работе Достоевского над «Двойником» Р. И. Аванесов дал обстоятельное аналитическое описание творческой истории повести, двух редакций, заготовок к переработке «Двойника» в записных книжках 1862–1864 гг. [Аванесов]. Его выводы уточнены в комментариях [Достоевский, 1972: 484–486], оспорены в моей работе [Захаров, 1978: 54–63]. Р. И. Аванесов подверг резкой критике сокращения во второй редакции, из-за которых исчезают мотивировки поступков героев и связь событий. Исследователь не понял причины появления второй редакции, оценил ее как случайную и нетворческую. Поводом для критики стали различные, по

его выражению, «невязки» в тексте второй редакции и исчезнувшие в результате сокращений некоторые мотивировки событий, что привело к их рассогласованию.

В критике второй редакции Р. И. Аванесов обнаружил, но не раскрыл одну особенность поэтики «Двойника», которую я назвал бы тотальным детерминизмом.

В свое время этот принцип драматической поэтики сформулировал А. П. Чехов: «Нельзя ставить на сцене заряженное ружье, если никто не имеет в виду выстрелить из него» [Чехов: 273]¹³.

В журнальной редакции «Двойника» всё задано, мотивировано, обусловлено, всё не случайно.

Так, в сцене в кофейной Голядкин полез в карман за платком, но вместо платка к ужасу своему достал «стеклянку с каким-то лекарством, дня четыре тому назад прописанным Крестьяном Ивановичем» (1: 177). В журнальной редакции это событие связано с разговором героя с Крестьяном Ивановичем, его рекомендацией обратиться к аптекарю в Сергиевской, хлопотами соотечественников за Каролину Ивановну, письмом Вахрамеева с намеками на увольнение [Аванесов: 187; ср. 174–175]. Во второй редакции осталось только подозрение и симптом заболевания героя: в стеклянке яд, его хотят отравить (6: 195).

Вместо тотального детерминизма во второй редакции появилось новое качество повествования — случайность ряда событий и поступков героя.

Поводом для критики Р. И. Аванесовым редакции 1866 г. было и то обстоятельство, что в ней не использованы наброски к переработке из записных книжек Достоевского.

Желание исправить «Двойника» возникло у Достоевского уже в 1846 г. Тогда автор отложил отдельное издание повести, позже не включил в собрание сочинений 1860 г., перенес печатание «Двойника» на более поздний срок «впоследствии, при успехе, отдельно, совершенно переделав и с предисловием» (15₁: 259). В 1862 и 1864 гг. в записных книжках писателя появились заготовки к переработке «Двойника». Они многократно привлекали внимание исследователей, их охотно цитируют, но без внимания осталось то, как Достоевский мыслил двойника и двойничество, создавал эпизоды, диалоги, разрабатывал конфликт двух Голядкиных.

Первый подступ к переработке — наброски в контексте июньско-августовских записей 1862 г., в которых Достоевский записал маршрут своего заграничного путешествия (выехал утром 7 июня), спорил с Чернышевским, заполнил пять страниц записями о Голядкине, сделал наброски к «Скверному анекдоту» и «Запискам из Мертвого Дома», к «Объявлению о подписке на журнал “Время” на 1863 год», вышедшем в сентябрьском номере «Времени» (цензурное разрешение 14 сентября). В этом хронологическом диапазоне и появились первые наброски к «Двойнику». Второй этап — записи в июле 1864 г., когда после смерти брата решалась судьба журнала «Эпоха».

Записные книжки дают ответ на вопрос, кто и что есть двойник.

Двойник не фантом, не воображаемое лицо. Он реален. Имя его — Яков Петрович Голядкин-младший, титулярный советник, чиновник, поступивший в тот же самый департамент, где служит старший. Он — подобие, точная копия старшего, и только в этом качестве он присутствует в набросках. Как, впрочем, и в тексте повести. Голядкиных двое. Иного не дано. Призрака меж ними нет.

Сюжет переработки задан в парадигме прежнего замысла, реализованного в журнальной редакции 1846 г.

В набросках Достоевский усложняет взаимоотношения двух Голядкиных. Если в журнальной редакции старший вначале пытался покровительствовать младшему, то в заготовках возникают сюжетные ситуации, в которых старший прибегает к покровительству младшего, ищет у него защиту. Автор насыщает эти коллизии личными переживаниями, придает им автобиографическое значение. Попытка старшего подружиться с младшим каждый раз завершается тем, что тот сплетничает, наущничает, выставляет на смех, обманывает, предает. В конфликте с младшим старший — страдательное лицо. Двойник отрицает старшего Голядкина. Стыдливый и совестливый не нужен — успешен подлец, основывающий свои отношения на *«подлом расчете»*. Желая действовать «благородным образом» старший предсказуем, младший знает «все тайны старшего», угадывает его поступки.

Если в журнальной редакции двойственность свойственна только старшему Голядкину, то в набросках есть попытки придать эту черту и младшему, который, с одной стороны, как бы «олицетворенная совесть старшего», с другой — «олицетворение подлости». В некоторых записях автор очеловечивает двойника, он уже не просто подлец, у него обнаруживается характер.

В набросках дан обстоятельный анализ «анатомии всех русских отношений к начальству», в которых путается, но хотел бы разобраться герой повести.

Есть развитие нового мотива, который дан в двух вариантах: дуэли с поручиком и дуэли с генералом, последняя — со сложной интригой и идейной подоплекой.

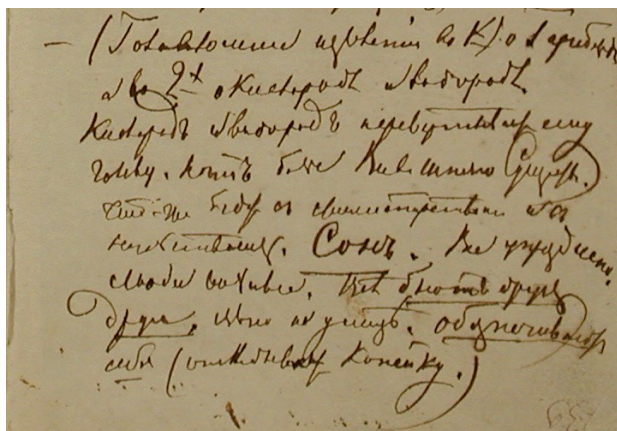
Проникновенен разговор старшего Голядкина с извозчиком:

«Г. Голядкинъ съ извоицикомъ: Черезъ золото слезы текутъ. Извоицикъ и говоритъ: Да ужъ коли человекъ, такъ ужъ оно видно хорошаго человека. Намеднись у Захарки корову увели» (РГБ. Ф. 93.1.2.6. С. 63).

В маниловские мечты двух Голядкиных проникают политические идеи:

«Вдвоемъ съ младшимъ. Мечты сдѣлаться Наполеономъ, Перикломъ, предводителемъ русскаго возстанія. Либерализмъ и революція возстановляющая со слезами Louis XVI и слушающая его. (отъ доброты)» (РГБ. Ф. 93.1.2.6. С. 66).

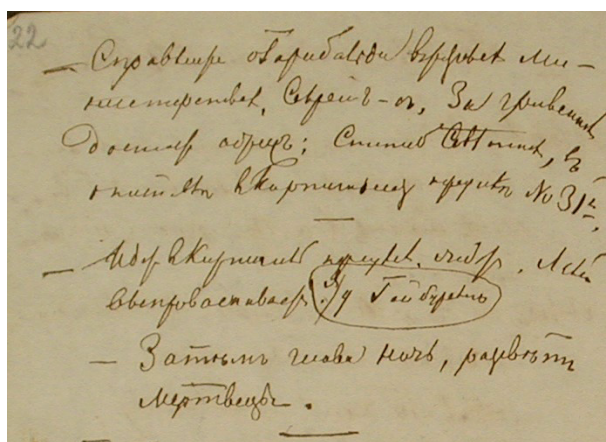
«Кислородъ и водородъ перевертываютъ ему голову. Нѣтъ болѣе Всевышняго Существа. Что-же будетъ съ Министерствомъ и съ Начальствомъ. Сонъ. Все упразднено. Люди вольные. Въ бѣютъ другъ друга, явно на улицѣ. Обезпечиваютъ себя (откладываютъ копейку.)» (РГБ. Ф. 93.I.2.7. С. 19).

Илл. 11. Фрагмент 19-й страницы записной книжки писателя (РГБ. Ф. 93.I.2.7)

Fig. 11. Fragment of the writer's notebook (RSL. F. 93.I.2.7. P. 19)

Голядкина обвиняют, что он Гарибальди. Тот не знает, кто это такой, пытается разузнать, справляется в разных министерствах, достает за гривенник адрес:

Илл. 12. Фрагмент 22-й страницы записной книжки писателя (РГБ. Ф. 93.I.2.7)

Fig. 12. Fragment of the writer's notebook (RSL. F. 93.I.2.7. P. 22)

«Статскій Совѣтникъ, въ отставку въ Кирпичномъ переулкѣ № 31^а.

— *Идетъ въ Кирпичный переулокъ. Ждетъ. Лакей выпроваживаетъ. Я у Гайбурскаго.*

— *Затѣмъ глава ночь, разсвѣтъ<.>*

Мертвецы» (РГБ. Ф. 93.1.2.7. С. 22).

Вместо «разбойника» и героя национально-освободительной борьбы Италии Голядкин находит в Петербурге статского советника в отставке.

Каков смысл этого анекдота из петербургской жизни с жутковатым фантастическим завершением (ночь, рассвет, мертвецы)?

Еще Гоголь обыграл подобную ситуацию в «Невском проспекте», когда петербургскими жителями оказываются не поэт, а жестянщик Шиллер, не писатель, а сапожник Гофман.

Судя по этому эпизоду с Гарибальди, Достоевский собирался представить в новой редакции двойников не только по облику, но и по имени.

Замечательны и потенциально выразительны фантастические сцены в набросках «Двойника».

Чем бы стал новый «Двойник», если бы старый был «переработан»?

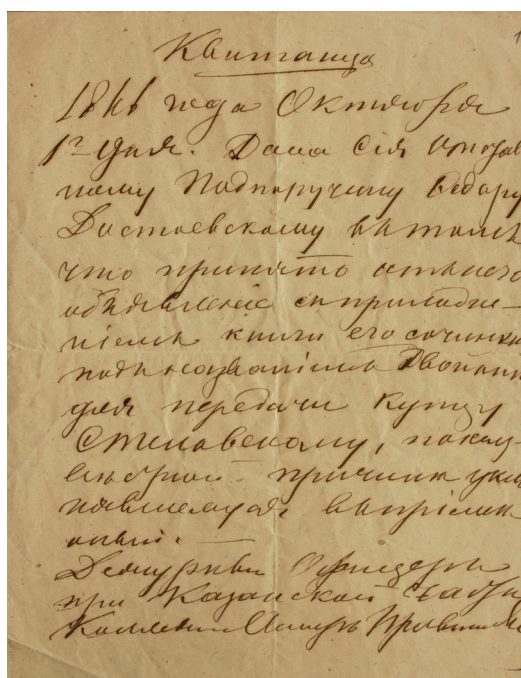
В набросках явно возникает прообраз «Бесов».

Возможность переработать «Двойника» у Достоевского была в 1866 г., когда он должен был представить исправленный текст повести для публикации в полном собрании своих сочинений. Таково было условие контракта с издателем Ф. Стелловским, но не было времени — не только потому, что Достоевский писал «Преступление и Наказание», но и оттого что в довершение всех бед он должен представить к 1 октября новый роман в объеме десяти печатных листов. И хотя на титульном листе отдельного издания и стоит «Новое, переделанное издание», но заготовки к переработке не были использованы.

Условия договора позволяли перенести сдачу специально написанного для Стелловского романа на 1 ноября.

В своих воспоминаниях А. Г. Достоевская рассказала, как 1 ноября (в другом варианте ошибочно 31 октября) писатель сдавал рукопись «Игрока». Она не была свидетелем события, рассказала его с разными подробностями в разновременных редакциях. Если убрать неизбежные противоречия, то остается факт в самом общем значении: Стелловский и его служащие уклонились от приема рукописи, Достоевский сдал роман под расписку полицейскому чиновнику.

А. Г. Достоевская не совсем хорошо знала собранный ею архив, в котором хранился весьма примечательный документ.

Илл. 13. Квитанция полицейского чиновника о передаче издателю Ф. Стелловскому исправленного текста «Двойника» (1 октября 1866 года).
РГБ. Ф. 93.П.3.14. Л. 1

Fig. 13. Official police receipt for the transfer to the corrected text of *The Double* to publisher F. Stellovsky (October 1, 1866)

Квитанція

1866 года Октября 1го дня. Дана сія отставному подпоручику Федору Достоевскому въ томъ что принято отъ него объявленіе съ приложеніемъ книги его сочиненій подъ названіемъ [д]/Д/войникъ для передачи купцу Стелловскому, по неизвѣстной причинѣ уклонявшемуся въ пріемъ книги. —

Дежурный Офицеръ

при Казанской части

Коллежс<кій> Ассесоръ <Подпись> (РГБ. Ф. 93.П.3.14).

Из текста «Квитанции» следует, что подобная передача Стелловскому рукописи «Игрока» через полицейского чиновника была отработанной технологией. К 1 ноября Достоевский уже имел опыт решения этого юридического казуса. Столь же определенно можно сказать, что 1 октября Достоевский сдал не рукопись, а исправленный печатный текст из февральского номера «Отечественных записок» за 1846 г. («книгу») с «объявлением». Очевидно и то, что исправления сделаны в конце сентября. Их объем

вполне мог занять несколько дней работы. Какие-то сокращения могла добавить цензура⁴, которая дала разрешение на печать 20 октября 1866 г.

Для второй редакции Достоевский сократил ряд сцен и эпизодов, снял иронические аннотации к главам, провел стилистическую правку, переработал финал, изменил подзаголовок повести (вместо «Приключений господина Голядкина» — «Петербургская поэма»). Изменение названия — глубокий семантический сдвиг в концепции петербургской повести Достоевского. Отчасти пародийные «Приключения господина Голядкина» приобрели новое измерение — величие поэмы Гоголя «Мертвые души». Изменение заглавия усиливает «превосходную» идею «Двойника».

Писатель до последней возможности откладывал сдачу повести, но, когда выбора не осталось, представил не нового «Двойника», а его новую редакцию.

Достоевский внял критикам, упрекавшим автора в растянутости повести. Он радикально сократил ее. Причиной же большинства сокращений и изменений стала полемика писателя (помните, «вызываю всех на бой!») с интерпретациями повести, прежде всего концепциями Белинского и Добролюбова.

Из несогласия с Белинским по поводу «воображаемой» переписки Голядкиных, старшего и младшего, чьих писем просто нет, Достоевский сократил переписку Голядкина-старшего и Вахрамеева, произвел композиционные перестановки писем. Уменьшив объем писем, автор прояснил прагматику переписки: как, кому, от кого доставлено письмо. Из несогласия с Белинским, что Голядкин — сумасшедший, четче показал клиническое развитие болезни, сократив текст и актуализировав ключевые мотивировки: герою кажется, что его хотят отравить, он не в состоянии критически оценить, что происходит с ним и вокруг него. Из несогласия с Добролюбовым Достоевский вычеркнул одну «маленькую особенность» героя, на основе которой критик стал сочинять своего «Двойника». Согласно авторской характеристике, господин Голядкин «очень любил иногда делать некоторые романические предположения относительно себя самого; любил пожаловать себя подчас в герои самого затейливого романа, мысленно запутать себя в разные интриги и затруднения, и наконец вывести себя из всех неприятностей с честью, уничтожая все препятствия, побеждая затруднения и великодушно прощая врагам своим» (1: 87). Достоевский убрал повод ошибочных заключений, но миф живуч: заблуждения критиков остались⁵.

Почему критики не понимают «Двойника»? Ответ очевиден: читают невнимательно и фрагментарно, не понимают и сочиняют своих двойников.

Настало время понять автора и его замысел.

«Двойник» был художественным откровением Достоевского, его «шедевром», «чудом», «гениальным произведением».

Примечания

- * Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект «Рабочие тетради Ф. М. Достоевского в их динамической транскрипции: первая полнотекстовая публикация автографов», № 16-18-10034, ИРЛИ РАН).
- 1 16 ноября 1845 г. он писал брату Михаилу: «Голядкин выходит превосходно; это будет мой *chef-d'œuvre*» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 18 т. / науч. ред. проекта проф. В. Н. Захарова. Т. 15. Кн. 1. — С. 75.). Далее произведения и письма Достоевского цитируются в тексте статьи по этому изданию с указанием тома, полутома (нижним индексом) и страницы в круглых скобках.
 - 2 Впрочем, аналогичным образом Добролюбов читал и «Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина. Ср.: «...сознание общих человеческих прав и интересов было ему чуждо, довольно перелистовать его “Письма русского путешественника”, особенно из Франции» [Добролюбов, 1963: 245].
 - 3 Вариант высказывания имеется в мемуарной литературе: «Если Вы в первом акте повесили на стену пистолет, то в последнем он должен выстрелить. Иначе — не вешайте его» [Чехов: 464].
 - 4 Например, снятие одного фрагмента о вольнодумстве, которое привело к порче текста. В «канонических» текстах принято конъектурное восстановление возникшей лакуны (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты / изд. в авт. орфографии и пунктуации под ред. проф. В. Н. Захарова. Петрозаводск: ПетрГУ, 2005. Т. 6. С. 260–261, см. 699–700).
 - 5 Подробно о несогласии Достоевского с Белинским, Добролюбовым и другими критиками см. [Захаров, 1978: 53–64].

Список литературы

1. Аванесов Р. И. Достоевский в работе над «Двойником» // Творческая история. Исследования по русской литературе. — М.: Никитинские субботники, 1927. — С. 124–191.
2. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. / редкол.: Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) и др. — М.: АН СССР, 1955. — Т. 9. — 804 с.
3. Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. / редкол.: Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) и др. — М.: АН СССР, 1956. — Т. 10. — 474 с.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. — М.: Русский язык, 1989–1991.
5. Джоунс М. Достоевский после Бахтина. Исследование фантастического реализма Достоевского. — СПб.: Академический проект, 1998. — 256 с.
6. Добролюбов Н. А. Собр. соч.: в 9 т. / под общ. ред. Б. И. Бурсова и др. — М.; Л.: Худож. лит., 1963. — Т. 7. — 644 с.
7. Добролюбов Н. А. Собр. соч.: в 9 т. / под общ. ред. Б. И. Бурсова и др. — М.; Л.: Худож. лит., 1964. — Т. 8. — 714 с.
8. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) и др. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. — Т. 1. — 519 с.
9. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 18 т. / науч. ред. проекта проф. В. Н. Захаров. — М.: Воскресенье, 2003–2005. — Т. 1–18.
10. Евнин Ф. И. Об одной историко-литературной легенде // Русская литература. — 1965. — № 3. — С. 3–26.

11. Захаров В. Н. Концепция фантастического в эстетике Ф. М. Достоевского // Художественный образ и историческое сознание: межвуз. сб. / отв. ред. И. П. Лупанова. — Петрозаводск, 1974. — С. 98–125.
12. Захаров В. Н. Фантастическое в эстетике и творчестве Ф. М. Достоевского: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Петрозаводский гос. ун-т. — Петрозаводск, 1975. — 25 с.
13. Захаров В. Н. Проблемы изучения Достоевского: учебн. пособ. по спецкурсу. — Петрозаводск: Петрозавод. гос. ун-т, 1978. — 110 с.
14. Захаров В. Н. Система жанров Достоевского: типология и поэтика. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. — 208 с.
15. Захаров В. Н. Библейский архетип «Двойника» Достоевского // Проблемы исторической поэтики: межвуз. сб. — Петрозаводск, 1990. — Вып. 1. — С. 100–111 [Электронный ресурс]. — URL: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2347> (01.05.2020). DOI: 10.15393/j9.art.1990.2347
16. Захаров В. Н. Дебют гения // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995. — Т. 1. — С. 609–637.
17. Захаров В. Н. Трагедия и сатира: Вечные роли героев Достоевского // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: канонические тексты. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. — Т. 6. — С. 641–657.
18. Захаров В. Н. Самозванство и двойничество в изображении Достоевского: историко-культурные аспекты // А. М. Панченко и русская культура: исследования и материалы. — СПб.: Пушкинский дом, 2008. — С. 171–177.
19. Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский: очерк творчества. — М.: Индрик, 2013. — 456 с.
20. Топоров В. Н. Еще раз об «умышленности» Достоевского // *Finitis duodecim lustris*: сб. ст. к 60-летию проф. Ю. М. Лотмана. — Таллин, 1982. — С. 126–132.
21. Федоров Г. А. Петербург «Двойника» // Знание — сила. — 1974. — № 5. — С. 43–46.
22. Федоров Г. А. Московский мир Достоевского. Из истории русской художественной культуры XX века. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 459 с.
23. Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма: в 12 т. — М.: Наука, 1976. — Т. 3. — 575 с.

Vladimir N. Zakharov

Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)

vnz01@yandex.ru

The Brilliance of *The Double*: Why Don't Critics Understand Dostoevsky?

Acknowledgments. The research is carried out with financial assistance of Russian Science Foundation (the project «Workbooks of F. M. Dostoyevsky: the first complete text publication of the autographs in their dynamic transcription», № 16-18-10034, IRLI RAS).

Abstract. In the euphoria of the success of *Poor Folk* Dostoevsky wrote an inventive work — a fantastical novel with an absurd plot, in which two completely similar characters act: two Yakov, two Petroviches, two Golyadkins, two titular councilors serving in the same department. Their similarity is not explained in any way. According to the author, this is “a completely inexplicable incident,” however, critics keep trying to explain the appearance of the double. The range of interpretations is extensive — from the rationalistic and empirical rejection of fantastika to numerous psychopathological, ethical, social and other concepts of it. They have the same status: they are all non-textual readings of the work. Critics do not read Dostoevsky, rather, they compose their own version of *The Double*. It all started with Belinsky, who made factual errors in the analysis of “The Double.” Dobrolyubov frankly admitted that his explanation of the double was formed “while thumbing through” the story. All subsequent interpretations are variations of their explanations of fantastika. Dostoevsky was sensitive to the misunderstanding of readers and critics. In 1862 and 1864, he created drafts with the aim of revising *The Double*. Unable to carry out this plan, in September 1866 Dostoevsky cut down the magazine's editorial staff and made other changes that polemically opposed the interpretations of Belinsky and Dobrolyubov. The analysis of the two editions of *The Double* and the materials in the 1862-1864 notebooks (Russian State Library. F. 93.I.2.6 and 93.I.2.7) demonstrate that Dostoevsky did not think of *The Double* as a ghost, hallucination, or the delirium of a madman, but, rather, considered him a real character in the story. Denying the similarity and protesting against the immorality of the younger Golyadkin, the elder proclaims: *man is unique*. This idea was a development of the anthropological principle that Dostoevsky discovered in *Poor Folk* and later vividly expressed in *Notes from the Underground*.

Keywords: Dostoevsky, *The Double*, creative history, text history, fantastika, fantastics, notebooks, revision options

About the author: Zakharov Vladimir N. — Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Classical Philology, Russian Literature and Journalism, Petrozavodsk State University (ul. Lenina 33, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation)

Received: June 1, 2020

Date of publication: September 30, 2020

For citation: Zakharov V. N. The Brilliance of The Double: Why Don't Critics Understand Dostoevsky? In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 3, pp. 31–53. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4941 (In Russ.)

References

1. Avanesov R. I. Dostoevsky in the Work on “The Double”. In: *Tvorcheskaya istoriya. Issledovaniya po russkoy literature [The Creative History. Research on the Russian Literature]*. Moscow, Nikitinskiye subbotniki Publ., 1927, pp. 124–191. (In Russ.)

2. Belinskiy V. G. *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 tomakh* [The Complete Works: in 13 Vols]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1955, vol. 9. 804 p. (In Russ.)
3. Belinskiy V. G. *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 tomakh* [The Complete Works: in 13 Vols]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1956, vol. 10. 474 p. (In Russ.)
4. Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 tomakh* [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 Vols]. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1989–1991. (In Russ.)
5. Jones M. *Dostoevskiy posle Bakhtina. Issledovanie fantasticheskogo realizma Dostoevskogo* [Dostoevsky After Bakhtin. Reading in Dostoevsky's Fantastic Realism]. St. Petersburg, Akademicheskii Proekt Publ., 1998. 256 c. (In Russ.)
6. Dobrolyubov N. A. *Sobranie sochineniy: v 9 tomakh* [Collected Works: in 9 Vols]. Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1963, vol. 7. 644 p. (In Russ.)
7. Dobrolyubov N. A. *Sobranie sochineniy: v 9 tomakh* [Collected Works: in 9 Vols]. Moscow, Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1964, vol. 8. 714 p. (In Russ.)
8. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [The Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972, vol. 1. 519 p. (In Russ.)
9. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 18 tomakh* [The Complete Works: in 18 Vols]. Moscow, Voskresen'e Publ., 2003–2005 (In Russ.)
10. Evnin F. I. About One Historical and Literary Legend. In: *Russkaya literatura*, 1965, no. 3, pp. 3–26. (In Russ.)
11. Zakharov V. N. The Concept of The Fantastic in the Aesthetics of Dostoevsky. In: *Khudozhestvennyy obraz i istoricheskoe soznanie* [An Artistic Image and Historical Consciousness]. Petrozavodsk, 1974, pp. 98–125. (In Russ.)
12. Zakharov V. N. *Fantasticheskoe v estetike i tvorchestve F. M. Dostoevskogo: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Fantastic in the Aesthetics and Creative Work of F. M. Dostoevsky. PhD. philol. sci. diss. abstract]. Petrozavodsk, 1975. 25 p. (In Russ.)
13. Zakharov V. N. *Problemy izucheniya Dostoevskogo* [The Problems of Studying Dostoevsky]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1978. 110 p. (In Russ.)
14. Zakharov V. N. *Sistema zhanrov Dostoevskogo: tipologiya i poetika* [The System of Genres of Dostoevsky: Typology and Poetics]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1985. 208 p. (In Russ.)
15. Zakharov V. N. The Biblical Archetype of Dostoevsky's The Double. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, 1990, issue 1, pp. 100–111. Available at: <https://poetica.pro/journal/article.php?id=2347> (accessed on 1 May, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.1990.2347 (In Russ.)
16. Zakharov V. N. Debut of Genius. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: kanonicheskie teksty* [Dostoevsky F. M. The Complete Works: Canonical Texts]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1995, vol. 1, pp. 609–637. (In Russ.)
17. Zakharov V. N. Tragedy and Satire: The Eternal Roles of Dostoevsky's Heroes. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: kanonicheskie teksty* [Dostoevsky F. M. The Complete Works: Canonical Texts]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2005, vol. 6, pp. 641–657. (In Russ.)
18. Zakharov V. N. Imposture and Duality in the Image of Dostoevsky: Historical and Cultural Aspects. In: *A. M. Panchenko i russkaya kul'tura: issledovaniya i materialy* [A. M. Panchenko and Russian Culture: Studies and Materials]. St. Petersburg, Pushkinskiy dom Publ., 2008, pp. 171–177. (In Russ.)

19. Zakharov V. N. *Imya avtora — Dostoevskiy: ocherk tvorchestva* [The Author's Name is Dostoevsky: An Essay on Creative Works]. Moscow, Indrik Publ., 2013. 456 p. (In Russ.)
20. Toporov V. N. Once Again About Dostoevsky's "Deliberateness". In: *Finitis duodecim lustris: sbornik statey k 60-letiyu professora Yu. M. Lotmana* [Finitis duodecim lustris: Collected Papers on the Occasion of the 60th Anniversary of Professor Lotman]. Tallin, 1982, pp. 126–132. (In Russ.)
21. Fedorov G. A. Petersburg of "The Double". In: *Znanie — sila*, 1974, no. 5, pp. 43–46. (In Russ.)
22. Fedorov G. A. *Moskovskiy mir Dostoevskogo. Iz istorii russkoy khudozhestvennoy kul'tury XX veka* [The Moscow World of Dostoevsky. From the History of Russian Art Culture of the 20th Century]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 459 p. (In Russ.)
23. Chekhov A. P. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 tomakh. Pis'ma: v 12 tomakh* [The Complete Works and Letters: in 30 Vols. Letters: in 12 Vols]. Moscow, Nauka Publ., 1976, vol. 3. 575 p. (In Russ.)

DOI: 10.15393/j10.art.2020.4922

УДК 821.161.1.09"18"

Е. Ю. Сафронова

*Алтайский государственный университет**(Барнаул, Российская Федерация)*

esafr@mail.ru

Сибирский текст Ф. М. Достоевского: проблемы и перспективы *

Аннотация. Обзорная статья посвящена анализу исследований сибирского периода жизни и творчества Ф. М. Достоевского. Описаны основные тенденции изучения сибирского текста автора. При всем многообразии источников их можно разделить на четыре группы: мемуарные и эпистолярные свидетельства; публицистика, романы-биографии, очерки, повести и т. д.; исследования биографического характера; интерпретации сибирских произведений. Одной из главных проблем источников является проблема их достоверности. Близкими к мемуарным фальсификациям остаются романы-биографии, биографические хроники, документальные повести и т. д. Эти источники часто содержат фактические ошибки или вольную интерпретацию событий. В них подчас включены краеведческие мифы о пребывании Достоевского в Сибири, созданные местными жителями. Часть таких мифов в науке уже разоблачена. В статье проанализированы исследования биографического характера В. Н. Захарова, М. М. Громыко, Н. И. Левченко, В. С. Вайнермана, А. С. Шадринной, Е. Д. Трухан, В. Ф. Гришаева и др. Особенность таких исследований состоит в том, что они обычно локализованы и представляют изучение не сибирского текста в целом, а составляющих его частей: омского, кузнецкого, тобольского, барнаульского, семипалатинского. В статье описываются как достаточно известные, так и новые биографические материалы, которые были обнародованы в последнее время и существенным образом обогатили представления о сибирском периоде биографии и творчества писателя. В работе обозначены проблемы и намечены перспективы изучения сибирского текста, в том числе определены архивные коллекции, в которых могут быть найдены новые документы о Достоевском и его окружении.

Ключевые слова: Достоевский, биография, творчество, тенденции изучения, поэтика, М. Д. Исаева, Н. Б. Вергунов, Сибирь, Омск, Кузнецк, Семипалатинск, Тобольск, Барнаул

Об авторе: Сафронова Елена Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка, Алтайский государственный университет (пр. Ленина, 61, г. Барнаул, Российская Федерация, 656049)

Дата поступления: 30.06.2020

Дата публикации: 30.09.2020

Для цитирования: Сафронова Е. Ю. Сибирский текст Ф. М. Достоевского: проблемы и перспективы // *Неизвестный Достоевский*. — 2020. — № 3. — С. 54–96. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4922

До сих пор сибирский период жизни и творчества Ф. М. Достоевского является недостаточно исследованным. В современной науке существуют огромные лакуны, касающиеся как биографических сведений о Достоевском в Сибири, так и интерпретации сибирских произведений писателя. Предметом систематического изучения данная проблематика пока не стала. Правильнее говорить о подступах к теме, т. к. сибирский текст Достоевского изучен слабо и мозаично¹. Очень многие даты, обстоятельства, детали

пребывания писателя в Сибири на сегодняшний день неизвестны во всей полноте и достоверности. Некоторые события приобрели мифологический ореол, тиражируются в искаженном виде, не соответствующем фактической стороне происшедшего. Причин тут, по мнению В. Н. Захарова, несколько: от ошибок памяти Достоевского и мемуаристов до стремления писателя изображать события в символическом, художественном виде, невольно преобразая их и превращая в литературные факты [Захаров, 2012: 85; 2015: 44, 46, 49, 51]. Так, например, хрестоматийно известна сцена дарения Достоевскому в Тобольске Евангелия женами декабристов в 1850 г. Она упоминается в письме брату Михаилу от 30 января — 22 февраля 1854 г.², в воспоминаниях второй жены Анны Григорьевны [Достоевская: 396], в «Дневнике Писателя» за 1873 г. (Д30; т. 21: 12). В. Н. Захаров реконструирует обстоятельства и хронологию этого события благодаря письму Н. Д. Фонвизиной к И. А. Фонвизину от 18–22 мая 1850 г. и обоснованно утверждает, что «церемонии дарения Евангелия» не было. «“Тайное свидание” могло состояться в воскресенье 15 января, а передача книг и денег в переплете — в любой из дней с 16 по 19 января». Идея подарить петрашевцам Евангелие принадлежит Н. Д. Фонвизинной, но вручил книги и открыл каждому арестанту секрет переплета со спрятанными 10 рублями жандармский капитан Смольков (см.: [Захаров, 2015: 44, 49]).

А. В. Архипова справедливо отмечает: «...семипалатинский период, как, может быть, никакой другой в жизни Достоевского, изобилует “белыми пятнами”, не сохранилось прямых свидетельств, документальных подтверждений того, над чем писатель работал в эти годы: никаких творческих рукописей Достоевского за этот период до нас не дошло. Косвенные же свидетельства — указания самого Достоевского в его письмах разным лицам — о его многочисленных замыслах, работе над ними, стадиях завершенности этой работы — очень ненадежны, а подчас и недостоверны. Достоевский в силу ряда причин или бессознательно преувеличивал степень готовности своих произведений, или совершенно сознательно мистифицировал своих корреспондентов, так как, во-первых, стремился во что бы то ни стало восстановить свою литературную репутацию в глазах издателей, писателей и критиков и, во-вторых, получить какие-то денежные авансы под будущие сочинения. Поэтому письма Достоевского, оставаясь очень ценными и часто единственными источниками сведений о его творческой жизни, должны привлекаться осторожно и рассматриваться критически» [Архипова: 50].

Существуют три точки зрения относительно продуктивности семипалатинского периода и его места в творческой эволюции автора. В. А. Туниманов был убежден, что Достоевский в Семипалатинске переживал глубочайший творческий кризис, в результате которого не мог создать ничего законченного [Туниманов: 12–13]. П. Н. Сакулин полагал, что «в Семипалатинске создано несколько художественных произведений» [Сакулин: 532],

которые не сохранились. На наш взгляд, семипалатинский период — время поиска и апробации новых стратегий письма. Созданные и задуманные в Сибири произведения: «Дядюшкин сон», «Село Степанчиково и его обитатели», «Записки из Мертвого дома» — экспериментальны в жанровом и тематическом отношении и до сих пор недооценены в науке. Сибирский период «подготовил мощный творческий взрыв 1861 г., когда, вернувшись в Петербург, Достоевский в один год публикует “Униженные и оскорбленные”, “Записки из Мертвого дома”, “Ряд статей о русской литературе”, множество заметок, редакторских примечаний, не считая огромной редакционной работы во “Времени”» [Архипова: 51].

Несмотря на появление в последние три десятилетия целого ряда работ, посвященных в том числе сибирским произведениям (см.: [Семыкина, 1992, 1997], [Захаров, 2013], [Кибальник], [Габдуллина, 1983, 1998, 2004, 2015, 2016], [Фазиулина], [Нестюричева], [Макурина], [Скуридина], [Сафронова, 2015, 2017, 2018a, 2018b, 2018c, 2019a, 2019b] и др.), назвать этот период творчества автора глубоко и всесторонне изученным было бы преждевременным.

Поиском и выявлением более глубоких связей Достоевского с Сибирью движет не праздное любопытство, поскольку, отмечают исследователи, «даже самые незначительные связи писателя <...> с провинцией имеют выход к художественному произведению и пониманию творческой индивидуальности художника слова» [Кузнецова: 4], «мелкая подробность, вновь открытый факт иногда по-новому позволяют взглянуть на писателя, а порой пролить дополнительный свет на его произведения» [Маркин: 92]. Сходную позицию занимает В. С. Вайнерман: «В биографиях писателей такого масштаба, как Достоевский, интересно все. <...> Но окружение больших художников изучено, как правило, поверхностно. <...> Наши сведения неполны; информация, которой мы владеем, однобока» [Вайнерман, 2015: 215]. Необходимо обозначить основные направления, тенденции и перспективы изучения сибирского периода биографии и творчества Достоевского.

1. Мемуарные и эпистолярные свидетельства

Мемуары близкого окружения, очевидцев духовной жизни писателя представляют уникальный материал для изучения биографии Достоевского. Наиболее ценными из мемуарных источников являются воспоминания барона А. Е. Врангеля³, воссоздающие объемную картину жизни писателя в Семипалатинске, со множеством деталей и подробностей. Воспоминания П. П. Семенова-Тян-Шанского были созданы уже в его преклонные годы, они верны по существу описанного, но содержат ошибки памяти мемуариста, в том числе хронологического характера⁴.

Не всегда можно доверять мемуаристу, поскольку в его тексте часто присутствует момент субъективного отношения, личной интерпретации событий, написанный текст характеризует не только его героя, но и автора, его мировоззрение, систему ценностей, установку на читательское восприятие

и т. д. Шимон Токаржевский⁵, отбывавший ссылку одновременно с Достоевским, написал семь книг мемуаров, из которых наиболее известны «Каторжане» («Katorznicy») [Tokarzewski, 1912] и «Семь лет каторги» («Siedem lat katorgi») [Tokarzewski, 1907]⁶. Если «Каторжане» содержат важные непосредственные впечатления от работы арестантов, в том числе и Достоевского, с алебастром в Омском остроге, а также эпизоды, демонстрирующие любовь писателя к собаке Суанго, то «Семь лет каторги» — иные по тональности: мемуарист не скрывает своего враждебного отношения к писателю, возникшего под впечатлением от романов «Бесы» и «Братья Карамазовы».

Дискуссионными остаются воспоминания другого очевидца — поляка Юзефа Богуславского, тоже отбывавшего каторгу в Омске. Он возвратился из Сибири в 1855 г., написал воспоминания в 1856–1857 гг. во время лечения в Карлсбаде, умер в 1857/1859 г. (точная дата смерти неизвестна). После его кончины владельцем рукописи стал Шимон Токаржевский, который подготовил воспоминания к изданию. Они были опубликованы под названием «Воспоминания сибиряка» в 1896 г. в либерально-демократической газете Кракова «Новая реформа». В монографии Elizabeth A. Blake (2019) воспоминания Богуславского впервые опубликованы в переводе на английский язык по тексту рукописи из библиотеки Ягеллонского университета Кракова. В статье А. Г. Подрябинкиной «Что рассказал Юзеф Богуславский о Сергее Дурове и Федоре Достоевском в “Сибирском дневнике”?» (2020) рассмотрена глава «Сергей Дуров и Федор Достоевский» из «Сибирского дневника» польского революционера Юзефа Богуславского, находившегося в Омском остроге одновременно с Ф. М. Достоевским. Достоинством работы является перевод с польского на русский язык этой главы из книги «*Polacy z Wilna i ze Żmudzi na zesłaniu. Pamiętniki Józefa Bogusławskiego i księdza Mateusza Wejta*» («Поляки из Вильнюса и Жемайтии в изгнании. Воспоминания Юзефа Богуславского и ксендза Матеуша Вейта»; 2016). В работе затронута актуальная польская тема, рассмотрена взаимосвязь «Сибирского дневника» Ю. Богуславского, «Записок из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского и «Семи лет каторги», «Каторжан» Ш. Токаржевского. Сравнивая мемуары поляков, А. Г. Подрябинкина отмечает сходство многих эпизодов и стиля, что ставит вопрос о наличии позднейших вставок и характере рукописи: «автограф? копия? исправленная редакция?» [Волгин: 47]. Исследовательница приходит к выводу, что «есть вероятность, что “Сибирский дневник” редактировали дважды: в первый раз это сделал Шимон Тока(р)жевский, а во второй — его жена» [Подрябинкина: 63]. К выводам о том, что Ш. Токаржевский переписал и дополнил текст, также пришли ранее В. А. Дьяков [Дьяков: 203] и американская исследовательница Е. Блейк (Elizabeth A. Blake), настаивавшая на наличии позднейших вставок Токаржевского [Blake: 38].

Позднее мемуаристика дополнилась свидетельствами Б. Г. Герасимова [Герасимов, 1919, 1924, 1926, 1927], Н. М. Ядринцева, Н. Ф. Каца, Н. Яковлева, Н. В. Феоктистова, А. Иванова, П. М. Кошарова, А. В. Скандина,

В. Ф. Булгакова⁷. Это уже второй, дальний круг людей, непосредственно с писателем не знакомых и зачастую создававших мемуары, основываясь на рассказах других лиц, лично видевших Достоевского. Так, П. К. Мартьянов воссоздает облик ссыльного по рассказам «морячков» (семи гардемарин, воспитанников Петербургского морского кадетского корпуса, которые за незначительные проступки были разжалованы в рядовые и отправлены служить в Омск в 1849 г.): «Ф. М. Достоевский имел вид крепкого, приземистого, коренастого рабочего, хорошо выправленного и поставленного военной дисциплиной», «он был неповоротлив, малоподвижен и молчалив. Его бледное, испитое, землистое лицо никогда не оживлялось улыбкой, а рот открывался только для отрывистых, коротких ответов по делу или по службе. Шапку он нахлобучивал на лоб до самых бровей, взгляд имел угрюмый, сосредоточенный, неприятный, голову склонял наперед и глаза опускал в землю» [Мартьянов: 263]. «Поздние сроки публикации (первая — в 1895 г., «Исторический вестник». — Е. С.) вызывают недоверие к запискам <Мартьянова> как источнику» [Громыко: 29]. М. М. Громыко предприняла попытку проверить сведения об упоминаемых П. К. Мартьяновым чиновниках и офицерах города в Государственном архиве Омской области и пришла к выводу, что подавляющая часть фактов достоверна: Мартьянов характеризует более 50 человек из омской военно-чиновничьей среды и более 40 из них правильны [Громыко: 30]. Отмечая достоверность мельчайших деталей, которые бы забылись с течением времени, М. М. Громыко предполагает, что Мартьянов, создавая свои мемуары, использовал записки (дневник) одного из «морячков» Павла Брылкина [Громыко: 38–39].

Одной из главных проблем в изучении биографии Достоевского с помощью мемуарных текстов является проблема их достоверности. В них возможны не только ошибки памяти, неточности, но и фальсификация, объясняемая желанием авторов воспоминаний войти в историю в качестве современников и знакомых гения. Среди исследователей существуют разные мнения относительно того, можно ли доверять какому-то мемуаристу или нельзя. К примеру, сохранились воспоминания Д. И. Огорокова, служившего дьячком в Преображенском соборе Кузнецка, о веселом Достоевском накануне свадьбы в феврале 1857 г. Здесь мнения исследователей разделились: так, А. С. Шадрина считает, что доверять им нельзя [Шадрина, 2016: 48–50], а М. М. Кушникова полагает, что они вполне достоверны [Кушникова, 2005: 556].

Приведем несколько примеров мистификаций и их разоблачений. В газете «Томский листок» (1897. № 172. С. 3) П. Кошаров опубликовал ложные «воспоминания» о разговоре с Достоевским в Семипалатинске. Вот отрывок из них: «...через несколько минут Ф. М., не смотря на меня, с поникшей головой, сказал: “да, я ничего этого не помню и что до этого с нами делали в этот день, я тоже не могу вспомнить, очнулся я уже вечером в дороге. Затем привезли сюда, а потом в Бухтарминскую крепость и приковали меня

к тачке»⁸. На эту заметку откликнулся И. Ф. Соколов в омской газете (Как иногда пишутся воспоминания // Степной край. 1897. 20 августа) и последовательно разоблачил сведения, выдаваемые за истину: Достоевский не мог быть в Бухтарминской крепости, потому что в этом управлении не было ни тюрьмы, ни каторжных работ, а само укрепление было упразднено в 1842 г. Как пояснил В. С. Вайнерман, Иван Федорович Соколов — один из первых редакторов омской газеты «Степной край». За два года, что он возглавлял редакцию (1895–1897), на страницах газеты печатались заметки о пребывании Достоевского в Сибири. С 1852 г. Соколов был унтер-офицером в линейном батальоне № 4 и сопровождал каторжан на работы, был знаком и с Ч. Ч. Валихановым [Вайнерман, 2015: 275].

В дореволюционной печати на основе устных преданий распространялась ложная информация о месте каторги и солдатской службы Достоевского — назывались Кузнецк, Красноярск, Бухтарминская крепость, расположенная между Павлодаром и Семипалатинском. Эти неверные сведения позднее опроверг Б. Герасимов в статье с риторическим названием «Где же отбывал каторгу и ссылку Ф. М. Достоевский?» [Герасимов, 1927].

В. Ф. Булгаков, рассказывая о пребывании Достоевского в Кузнецке, допускает непростительные неточности: «Исаев скончался здесь в мучениях, оставив жену и **двух** малолетних детей без всяких средств к жизни», Достоевский **«немедленно** выслал Марье Дмитриевне **значительную сумму** денег, которую, говорят, сам достал с трудом», «он остановился **у Исаевых**, которые в то время квартировали в небольшом домике портного Дмитриева»⁹ и т. д. [Булгаков]. Достоверно известно, что у Марьи Дмитриевны был один сын — Павел, Достоевский останавливался в первые два приезда в Кузнецке в доме Вагиных и квартировал в доме Дмитриевых только в свой третий приезд, состоявшийся с целью венчания.

Что касается финансового вопроса, то В. Ф. Булгаков тоже допускает неточность. Достоевский получил письмо от М. Д. Исаевой с известием о смерти мужа 14 августа 1856 г. Мы можем лишь предположить, что он тут же ответил и отправил небольшую сумму денег, так как сам находился в нужде. Сохранившееся эпистолярное наследие Достоевского свидетельствует, что в этот же день он написал А. Е. Врангелю письмо с просьбой прислать вдове 50 рублей, 23 августа повторил просьбу, но уже о 25 рублях. Денежные просьбы он адресовал и своим родственникам: 15 сентября брат Михаил выслал ему 50 рублей серебром, которые писатель получил около 15 ноября, а 19 ноября — письмо с вложением 40 рублей серебром. Такие очевидные ошибки В. Ф. Булгакова ставят под сомнение достоверность изложенной им информации.

Еще одним примером сознательной фальсификации являются «воспоминания» А. К. Рожновского, опубликованные А. А. Андриевским под псевдонимом А. Южный. В этих мемуарах представлены показания о том, что Достоевского на каторге неоднократно подвергали телесному наказанию.

Ложность таких свидетельств легко доказать, поскольку имени А. К. Рожновского нет в списках Омского острога [Вайнерман, 2015: 287]. Однако опасность подобных фальсификаций заключается в том, что они приводят к распространению ложных сведений о писателе и закреплению их в массовом сознании.

Иногда мистификации создаются по принципу «письма, документы, рукописи были, но исчезли»: есть свидетели и очевидцы событий, но документальных подтверждений, эпистолярных свидетельств, архивных документов нет. Так возникает возможность для мистификаций и фальсификаций. К этому типу можно отнести публикацию Н. В. Феоктистова «Пропавшие письма Федора Михайловича Достоевского» [Феоктистов]. Возможно, что у писателя была симпатия к Елизавете Михайловне Неворотовой, красивой девушке, которая пекла хлеб и продавала его на базаре в Семипалатинске, чтобы обеспечить своих сестер-сирот, и писатель звал ее замуж. Однако письма Ф. М. Достоевского к Неворотовой, как пишет Н. В. Феоктистов, были утрачены в начале XX в., а исследователь эту историю «расцвел романтическими деталями» (см.: [Вайнерман, 2015: 213]). В. С. Вайнерман делает справедливый вывод: «Статья Феоктистова, несмотря на приведенные в ней воспоминания Н. Г. Никитиной (племянницы Неворотовой. — Е. С.) и рассказ о встречах с Неворотовой — адресатом Достоевского, выглядит недостаточно достоверной» [Вайнерман, 2015: 206]. В данных обстоятельствах возникает вопрос: почему нельзя было разыскать автографы по свежим следам, если они действительно существовали?

2. Публицистика, романы-биографии, очерки, повести и т. д.

Близкими в жанровом отношении к мемуарным фальсификациям остаются документально-художественные произведения: романы-биографии, биографические хроники, документальные повести, художественно-документальные очерки, литературные портреты и др. В основе этих текстов часто лежат находки краеведения. При этом, оценивая ситуацию в целом, можно говорить об отсутствии интеграции между литературоведением, историей и краеведением. Последнее из названных в гуманитаристике имеет почти маргинальный статус, долгое время господствовало иронично-снисходительное отношение к краеведению. Как отмечает исследователь, «с начала 1990-х традиционный краеведческий материал, а с ним и краеведы, почти неожиданно для себя оказались на гребне общественного и гуманитарного интереса к феномену провинции, к регионализму, вообще к локальным культурным практикам» [Абашев: 20]. К сожалению, приходится констатировать, что принципиального обновления методологических установок, модернизации методологической базы и углубления исследовательского ракурса в целом пока не произошло. Часто краеведческие работы оказываются слабыми в методологическом плане, остаются на уровне краеведческой эссеистики и не выдерживают научной критики.

Существует огромное количество краеведческих мифов, созданных местными жителями, часть из них в науке уже разоблачена. Один из них связан с тем, что Достоевский отбывал каторгу не в Омске, а именно в Кузнецке. Это легенда постепенно обростала новыми «детальями» и тиражировалась краеведами в массовое сознание в журнальных публикациях. Так, В. Зазубрин, опираясь на местные «источники», в очерке «Неезженными дорогами» [Зазубрин: 194] воссоздал облик крепостной тюрьмы, разрушенной партизанскими отрядами Рогова в 1919 г.: «Крепостная одноэтажная тюрьма сожжена и разрушена до фундамента, от нее осталась куча обгорелых камней и кирпичей. В уничтоженной (тем же Роговым) тюрьме в камере № 6 сидел Ф. М. Достоевский. До нашествия скопищ Рогова камера Федора Михайловича показывалась посетителям» [Зазубрин: 194]. В некоторых источниках говорится даже о наличии таблички над входом в камеру кузнецкого тюремного крепостного замка с надписью «Камера Достоевского».

Другая легенда связана с тем, что Достоевский проживал в доме ссыльного портного М. Д. Дмитриева в Кузнецке около двух месяцев. В. Зазубрин повествует со слов краеведа Д. Т. Ярославцева: «Два месяца Федор Михайлович жил на Большой улице в доме Дмитриева. Большая улица теперь названа улицей Достоевского. Хотя правильнее было бы назвать его именем Картасскую, на которой он жил два года. На Картасской улице (угол Блиновского переулка) Достоевский жил в доме Вагина. Домик был одноэтажный, старинный на две “стопы” (два сруба, соединенные сенями), крыт был драгнъем, с низенькими потолками, с маленькими окошечками в разноцветных стеклах. Дом, к сожалению, не сохранился — разобран на дрова. На его месте теперь пустырь. Шатровый, одноэтажный дом Дмитриева на Большой улице тоже не сохранился в том виде, как он был при Достоевском. Дом перестроен, перекрыт. В Кузнецке Достоевский был дважды» [Зазубрин: 194–195].

В этом сообщении совмещаются правда и вымысел. Действительно, Достоевский первые два приезда в Кузнецк (в июне и в ноябре 1856 г.) останавливался в доме Вагина (см. об этом: [Шадрина, 1995: 64], [Червяков, 2018]), но хронология этих событий ложная («два месяца», «дважды»), т. к. документально подтверждены три приезда писателя в Кузнецк (третий — с целью венчания в феврале 1857 г.). Остановка в доме Вагина была вызвана этическим моментом: Достоевский не желал скомпрометировать даму.

Эти мифы постепенно обростали новыми деталями. Старожилы вспоминали, что «Достоевский жил в Кузнецке якобы около двух лет, любил ходить на охоту на курью “Рушпайка” и будто бы написал несколько произведений»¹⁰. Это наглядный пример фольклоризации исторических преданий, «расцветенный» новыми деталями неосведомленных кузнецчан. Несмотря на то, что в публикациях советского периода, посвященных истории Кузнецка, указывается на ошибочность и «легендарность» подобных рассказов, время от времени они снова появляются в печати.

В поисках источников «легенды о камере Достоевского» современный краевед И. В. Червяков настаивает на том, что Достоевский был в Кузнецке не три, а четыре раза. В свой четвертый визит (1856), не учтенный «официальной летописью» жизни писателя, Достоевский «отправился в рискованное путешествие, но был задержан в Кузнецке и, просидев в одиночной камере крепостной тюрьмы сутки, был вынужден вернуться. Эта поездка состоялась, скорее всего, в августе — сентябре» [Червяков, 2018: 285]. И. В. Червяков считает, что писатель был быстро отпущен из тюрьмы, потому что кузнецким исправником (начальником полицейского управления всего уезда) тогда был Иван Катанаев, с семьей которого дружила М. Д. Исаева. Он стал позднее свидетелем со стороны невесты на венчании. Версия нуждается в тщательной проверке и документальном подтверждении, без которого она остается лишь гипотезой. В письме Достоевского старшему брату от 3 ноября 1857 г. есть такая фраза: «...в продолжение года я ездил **раза четыре** в Кузнецк и обратно, истратил много на дела моей жены, тогда еще невесты...» (здесь и далее в цитатах полужирным выделено мной. — Е. С.) (Д30; т. 28₁: 289). В письме от 9 ноября 1856 г. он упрекал Врангеля за долгое молчание:

«Другая причина, которую Вы выставляете, объясняя мне свое молчание (именно: что **не исполнили ничего из просьб моих**), — для меня совсем непонятна. Я **попросил у Вас денег**, как у друга, как у брата, в то время, в тех обстоятельствах, когда или петля остается или решительный поступок. <...> я без угрызений совести решился Вас беспокоить (если б **я не перехватил здесь** и не наделал долгов, я бы пропал, — так мне было нужно, не для существования моего, а для моих *намерений*. Вы знаете из прежних писем моих, в каком состоянии духа я находился» (Д30; т. 28₁: 241).

Эти эпистолярные свидетельства в совокупности можно рассматривать как косвенное доказательство поездки в Кузнецк, но гипотеза нуждается в подтверждении архивными документами (подорожные, сведения об аресте и др.).

Монография Н. И. Якушина «Достоевский в Сибири» имеет подзаголовок «Очерк жизни и творчества» [Якушин, 1960]. Хотя автор декларирует верность «строго научному» подходу, в книге почти отсутствуют ссылки на работы предшественников. Н. И. Якушин ставит своей задачей «подробно осветить сибирский период жизни и литературной деятельности Достоевского», «охарактеризовать произведения, написанные им в Сибири» [Якушин, 1960: 5]. Однако, к сожалению, в очерке встречаются досадные ошибки. Так, неверно указаны инициалы декабриста Ивана Дмитриевича Якушина (в книге ошибочно: И. И. Якушкин [Якушин, 1960: 97]), сын которого Евгений Иванович встречался с Достоевским в Омске. Есть и другие неточности: например, указывается, что в Семипалатинске Достоевские поселились в доме *Лопухова* [Якушин, 1960: 171], хотя правильно —

Лепухина [Герасимов, 1993: 114]. Встречаются неуместные в научной работе субъективные оценочные суждения и идеологемы:

«Мария Дмитриевна была человеком с болезненным самомнением. Она не уставала говорить о своем почти аристократическом происхождении, о своем презрении к окружающим людям. Не обошлось, по-видимому, и без попреков в адрес Федора Михайловича, брак с которым она считала для себя если не унижительным, то во всяком случае неравным» [Якушин, 1960: 193].

«Достоевский никогда не был цельным человеком, его убеждения даже в период сближения с Белинским и петрашевцами не были глубокими и последовательными» [Якушин, 1960: 101].

«Нет нужды говорить о глубочайшем заблуждении писателя <...> Потеряв веру в социалистические идеи, усомнившись в способности народа подняться на борьбу, писатель неминуемо должен был прийти к христианству, этому приюту всех несчастных, потерявших веру в светлые идеалы, отчаявшихся в жизни, духовно ущербных людей» [Якушин, 1960: 102].

Совсем неправдоподобно описано Н. И. Якушиным рассеянное поведение писателя во время венчания: «Достоевский смутно припоминал, как священник в церкви что-то долго и нудно говорил, а потом обратился к нему с каким-то вопросом. Он машинально вслед за Марией Дмитриевной сказал “да” и поцеловал ее» [Якушин, 1960: 170].

Книга завершается таким тенденциозным выводом: «Страшные годы каторги и ссылки не угасили могучий творческий гений Достоевского, но они заставили его пересмотреть свои прежние убеждения, отказаться от былых устремлений, что привело писателя в конце концов в лагерь реакции» [Якушин, 1960: 201].

В другой работе Н. И. Якушина роль Марии Дмитриевны в жизни и творчестве Достоевского представлена неоправданно заниженной: «Значительно осложняет и без того трудную жизнь Федора Михайловича начавшийся роман с М. Д. Исаевой. Но писать хочется, хочется забыться, уйти от этой жизни в мир мыслей и чувств своих героев, вместе с ними страдать, любить, надеяться и ненавидеть» [Якушин, 1959: 99]. С точки зрения Н. И. Якушина, жена — скорее, помеха творческому процессу, чем источник вдохновения и муза.

Книга П. П. Косенко «Иртыш и Нева. Двенадцать лет из жизни Федора Достоевского, литератора» представляет собой две документально-биографические повести [Косенко]. Первая из них называется «Сердце остается одно. Иртышская хроника», она посвящена омским и семипалатинским впечатлениям писателя. В ней подробно излагается история дружбы Достоевского с Чоканом Валихановым, а также история знакомства и женитьбы автора на Марии Дмитриевне Исаевой. Однако это «книга не

литературоведческая, а биографическая» [Косенко: 16], более того, назвать ее научной биографией тоже нельзя. Скорее, это художественное осмысление, домысливание, а порой и откровенный вымысел автора. Главным недостатком издания является отсутствие документальной точности и обилие неуместных метафор. В качестве примера приведем цитату: «Порой его (Достоевского. — Е. С.) обычно плотно сжатые губы растягивает широкая улыбка, такая странная на угрюмом и болезненном, испитом, как любили тогда говорить, лице с огромным лбом <...>, взор застилает слезный туман» [Косенко: 4]. Много в книге П. Косенко и фактических неточностей, например: «собственно, ему (Достоевскому. — Е. С.) полагалось проделать путь до Семипалатинска пешком, и то, что нагнал его этот канатный обоз, он считает еще одной своей удачей» [Косенко: 4]. Это неверно — о преодолении пути из Омска в Семипалатинск с использованием гужевого транспорта специально договаривались друзья Достоевского: «...стараниями К. И. Иванова и с согласия А. Ф. де Граве ему разрешено было присоединиться к большому обозу с веревками и канатами» [Вайнерман, 2015: 184].

Книга М. А. Никитина «Здесь жил Достоевский» повествует о наименее известном периоде жизни писателя — зиме 1854–1855 гг. в Семипалатинске [Никитин]. Этот роман о Достоевском, как написано в аннотации, базируется на подлинных биографических материалах. В предисловии К. А. Федин справедливо назвал его «повестью в сценах». В целом основная канва семипалатинских событий в книге М. А. Никитина реконструирована исторически верно, с опорой на основные факты и документы. Однако жанр этого произведения — роман, поэтому оно содержит художественный вымысел. Особенно «расцвечена» вымыслом фигура Марии Дмитриевны Исаевой, напоминающая образ Катерины Ивановны в романе «Преступление и наказание». Так, она в ярости может разбранить выпившего мужа и потаскать его за волосы. Многие детали ее биографии в авторской интерпретации не соответствуют фактам: так, говорится, что Мария Констант воспитывалась у тетки в пансионе в Харькове и это «наложило на нее печать глубокую и навсегда неизгладимую» [Никитин: 119]. Как показывают архивные разыскания, Мария Дмитриевна закончила частный пансион в Таганроге, где жила до 15 лет. Когда после смерти матери семья в 1839 г. переехала в Астрахань, старшая дочь, Мария, вероятно, уже не училась [Мирович, 2020: 45–46]. Не соответствуют действительности и следующие утверждения: «Астрахань ей показалась чем-то вроде тюрьмы», «сестры поражали грубостью манер» [Никитин: 123–124]. Это искажение исторической реальности. Дочери Дмитрия Степановича, София и Варвара, блестяще окончили Астраханский институт благородных девиц в 1841 г. и были награждены похвальными листами. Информация об этом появилась в газете «Астраханские губернские ведомости» (Прибавление. 1841. № 29. 19 июля) [Мирович, 2020: 45–46]. Вымышленным является признание Марии Дмитриевны о полковнике, который сначала был влюблен в монастырку, а затем

сделал предложение ей самой. Поразителен вывод, который делает из этого рассказа герой Никитина:

«Он догадывался, что правды в этом рассказе ровно столько же, сколько и вымысла <...>

Но на нее повлиял не один Марлинский, а еще и Жуковский с поэтической своей мертвечиной, и Карамзин с заимствованной от Руссо слащавой чувствительностью» [Никитин: 131].

Заканчивается повествование эпизодом распития «горького вина на Урале, на границе Европы и Азии, по пути в Европейскую Россию» [Никитин: 204]. Отметим, что письмо Ф. М. Достоевского А. И. Гейбовичу от 23 октября 1859 г. из Твери однозначно указывает на фактическую ошибку: был использован другой, более крепкий напиток:

«Затем вынулась Ваша плетеная фляжка, наполненная горькой померанцевой (завода Штритера), и мы выпили с инвалидом на прощание с Азией, выпил и Николаев, и ямщик (и уж как же вез потом)» (ДЗ0; т. 28₁: 362).

«Ссылный № 33» — роман о Ф. М. Достоевском Н. Н. Адренса [Адренс]. Он состоит из трех частей, первая из которых рассказывает о событиях, связанных с кружком Петрашевского, вторая — о заключении в Алексеевском равелине, третья — о пребывании в остроге в Омске и солдатской службе в Семипалатинске.

В повести С. В. Белова «Меня спасла каторга...» [Белов] верна историческая канва в целом, рассматриваются исторические события, связанные с петрашевцами: судьбоносное знакомство с М. В. Буташевичем-Петрашевским, пятницы в Коломне, кружок Спешнева, арест, заключение в Алексеевском равелине, Семеновский плац. С. В. Белов предпринимает попытку раскрыть внутренний мир писателя, воспроизводя его собственный голос.

Книга краеведа М. М. Кушниковой «Черный человек сочинителя Достоевского: (загадки и толкования)», по замыслу автора, посвящена развенчанию устоявшихся легенд о Достоевском в Кузнецке: о том, что здесь он отбывал каторгу, сидел в Кузнецкой крепости и т. д. [Кушникова, 1992]. Однако внимательное прочтение всех работ М. М. Кушниковой [Кушникова, 1990] (в том числе написанных в соавторстве с В. В. Тогулевым [Кушникова, Тогулев, 1996, 2005]) позволяет сделать вывод о своеобразной манере письма автора. М. М. Кушникова обильно цитирует письма и исторические документы, однако вольно их интерпретирует, выдвигает недостаточно аргументированные предположения, некоторые выводы нельзя назвать иначе как домыслами. Слабой стороной ее работ является ненаучный метафорический стиль автора, позволяющий по аналогии сопрягать далекие образы и идеи. Приведем пример:

«Иду к так называемому здесь “дому губернатора”. Хотя жил в нем окружной начальник. В этом или подобном доме состоялся тот бал. Пока разглядывала восстановленный в лучших традициях ампи́рный особняк с бруснично-белым нарядным фасадом, Мария Дмитриевна стояла со мною рядом. Она шла со мною рядом, когда я поднималась по лестнице и когда бродила по парадной зале <...>. Она была рядом все время, и на лице ее чуть светилась ироничная и печальная улыбка. Ироничная оттого, что в такой же пышный особняк, в апогее величия и триумфа над провинциальным злосчастьем, поместил Достоевский Исаеву в облике Зи́ны, героини “Дядюшкиного сна”, сделав ее губернаторшей. Здесь ли, или в подобном зале происходила сцена на балу <...> А пуще всего, кажется, сострадает Достоевский Исаевой за то, что сам про себя уже знает, что “грозное чувство”, выполнив свою миссию, меркнет, напитав живой кровью сонм будущих образов» [Кушникова, 1992: 64–65].

Или:

«Побывала в старинной барнаульской церкви, где еще сохранилась жаркая позолота убранства столетней давности. Полагаю, несколько экзальтированная (а, может, высоко духовная?) Исаева, приехав с Достоевским в Барнаул сразу же после кузнецкой свадьбы, могла в такой церкви побывать. Чтобы утолить смятение души: а верный ли сделала выбор? А удастся ли будничная совместная жизнь с Достоевским, обволакивающим, поглощающим, препарирующим партнера провидческим своим разумом. Может — в благодарность и в надежде на счастье» [Кушникова, 1992: 66].

Автор умалчивает, в каком барнаульском храме она побывала, видимо, потому, что ее интересует не вопрос исторической точности, а психологическая реконструкция события, которая в любом случае носит гипотетический характер.

Особенно загадочной видится фигура «черного человека». Читатель должен догадаться, что под этой метафорой прячется Н. Б. Вергунов:

«**Человек с крепом на шляпе.** — И тут, — словно услышав мысль автора, конфузливо возник из небытия странный человек с черным крепом на шляпе. Так, будто с самого начала рассказа стоял неподалеку и ждал, когда о нем вспомнят...

Уже давно нет Марии Дмитриевны, уже давно бродит сей странный персонаж вокруг Федора Михайловича, все не смея выявиться» [Кушникова, 1992: 77]. (Выделено М. М. Кушниковой. — Е. С.)

В книге доказывается автобиографичность повести «Вечный муж», прототипом Трусоцкого назван А. И. Исаев, а Натальи Васильевны — М. Д. Исаева. Своих героев М. М. Кушникова именует легко, без пиетета: «шестнадцатилетний лицеист, барон Коля Врангель» [Кушникова, 1992: 81].

Автором выдвигается гипотеза о существовании черновика одного связанного с браком Достоевского документа — «обыска брачного № 17», якобы составленного отвергнутым претендентом на руку Марии Дмитриевны Вергуновым. Это как бы схема будущего брачного акта с пропуском тех строк, которые заполняются уже в готовом документе. Невеста в этом тексте именуется Александра Мария Исаева, причем слово *Александра* написано двумя строками ниже имени *Мария Исаева*. М. М. Кушниковой из этого факта делается вывод о двойном имени этой француженки по деду (у католиков так было принято) — следовательно, документ написан человеком, знавшим мельчайшие подробности ее детства (см.: [Кушникова, 1992: 55–56]). На наш взгляд, самое разумное — предположить, что имя Александра — это форма не именительного падежа женского рода, а родительного падежа мужского рода в первоначальном словосочетании «вдова Александра Исаева». В оригинале брачного обыска фраза целиком построена синтаксически аналогично: «Невеста его: вдова Мария Дмитриевна, жена умершего заседателя по корчемной части, коллежского секретаря Александра Исаева...». Проведя в 2000 г. сопоставительный анализ, директор Литературно-мемориального музея Достоевского в Новокузнецке Т. С. Ащеулова аргументированно доказала, что этот документ вторичен и является поздней копией брачного обыска. В копии есть описки, путаница старой и новой орфографии (неверное употребление буквы *ѣ*, замена *ѣ* на *е* и др.), что позволило Т. С. Ащеуловой предположить, что писцом был человек преклонных лет, сотрудник Новокузнецкого краеведческого музея К. А. Воронин (1891–1984), которому принадлежит инициатива создания мемориальной комнаты в домике Достоевского в конце 1950-х — начале 1960-х гг. [Ащеулова: 12]. Недостаточно корректную работу М. М. Кушниковой с документами и мемуарами отмечает и действующий заместитель директора по научной работе Литературно-мемориального музея Достоевского в Новокузнецке Е. Д. Трухан [Трухан, 2020: 52].

Книга М. М. Кушниковой «Место в памяти. Вокруг старого Кузнецка» — краеведческий сборник, цель которого — вывести из забвения факты «кузбасской культуры» и придать им характер мировых [Кушникова, 1993]. Среди глав этой книги есть небольшой очерк под названием «Кузнецкие дни Федора Достоевского». Это краткий конспект книги «Черный человек Достоевского».

В другой объемной книге М. М. Кушниковой и В. В. Тогулева «Загадки провинции: “Кузнецкая орбита” Федора Достоевского в документах сибирских архивов» [Кушникова, Тогулев, 1996] рассматриваются кузнецкие события в очень широком историческом контексте, прослеживается история потомков знакомых Достоевского, родственников Тюменцева — его дочери и зятя, в т. ч. криминального характера, бросающая тень на священника Тюменцева. Несколько ценных рассуждений авторов теряются в большом потоке писем, документов, повторов и под.

3. Исследования биографического характера

Собственно научные издания биографического характера представлены исследованиями М. М. Громыко [Громыко], Н. И. Левченко [Левченко, 1991a, b, c, 1993, 1994], В. С. Вайнермана [Вайнерман, 1991, 2015], А. С. Шадринной [Шадрина, 1995, 2016], Е. Д. Трухан [Трухан, 2018, 2020], В. Ф. Гришаева [Гришаев, 1981, 1985, 1987, 1992a, 1992b, 1997, 1999, 2000a, 2000b, 2001] и др. Важная особенность данной группы исследований состоит в том, что эти работы обычно локализованы и представляют собой изучение не сибирского текста в целом, а составляющих его частей: омский, кузнецкий, тобольский, барнаульский, семипалатинский тексты.

Г. Вяткин приурочил свою публикацию «Достоевский в омской каторге» к 75-летию ссылки писателя в Сибирь [Вяткин]. В заметке приводится выдержка из «Статейного списка о государственных и политических преступниках, находящихся в Омской крепости в каторжной работе 2-го разряда. Июня 19-го дня 1850 года». В этом списке фигурируют семь человек: четверо поляков — Александр Мирецкий, Иосиф Жаховский, Шимон Токаржевский и Иосиф Богуславский (сослан за участие в польском движении сороковых годов); некий Павел Аристов (сослан, как указано в акте, «за ложное взведение на невинных лиц государственного преступления»); Сергей Дуров (за распространение противоправных сочинений) и Федор Достоевский. Акт подписан комендантом полковником де Граве. В этом списке указано, что Достоевский «грамоте знает», «чернорабочий».

В статье Г. Вяткина описывается круг работ, к которым привлекался Достоевский: вертел точильное колесо в мастерской, носил кирпичи, разбирал старые барки на Иртыше, стоя по колено, а то и по пояс в воде. В публикации также приводятся воспоминания Владимира Александровича Иванова, отец которого — Александр Иванович Иванов — служил в 1850-х гг. в Омском военном госпитале фельдшером. Он приносил Достоевскому французскую газету «Le Nord», когда писатель лежал в госпитале. Узнав об этом, начальник госпиталя, барон Франк, рассвирепел и велел наказать фельдшера 25 ударами: чтение газет, тем более французских, было строго запрещено каторжникам. Если это событие имело место, то почему бы не подтвердить его формулярным списком или другими документами (рапортами) омского госпиталя? По воспоминаниям сына фельдшера В. А. Иванова, Достоевский мучительно переживал гоньбу каждого арестанта сквозь строй и просил врачей спасти несчастного. В статье отмечено, что в благодарность Достоевский сделал А. И. Иванову платяную щетку, которая была передана по наследству потомкам как реликвия. В публикации опровергаются легендарные сведения, что дом № 123 по улице Достоевского был построен самим писателем: В. А. Иванов подчеркивает, что дом построен еще в 1833 г., а от казармы Достоевского уже не осталось и следа.

А. Лейфер в заметке «Достоевский и те, кто рядом. Исчезнувшие документы» отсылает к публикациям прежних лет [Лейфер]. Первой он называет

заметку К. Николаевского «Товарищи Ф. М. Достоевского по каторге» (Исторический вестник. 1898. № 1. С. 219–224), где был опубликован «Статейный список», и сетует, что в настоящий момент местонахождение списка неизвестно. Автор касается и другой заметки — «Архивная находка о Достоевском. Из материалов Омского архбюро» П. Орлова, опубликованной 14 апреля 1926 г. в омской газете «Рабочий путь». В ней приводится секретное предписание Губернского управления омского коменданта, а точнее — инструкция о водворении Достоевского и Дурова на каторжные работы: «Государю Императору благоугодно, чтобы <...> преступники <...> в полном смысле слова были арестантами, соответственно приговору: облегчение их участи в дальнейшем времени должно зависеть от их поведения и монаршего милосердия, но отнюдь не от нисхождения к ним ближайшего начальства, для неослабного и строгого надзора должны быть назначены надежные чиновники». Автор обращает внимание на отсутствие «скорбного листа», т. е. истории болезни Достоевского. В публикацию включены портреты Ольги Ивановны Анненковой, дочери декабриста Ивана Александровича Анненкова, и француженки Полины Гебль, кисти художника-декабриста Николая Бестужева (1836). В семье Ивановых, Константина Ивановича и Ольги Ивановны (в девичестве Анненковой), Достоевский и Дуров провели почти месяц после выхода из Омской каторги [Лейфер: 3].

Примером высокого профессионализма в разработке сибирской темы является монография М. М. Громыко «Сибирские знакомые и друзья Ф. М. Достоевского. 1850–1854 гг.» (1985) [Громыко]. Автор привлекает широкий круг архивных материалов, приводит новые факты биографии писателя и анализирует, как они отразились в его творчестве. Значительное внимание уделено личностям декабристов и людям, близким их кругу: Н. Д. Фонвизиной, М. Д. Францевой, главному лекарю госпиталя доктору И. И. Троицкому, старшему фельдшеру А. А. Аполлонову, дочери инспектора Тобольской врачебной управы Е. Ф. Непряхиной и др. Окружение Достоевского той поры также составляли С. Я. Знаменский, комендант де Граве и П. М. Спиридонов, краевед Н. А. Абрамов и Ч. Ч. Валиханов. Описывая каждого современника — друга, приятеля, знакомого Достоевского в Сибири, — М. М. Громыко дает подробный анализ с опорой на все доступные архивные документы (в основном материалы Государственного архива Омской области).

Проанализировав метрические книги, ученый реконструирует дружеские и доверительные отношения между семьями де Граве и Троицких, Троицких и Аполлоновых. Полковник А. Ф. де Граве был крестным отцом сына И. И. Троицкого Алексея. Жена Троицкого Мария Николаевна в 1850 г. стала крестной матерью ребенка Аполлоновых. Отношения между главным врачом И. И. Троицким и старшим фельдшером Алексеем Аполлоновичем Аполлоновым были доверительными. Именно А. А. Аполлонов, по гипотезе М. М. Громыко, был хранителем «Сибирской тетради» Достоевского [Громыко: 34].

Отдельная глава исследования посвящена Н. Д. Фонвизину и ее окружению: А. И. Сулоцкому, С. Я. Знаменскому, П. С. Бобрищеву-Пушкину, П. Н. Свистуну, П. И. Жилину, М. И. Муравьеву-Апостолу [Громыко: 81–85]. Так, из работы М. М. Громыко можно узнать, что священник А. И. Сулоцкий детально информировал Фонвизина о Дурове и Достоевском, хлопотал о смягчении условий заключения в Омском остроге, способствовал длительному нахождению петрашевцев в лазарете и особому отношению к ним И. И. Троицкого.

В монографии подробно рассказывается о дочери декабриста Ивана Александровича Анненкова и Параскевы Егоровны Ольге, о декабристе И. Д. Якушкине и его сыновьях, с одним из которых — Евгением Ивановичем — Достоевский встречался в доме Константина Ивановича и Ольги Михайловны Ивановых [Громыко: 119]. Позднее сын Е. И. Якушкина опубликовал в журнале «Русская старина» два письма Достоевского к Евгению Ивановичу Якушкину, но в предисловии к публикации ошибся городом, указав Красноярск вместо Омска, чем спровоцировал обличительную реакцию А. Е. Врангеля. Контакты с Якушкиным способствовали развитию интереса Достоевского к фольклору, возникшему под воздействием простонародной среды на каторге [Громыко: 81–128]. В письме от 15 апреля 1855 г. Евгений Иванович просил Достоевского собирать песни, и писатель действительно сделал ряд фольклорных записей в Семипалатинске, где жил среди крестьян и казачества.

Интересна глава, повествующая о связи А. Е. Врангеля с декабристом И. И. Путиным. Подробно излагается история знакомства Достоевского с Чоканом Валихановым и семейством старшей сестры Д. И. Менделеева Екатерины Ивановны, в замужестве Капустиной.

М. М. Громыко ставит вопрос о прототипах, аргументированно доказывая сходство личности Зосимы Тобольского и образа старца Зосимы, старца Василиска и «брата Анфима», опровергает неточности мемуаров А. Е. Ризенкампа, где говорится о якобы имевшем место телесном наказании Достоевского в Омском остроге. «Свидетельство Ризенкампа — вымысел, оборачивающийся злой клеветой в силу характера вымышленных фактов» [Громыко: 47]. Письмо А. Е. Ризенкампа А. М. Достоевскому не выдерживает критики, поскольку демонстрирует поразительную неосведомленность в дате смерти первой жены, сроках второго брака, не говоря о том, что во время омской каторги писателя мемуарист не служил в Омске [Громыко: 48]. Таким образом, монография М. М. Громыко по праву является самым ценным источником омского текста Достоевского.

В. С. Вайнерман в книге «Поручаю себя Вашей доброй памяти...» (Ф. М. Достоевский и Сибирь)» подробно рассматривает историю Омска, Омской крепости, здания крепостного острога. Автор повествует о ближайшем окружении писателя в Сибири, расширяя и популяризируя исследования М. М. Громыко. Так, В. С. Вайнерман приводит новые данные

об Якове Александровиче Слуцком, который помогал Достоевскому при назначении пенсии вдове М. Д. Исаевой, а затем при определении пасынка Паши в Омский кадетский корпус. Автор прослеживает биографию Я. А. Слуцкого и следы его потомков: он был женат на дочери Гасфорта Людмиле, их дочь Анна (Нина) была похоронена в Венеции [Вайнерман, 2015].

Без ссылок на комментарий 30-томного Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского (Д30; т. 4: 284, 288, 289) и работы Б. Ф. Федоренко В. С. Вайнерман называет прототипов героев «Записок из Мертвого дома» в омском окружении писателя: М.-кий и М.-цкий — Александр Мирецкий, Т-кий — Токарежский. Высказывается предположение, что одним из прототипов образа повествователя Александра Горянчикова стал Александр Мирецкий. Автор приходит к выводу, что описанная в «Записках» с большой симпатией семья Ивана Ивановича Гвоздикова восходит к семье Якова Сергеевича Капустина, в которой было пять дочерей. Прототипом образа мило-сердной Настасьи Ивановны стала Наталья Степановна Крыжановская, которая отличалась филантропией. Отдельная глава книги посвящена Омскому госпиталю. Автор знакомит читателя с его «главным врачом» Иваном Ивановичем Троицким, ординатором Иваном Яковлевичем Ловчинским, старшим госпитальным фельдшером — Алексеем Аполлоновичем Аполлоновым, фельдшером Николаем Евграфовичем Гладышевым. В книге приводятся сведения, повторяющие результаты исследования М. М. Громыко, о коменданте Омской крепости Алексее Федоровиче де Граве, его жене Анне Андреевне, которая способствовала созданию первой женской школы Омска.

В монографии описан и печально известный по страницам «Записок» плац-майор Василий Григорьевич Кривцов, ранее занимавший должность полицмейстера г. Омска. Также приводятся сведения о командире инженерной команды Иване Гладышеве. Автор анализирует введенные М. М. Громыко [Громыко: 59] в научный оборот новые факты. Известно, что после выхода из острога Достоевский и Дуров жили «почти месяц» [Громыко: 60] в семье Константина Ивановича Иванова — адъютанта начальника корпусных инженеров и его жены Ольги Ивановны (в девичестве Анненковой). В апреле 1853 г., когда на крестины Натальи, дочери Константина Ивановича и Ольги Ивановны, приехали дорогие гости из Тобольска, ставшие восприемниками (дедушка и бабушка — Иван Александрович и Параскева Егоровна Анненковы, а также Иван Иванович и Наталья Дмитриевна Фонвизины) (ГАОО. Ф. 16. Омская консистория. Оп. 2. Д. 3532. Л. 15 об. — 16), состоялась их встреча в доме Ивановых с Достоевским, а затем встреча Достоевского с Евгением Ивановичем Якушкиным (см.: [Громыко: 59–60, 63], [Вайнерман, 2015: 183]).

Как продолжение традиции изучения обстоятельств, связанных с пребыванием Достоевского на каторге, и расширение фактических сведений о его ближайшем окружении и возможных прототипах героев «Записок»

из числа современников может расцениваться проект И. Л. Волгина, в котором участвуют студенты МГУ М. А. Калинин, Е. Е. Огородникова, А. Г. Подрябинкина. Они «выявили неизвестные ранее архивные документы, относящиеся к периоду пребывания Достоевского на омской каторге, к реальному историческому контексту “Записок из Мертвого дома”» [Волгин: 42].

В статье М. А. Калинина «Прототипы начальства в “Записках из Мертвого Дома” Ф. М. Достоевского (по архивным материалам)» вводятся в научный оборот новые документы — дела с формулярными и послужными списками установленных прототипов начальства в этом произведении [Калинин]. Дело «О назначении пенсии вдове подполковника Валентине Кривцовой», к которому приложена копия указа об отставке мужа, выданная 29 марта 1856 г., с подробным формулярным списком позволяют молодому ученому доказать, что мечта плац-майора о женитьбе воплотилась в реальность. Кривцов имел военное прошлое и боевые заслуги, при выходе в отставку получил следующий чин и был освобожден от следствия [Калинин: 74, 76]. В статье также подробно рассмотрен служебный путь полевого инженера Ивана Гладышева, который изображен в «Записках» в образе подполковника Г-кова как антипод Кривцова и относится к «благодетельному начальству» [Вайнерман, 2015: 161].

М. А. Калинин также ввел в научный оборот «Формулярный список о службе штаб-доктора Отдельного Сибирского корпуса, статского советника Троицкого» от 19 марта 1858 г. [Калинин: 81]. Это позволяет предполагать, что одним из преподавателей Троицкого во время обучения «был “ученый-дедушка”, дядя матери Достоевского В. М. Котельницкий, памятный писателю с детства» [Волгин: 45]. В статье также раскрываются подробности биографии ординатора Ивана Яковлевича Ловчинского: он родом из Брацлавского повета, как дед и отец Ф. М. Достоевского. Автор приходит к выводу, что «Кривцов, Гладышев, Троицкий, Ловчинский послужили прототипами опорных художественных образов “Записок...” и позволили типизировать в этих героях некоторые национальные черты» [Калинин: 86].

Статья Е. Е. Огородниковой «Каторга Достоевского в математическом исчислении» посвящена детальному анализу архивных документов Российского государственного военно-исторического архива в Москве (РГВИА) — чертежей Омского острога, а также карт окрестностей Омской крепости. В работе исследуются площади и размеры объектов, располагавшихся как на территории острога, так и за его пределами. Автор использует метод аппроксимации, позволяющий заменять сложные объекты более простыми. Общая площадь острога составляет 4 660 квадратных метров или 46,6 соток. Военный госпиталь находился за пределами Омской крепости, на северо-востоке в сторону реки Омь на расстоянии около 280 саженей или 600 м. В статье установлены размеры всех сооружений и помещений внутри острога (в том числе площадь острога и всех казарм), проведена реконструкция внутреннего вида казармы, подсчитано пространство, приходившееся

на одного арестанта (примерно 51 см спального места) [Огородникова: 113]. Найденные в РГВИА новые документы позволяют заполнить лакуны в биографии писателя и его современников, точнее реконструировать творческий процесс писателя в целом.

Наиболее обширной и одновременно сложной частью сибирского текста Достоевского является текст кузнецкий, для которого характерна большая степень мифологизации источников. Многообразие публикаций сводится к 1) биографическим работам, направленным на выяснение кузнецких событий и борьбу с легендами, 2) анализу образа Марии Дмитриевны и ее роли в творчестве Достоевского, 3) поиску кузнецких прототипов, истории создания и экспозиции музея.

Биографические работы отличаются разной степенью «близости» к истине. Среди них есть как романы и документальные повести, о которых мы уже упоминали, так и монографические исследования, основанные на архивных документах.

Пожалуй, самым авторитетным изданием о пребывании Достоевского в Кузнецке до сих пор остается монография А. С. Шадринной «Двадцать два дня из жизни Достоевского (город Кузнецк, 1856–1857)». Первое издание было выпущено в Новокузнецке в 1995 г., второе — в 2016 г. там же [Шадрина, 1995, 2016]. Эта книга представляет собой попытку анализа эпистолярного и мемуарного наследия писателя и его современников, касающегося пребывания Достоевского в Кузнецке. Наиболее ценной в монографии является глава «Кузнецкое окружение Ф. М. Достоевского», где использованы ранее неизвестные архивные документы, впервые введенные автором в научный оборот в первом издании книги. А. С. Шадрина полагает, что общее число знакомых писателя в Кузнецке составляло 13–15 человек. Автор подробно, тщательно, с опорой на архивные источники описывает два семейства знакомых Марьи Дмитриевны Исаевой: Катанаевых и Тюменцевых, — упоминает семейство Вагиных, в доме которых по Русиновскому переулку Достоевский останавливался в два приезда в июне и ноябре 1856 г. [Шадрина, 2016: 64], уделяет внимание семье Дмитриевых, в чьем доме снимали квартиру Исаевы. Отдельные страницы книги посвящены семье Сапожниковых. В работе прослежен и жизненный путь Н. Б. Вергунова. В завершение представлена история музея Достоевского в Кузнецке и история Богородице-Одигитриевской церкви.

Вместе с тем на современном этапе развития достоевистики очевидно, что положенные в название книги «двадцать два дня Достоевского в Кузнецке» далеко не бесспорны. Такая хронология событий может быть подвергнута критике. По крайней мере, возникают большие сомнения относительно возможности на настоящий момент настаивать именно на 22 кузнецких днях.

А. С. Шадрина в своих выводах опирается исключительно на письма Достоевского, адресованные А. Е. Врангелю. И действительно, первый приезд

писателя в Кузнецк (см.: [Сафронова, 2020: 37]) приходился на период между 1 и 6 июня 1856 г. и длился два дня: «Я там провел два дня» (ДЗ0; т. 28₁: 235). Вторая поездка состоялась в конце ноября 1856 г. и заняла пять дней: «Там пробыл 5 дней...» (ДЗ0; т. 28₁: 252). Поэтому семь дней пребывания в Кузнецке в течение 1856 г. бесспорны. С продолжительностью и датировкой третьей поездки в связи с венчанием все очень неоднозначно. С одной стороны, в письме А. Е. Врангелю от 25 января 1857 г. Достоевский рассказывает о том, что удалось взять в долг у Ковригина 600 рублей серебром, и о своем намерении: «...в воскресенье 27-го еду в Кузнецк на 15 дней. Не знаю, успею ли в такой короткий срок доехать и сделать свадьбу» (ДЗ0; т. 28₁: 266). Подчеркнем, что в этом письме Достоевский писал о будущих, только предполагаемых событиях. Но он напрямую зависел от своего батальонного начальства и его решения. Более вероятно, что выехал он 1 февраля, поскольку именно этим числом датировано дозволение прапорщику Достоевскому жениться, подписанное командиром батальона подполковником Г. Белиховым, а без этого документа невозможно было отправиться в путь. 6 февраля 1857 г. в Одигитриевской церкви г. Кузнецка состоялось венчание М. Д. Исаевой и Ф. М. Достоевского.

Неясна и дата возвращения. На обратном пути в Барнауле с писателем случился эпилептический припадок. Об этом событии Достоевский сообщил А. Е. Врангелю 9 марта: «В Барнауле со мной случился припадок, и я лишник 4 дня прожил в этом месте. (Припадок мой сокрушил меня и телесно и нравственно <...>)» (ДЗ0; т. 28₁: 270). «Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского» датирует припадок ориентировочно 15 февраля 1857 г. [Летопись...: 234]. В. Ф. Гришаев считает, что Достоевский неделю с 6 по 14 февраля прожил в Кузнецке (свадьба, сборы в обратный путь и пр.) и вернулся с женой и пасынком в Семипалатинск 20 февраля [Гришаев, 2001: 238]. Очень похоже на истину. Тогда продолжительность всей поездки Семипалатинск — Кузнецк и обратно составила 19 дней (15 и 4). Соответственно, кузнецкие эпизоды суммарно за 1856–1857 гг. с учетом дороги сокращаются с 22 (мнение А. С. Шадриной) до 15–17 дней.

Кроме того, А. С. Шадрина выдвигает интересную гипотезу. 29 апреля 1857 г. состоялось крещение сына Петра Сапожникова (свидетеля со стороны жениха на свадьбе) Георгия в Петропавловском соборе г. Кузнецка [Шадрина, 2016: 54]. Поскольку имя крестной матери — М. Д. Достоевская, Шадрина ставит риторические вопросы: «...приезжала ли она на крестины мальчика, своего крестника? Мог ли проходить обряд крещения в церкви без присутствия одного из крестных?» [Шадрина, 2016: 55]. Так, исследовательница допускает личное присутствие на обряде Марьи Дмитриевны как прикрытие возможности ее встречи с Вергуновым в Кузнецке. Подобные предположения необходимо вписывать в биографический и исторический контекст. Во-первых, после переезда из Кузнецка в Семипалатинск Марья Дмитриевна болела и плохо себя чувствовала, чтобы решиться вновь на

утомительное путешествие в 750 верст. Во-вторых, обряд может проводиться без личного присутствия крестного. Например, восприемником рожденных за границей Софьи Федоровны и Любови Федоровны Достоевских был Аполлон Николаевич Майков, который в тот момент находился в Петербурге и не приезжал на крестины. Поскольку совершение обряда крещения позволялось в отсутствие крестных, то ставить под сомнение верность мужу Марьи Дмитриевны нет никаких оснований.

В статье И. В. Минович «Годы детства и юности Марии Констант (по материалам выставки, посвященной 195-летию первой жены Ф. М. Достоевского)» анализируются архивные документы, полученные в процессе работы над выставкой Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского в Новокузнецке [Мирович, 2020]. Основу экспозиции составили документы Государственного архива Астраханской области, большая часть которых была введена в научный оборот в 1994 г. семипалатинской исследовательницей Н. И. Левченко и предоставлена музеем в цифровом виде. Экспонаты раскрывают историю семьи Констант. Формулярный список Д. С. Константа¹¹ характеризует его как человека честного и трудолюбивого. В статье раскрываются новые биографические подробности детства и юности Марии Констант в Таганроге, где она родилась и прожила до 15 лет. Дом был расположен в красивой и уютной части города недалеко от высокого морского берега. Мария окончила один из частных пансионов Таганрога, а ее сестры Софья и Варвара Констант были в числе первых выпускниц Астраханского института благородных девиц. И. В. Минович также отмечает произведения писателя, в которых нашли отражение черты личности М. Д. Достоевской, факты ее биографии и история ее семьи.

Работа Е. Д. Трухан «Кузнецкий почтмейстер, которого Достоевский выбрал «формалистом»» [Трухан, 2018] также представляет собой попытку «приоткрыть завесу времени» и познакомиться с работой провинциальной почты середины XIX в. Статья посвящена Кузнецкой почтовой конторе и ее руководителю — почтмейстеру П. Ф. Байгашеву (Байгишеву), которого Ф. М. Достоевский в письме к А. Е. Врангелю от 23 августа 1855 г. назвал «формалистом» (см.: Д30; т. 28; 195). Автор выявила неизвестные ранее факты об этом чиновнике, его семье и знакомых, наградах, продвижении по карьерной лестнице. Работа содержит в себе биографические данные о конкретном почтовом должностном лице, исторические сведения из жизни Почтового департамента, а также описание повседневного быта Кузнецкой почтовой конторы и города Кузнецка Томской губернии в целом. Е. Д. Трухан вводит в научный оборот имена кузнецких почтовиков и архивные документы (метрические книги, отчеты городских начальников, циркуляры, деловые письма, ведомости, списки и пр.), добавляя важные детали к нашему представлению о сибирском опыте писателя.

Исследованию биографии Н. Б. Вергунова посвящена публикация В. С. Пилипенко [Пилипенко]. Автор выделил пять периодов жизни и деятельности

соперника Достоевского: 1) домашнее воспитание и получение образования в Томске (1832–1854); 2) работа учителем в кузнецком приходском училище (1854–1857); 3) работа учителем в семипалатинском уездном училище (1857–1865); 4) работа домашним учителем в пансионе Шнейдер в Барнауле (1865–1869); 5) работа учителем в семипалатинском уездном училище (1869–1870).

Исследователь приходит к выводу, что «томский период остался нереализованным до конца в силу сложившихся жизненных обстоятельств (ранняя смерть отца, четыре класса гимназии). Не совсем удачными были и два семипалатинских периода, характеризующиеся, с одной стороны, прилежностью, мастерством педагога, с другой — скандальными стычками с начальством. В итоге Вергунов дослужился всего лишь до чина губернского секретаря (12 класс)» [Пилипенко: 22]; «кузнецкий период бесспорно остается наиболее значимым, ценным, эмоционально насыщенным в жизни Николая Борисовича. Во-первых, юный период жизни, дающий желание творить, возможности взлету мыслей, поступков и реализации себя как личности. Во-вторых, встреча с Марией Дмитриевной Исаевой, которая произвела огромное впечатление своей утонченной красотой и высоким интеллектом» [Пилипенко: 22]. Важно подчеркнуть, что самым загадочным в биографии соперника Достоевского остается семипалатинский период. Очевидна роль Н. Б. Вергунова в обмене вакансиями с А. А. Калмаковым и переводе в Семипалатинск, но непонятно, как складывалось общение, виделся ли он там с Марией Дмитриевной, насколько часто, есть ли достоверные факты, свидетельства очевидцев об отношениях Вергунова и Достоевских.

Нельзя не согласиться с мнением А. Е. Сорокина: «В целом “локальные” изыскания, посвященные рассмотрению кузнецкого периода, стали основой для построения “местной мифологии” — акцентирование внимания на первом браке писателя как на предопределившем всю его дальнейшую судьбу и творческое развитие. Это порождено, очевидно, не только “местным патриотизмом” авторов исследований, но и не всегда пристальным вниманием литературоведов и биографов Ф. М. Достоевского к событиям, происходившим в Семипалатинске и Кузнецке» [Сорокин: 36].

Еще одна группа публикаций связана с историей создания и экспозицией Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского в Новокузнецке. Его прежний директор Т. С. Ащеулова в публикации «Обзор последних разысканий Новокузнецкого музея Ф. М. Достоевского. История некоторых находок и их атрибуция» приводит новые данные о дате основания музея. Традиционно считалось, что дата его учреждения — 1980 г., но газетные публикации 1962 г. сообщают о том, что в Доме Достоевского уже работает общественная библиотека и мемориальная комната писателя. Т. С. Ащеулова также рассказывает об экспонатах музея. По сообщению исследовательницы, кузнецкий краевед Порфирий Зенков в своих воспоминаниях «Что помнят в Кузнецке о Ф. М. Достоевском» указывал, что в городе «не осталось

никаких архивов и не сохранилось никаких документов о пребывании здесь Достоевского. Запись брака Достоевского с Исаевой — и та сгорела вместе со всем церковным имуществом во время гражданской войны в 1919 году. Но счастливая случайность, что в 1910 году фотографом Аксеновым Иваном Васильевичем был сделан фотографический снимок с церковной обысковой книги, где было записано о браке Достоевского. Снимок был сделан для сотрудника Ленинградского ботанического сада Бориса Николаевича Клоптова» (цит. по: [Ащеулова: 10]).

Е. Б. Цибизова в статье «Из опыта работы с постоянной детской аудиторией Новокузнецкого литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского» знакомит с обучающей программой «Мир музея», предназначенной для детей 7–11 лет, основным методом которой является эмоциональное погружение в прошлое, его реконструкция через экспонат как знаковый символ [Цибизова: 15]. Н. В. Караваева рассматривает владельческие пометы на изданиях Ф. М. Достоевского XIX — начала XX в. в обособленном фонде Новокузнецкого литературно-мемориального музея писателя [Караваева].

В статье Е. Р. Мингазовой «Публицистические материалы о Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского (Новокузнецк) в 70–90-е гг. XX в. (из коллекции музея)» представлен обзор наиболее интересных газетных заметок из коллекции «История литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского» г. Новокузнецка, посвященных его созданию, реставрации, а также выставкам указанного периода [Мингазова]. Статья Л. Сербина «Здесь жил писатель» (газета «Кузнецкий рабочий» от 11 ноября 1971 г.) рассказывает о желании местных жителей открыть в доме № 40 музей Достоевского. М. Кушникова в статье «Кузнецкая обитель Федора Достоевского» (газета «Кузбасс» от 21 декабря 1990 г.) говорила о необходимости сделать музей Достоевского самостоятельным учреждением, а не филиалом. Н. Малькова (Мальковец) в статье «Дом Достоевского: забвения быть не может» (газета «Кузнецкий рабочий» от 2 июня 1994 г.), рассуждая о мировом значении Достоевского, пишет о проблемах реставрации мемориального дома¹².

Илл. 1. Кузнецк. Улица Достоевского. Дом Дмитриевых (второй слева),
в котором жила семья Исаевых.
С фотографии начала XX в.

Fig. 1. Kuznetsk. Dostoevsky Street. The Dmitrievs' house (second from the left),
where the Isaev family lived.
From a photograph of the early twentieth century¹³

Илл. 2. Кузнецк. Улица Достоевского. Дом Дмитриевых,
в котором жила семья Исаевых. Фото В. С. Пилипенко. 2000-е гг.

Fig. 2. Kuznetsk. Dostoevsky Street. The Dmitrievs' house,
where the Isaev family lived. Photo by V. S. Pilipenko. 2000s

И. Мирович в статье «Обзор публикаций за 1990–1998 гг. из фондов Новокузнецкого литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского» выделяет три типа публикаций о писателе в местной прессе: «О личности Достоевского и его биографии», «О творчестве Достоевского», «Собственно об отношении наших современников к Достоевскому» [Мирович, 2000]. В публикациях подобного рода доминирует мнемоническая функция, они напоминают кузнечанам о Достоевском.

Очень немногочисленные публикации казахских коллег касаются новых фактов научной биографии Достоевского и создания музея в Казахстане.

Работа заведующей отделом музея Ф. М. Достоевского в Семипалатинске Н. И. Левченко «Круг знакомых Ф. М. Достоевского в Семипалатинский период жизни (1854–1859 гг.)» публиковалась несколько раз: отдельной брошюрой (1991) в Семипалатинске при Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского и в виде статьи — в составе сборников «Достоевский и современность» (Семипалатинск, 1991; два тиража; по материалы Достоевских чтений 1989 г.) и «Достоевский. Материалы и исследования» (СПб., 1994; т. 11) (см.: [Левченко, 1991a, b, c, 1994]). Скрупулезная работа, основанная на архивном поиске (ГАТО и ГААО), о семье и детстве М. Д. Констант, об А. И. Исаеве, Н. Б. Вергунове. Поисковая архивная работа была продолжена и представлена в новой статье Н. И. Левченко — «Дополнения к кругу знакомых Ф. М. Достоевского» [Левченко, 1993]. Она рассказывает о Степане Ивановиче Гуляеве как возможном знакомом Достоевского, который в 1859 г. был назначен в Барнаул советником отделения частных золотых промыслов Алтайского горного правления. По долгу службы он часто бывал в Петербурге, где было продолжено общение с Достоевскими, особенно с семьей Михаила Михайловича. В журнале «Эпоха» было опубликовано несколько статей сына С. И. Гуляева Николая. У последнего также была личная карточка Достоевского (ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 15). Возможно, под влиянием Достоевского, его заинтересовали чуждые курганы, позднее он стал археологом.

В статье М. К. Жунусовой «Исследователь семипалатинского периода жизни Ф. М. Достоевского Б. Г. Герасимов» рассматривается научная и просветительская деятельность инициатора и активного работника подотдела Западносибирского отдела Императорского Русского географического общества [Жинусова].

В статье И. Ф. Мельниковой «К истории создания Семипалатинского музея Ф. М. Достоевского» (опубл. 1991) в исторической перспективе описывается процесс создания музея: в 1902 г. улица Крепостная была переименована в улицу Достоевского, в 1962 г. в мемориальном доме открыта библиотека, в 1971 г. музей стал самостоятельной литературно-мемориальной единицей [Мельникова]. Статья Л. Перелыгиной «Воспоминания о встрече с А. Ф. Достоевским, внуком великого писателя Ф. М. Достоевского» рассказывает о памятной встрече в августе 1968 г., посвященной 250-летию

г. Семипалатинска [Перелыгина]. Публикация И. А. Соловьевой «Выставка “Православие в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского” из фондов Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского, г. Семей» знакомит читателей с концепцией выставки как «отражением значения православной веры в жизни и творчестве» писателя [Соловьева].

Публикации, в которых представлены интерпретации сибирских произведений, настолько пестры и разнородны, что вполне заслуживают отдельной обзорной работы.

Приведенные факты свидетельствуют, с каким трудом отделяются «зерна» от «плевел», достоверные сведения от мистификаций, как много еще не найдено, сколько еще «белых пятен» скрыто в архивах и какие намечаются широкие перспективы исследования сибирского текста Достоевского.

Дальнейшая работа связана с поиском архивных источников, тематически связанных с пребыванием Достоевского в Сибири (государственные архивы Тобольска, Томска, Барнаула, Омска, Семей, Астаны, Усть-Каменогорска).

Новые документы могут быть обнаружены в фондах Государственного архива в г. Тобольске: Ф. И20. Тобольский тюремный замок; Ф. И148. Николаев Кузьма Николаевич; Ф. И159. Тобольское губернское жандармское управление; Ф. И330. Тобольская экспедиция о ссыльных; Ф. И331. Тюремное отделение Тобольского губернского управления; Ф. И471. Тобольский Приказ о ссыльных; Ф. И479. Тобольский губернатор; Ф. И659. Тобольский губернский попечительный о тюрьмах комитет; Ф. И689. Тобольская губернская тюремная инспекция.

В Омске, к сожалению, не сохранился фонд Омского военного госпиталя, однако новые сведения могут содержаться в других фондах Исторического архива Омской области: Ф. 3. Главное управление Западной Сибири в Омске; Ф. 15. Омский тюремный замок; Ф. 14. Омское городское полицейское управление; Ф. 93. Акмолинский областной комитет попечительного о тюрьмах общества; Ф. 172. Омская городская управа; Ф. 233. Омский областной прокурор; Ф. 388. Тарская уездная тюрьма Тобольского губернского управления.

Новые факты могут быть обнаружены в Государственном архиве Томской области: Ф. 2. Канцелярия томского губернатора; Ф. 3. Томское губернское правление; Ф. 104. Томское городское полицейское управление; Ф. 234. Томские губернский статистический комитет; Ф. 411. Томское губернское жандармское управление; Ф. 502. Управление томского губернского воинского начальника (в нем должна быть копия полицейского фонда Госархива Алтайского края, утраченного в Барнауле).

Маловероятно, но не исключена возможность новых разысканий в Государственном архиве Алтайского края: Ф. 1. Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства; Ф. 2. Алтайское горное правление; Ф. 4. Главное управление Алтайского округа; Ф. 5. Барнаульская горная контора; Ф. 65. Томское губернское управление; Ф. 163. Гуляев С. И., Гуляев Н. С.; Ф. 248. Барнаульское окружное полицейское управление; Ф. Р1382. Бородкин П. А.

Больше вероятности, что новые открытия ждут своего исследователя в архивах Казахстана: Государственный архив Восточно-Казахстанской области (г. Усть-Каменогорск), Центр документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области (г. Семей), Центральный государственный архив Республики Казахстан (г. Астана).

Подводя итоги, отметим, что почти десятилетие, проведенное Ф. М. Достоевским в Сибири, остается наименее исследованным периодом. Географическая удаленность сибирской провинции (Тобольск, Омск, Барнаул, Семипалатинск, Кузнецк) от признанных российских центров достоеведения (Москва, Санкт-Петербург, Петрозаводск) привела к ситуации неполноты сведений, наличию неточностей и ошибок даже в академических изданиях. Создание научной биографии Достоевского, в том числе сибирского периода, очищенной от местных легенд, остается актуальной научной задачей. Необходима большая и тщательная работа по проверке мемуарных свидетельств, документальному их подтверждению (формулярные списки современников, рапорты, карты и т. д.). Сибирский период биографии Достоевского нуждается в дальнейшем исследовании его деталей и обстоятельств с опорой на архивные источники. В статье не только обозначены проблемы и намечены перспективы изучения сибирского текста, но и названы архивные коллекции, в которых могут быть найдены новые документы о Достоевском и его окружении. Для масштабных поисковых работ необходима консолидация научного сообщества. В этом случае новые находки могут не только уточнить биографические сведения о писателе и его окружении, но и иметь самостоятельное историко-литературное и культурологическое значение, стать основой для комментирования и интерпретации творчества автора.

Примечания

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-112-50333 «Сибирский текст Ф. М. Достоевского», конкурс «Экспансия».

- ¹ Сибирь Достоевского долгое время находилась на периферии научного поиска, а географическая удаленность авторов 3-томной «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского» от архивов, топосов и реалий сибирской провинции привела, к сожалению, к наличию неточностей в описании некоторых фактов биографии, дат и окружения писателя в Сибири. Необходима большая, фундаментальная работа по уточнению и устранению ошибок, по поиску и внедрению в научный оборот новых архивных документов этого периода жизни и творчества Достоевского.
- ² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1985. Т. 28. Кн. 1. С. 169. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Д30* и указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках.
- ³ Врангель А. Е. Воспоминания о Ф. М. Достоевском в Сибири, 1854–1856 гг. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1912. 221 с.
- ⁴ Семенов-Тянь-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 годах. Мемуары. М.: ОГИЗ, 1946. Т. 2. 256 с.

- ⁵ Здесь и далее мы придерживаемся исторически принятого и закреплённого в дostoевистике начертания польской фамилии — Токаржевский, приближенной к написанию в польском языке. Однако современный способ передачи фамилии в большей мере ориентирован на ее звучание — Токажевски. Возможно и двойное начертание фамилии Тока(р)жевски(й). Благодарю за любезную консультацию по этому вопросу Мартина Боровски, кандидата гуманитарных наук, Вроцлавский университет (адъюнкт, кафедра русской литературы и культуры).
- ⁶ В 1936 г. перевод двух глав мемуаров «Каторжане» с польского на русский язык предпринял В. Б. Арендт (Звенья. Сборники материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIV–XX вв. Т. VI. М.; Л.: Academia, Госкультпросветиздат. 1936. С. 495–512), а затем они были перепечатаны в издании «Достоевский в воспоминаниях современников» (М.: Худож. лит., 1991. Т. 1. С. 325–332). В 2007 г. в издательстве «Кузбассвуиздат» вышла книга под заглавием «Сибирское лихолетье», объединившая все книги польского политического и общественного деятеля; перевод выполнен М. М. Кушниковой (см.: [Токаржевский, 2007]).
- ⁷ Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников. СПб.: Андреев и сыновья, 1993. С. 67–160.
- ⁸ Кошаров П. Маленький фельетон. Воспоминание о Достоевском // Томский листок. 1897. № 172. С. 3.
- ⁹ Здесь и далее, кроме специально оговоренных случаев, полужирные выделения в цитатах принадлежат автору статьи.
- ¹⁰ Достоевский в Кузнецке // Большевистская сталь. 1943. № 34. 10 февраля. С. 2.
- ¹¹ Формулярный список о службе и достоинствах Директора Астраханского Карантинного дома Титулярного Советника Константа. 1839 // ГААО. Ф. 460. Оп. 1. Д. 632; Дело по рапорту помощника Капитана Карантинного порта г. Константа о выдаче ему копии с формулярного о службе его списка. 1838. 6 марта // ГААО. Ф. 460. Оп. 1. Д. 398.
- ¹² См. также периодику на эту тему: Валиулин В. Музей на улице Достоевского // Кузнецкий рабочий. 1992. 12 марта; Сербин Л. Здесь жил писатель // Кузнецкий рабочий. 1971. 11 ноября; Кушникова М. Кузнецкая обитель Федора Достоевского // Кузбасс. 1990. 21 декабря; Валиулин В. Что есть бессмертие? Дом-музей Достоевского готовит новую экспозицию // Кузнецкий рабочий. 1996. 3 октября; Гревнёв М. «Серебряные» доски для дома Достоевского // Наша газета. 1993. 26 июня; Малькова Н. (Мальковец). Дом Достоевского: забвения быть не может // Кузнецкий рабочий. 1994. 2 июня; Никонова Л. Достоевский, прочитанный художником // Кузнецкий рабочий. 1986. 20 ноября; Никонова Л. А. Достоевский и Исаева: венчание в Кузнецке // Кузнецкий рабочий. 1991. 31 октября и др.
- ¹³ Фото из: МАУК «Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского», Новокузнецк (КР-269 ИП-49). Photo from The Literary and Memorial Museum of F. M. Dostoevsky, Novokuznetsk (KR-269 IP-49).

Список литературы

1. Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. — Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2000. — 404 с.
2. Адренс Н. Н. Ссылный № 33: роман [о Ф. М. Достоевском]: в 3 ч. / послесл. М. Щеглова. — М.: Сов. писатель, 1967. — 544 с.

3. Архипова А. В. Семипалатинские замыслы Достоевского (У истоков «Униженных и оскорбленных») // Достоевский. Материалы и исследования. — СПб.: Наука, 1996. — Т. 13. — С. 50–64.
4. Ащеулова Т. С. Обзор последних разысканий Новокузнецкого музея Ф. М. Достоевского. История некоторых находок и их атрибуция // Творчество Ф. М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации: тезисы IV межрегиональной научно-практической конференции (Новокузнецк, 1999). — Новокузнецк, 2000. — С. 7–13.
5. Белов С. В. Меня спасла каторга: повесть о Достоевском и петрашевцах. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. — 147 с.
6. Булгаков В. Ф. Ф. М. Достоевский в Кузнецке // XXIII Иллюстрированное приложение к газете «Сибирская жизнь». — Томск, 1904. — № 221. — 10 октября. — С. 1.
7. Вайнерман В. С. Достоевский и Омск. — Омск: Кн. изд-во, 1991. — 125 с.
8. Вайнерман В. С. «Поручаю себя Вашей доброй памяти...»: Ф. М. Достоевский и Сибирь. — 3-е изд., испр. и доп. — Омск: Наука, 2015. — 390 с.
9. Волгин И. Л. Омский контекст. Новые реалии и находки // Неизвестный Достоевский. — 2020. — № 1. — С. 42–50 [Электронный ресурс]. — URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1587653536.pdf (01.06.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4521
10. Вяткин Г. Достоевский в омской каторге. По поводу 75-летия ссылки Ф. М. Достоевского в Сибирь // Сибирские огни. — 1925. — № 1. — С. 177–180.
11. Габдуллина В. И. Семипалатинские прототипы героев Достоевского // Литература и фольклор Казахстана: сб. науч. тр. междуведомственный. — Караганда, 1983. — С. 66–76.
12. Габдуллина В. И. Пародирующие двойники в системе персонажей повести «Село Степанчиково и его обитатели» // Филологический анализ текста: сб. науч. ст. — Барнаул, 1998. — Вып. 2. — С. 40–47.
13. Габдуллина В. И. Карнавал в «Селе Степанчикове» (К вопросу о шутах Достоевского) // Достоевский и мировая культура: художественное наследие и духовность: материалы Междунар. научно-практ. конф. — Семипалатинск, 2004. — С. 68–76.
14. Габдуллина В. И. Мотив смерти-воскресения в сибирском тексте Ф. М. Достоевского // Сюжетология и сюжетография. — 2015. — № 2. — С. 101–108.
15. Габдуллина В. И. Сибирский текст Достоевского: образ провинции // Культура и текст. — 2016. — № 3. — С. 93–106.
16. Герасимов Б. Г. Новые данные о жизни Достоевского в Семипалатинске // Русская речь. — Новониколаевск, 1919. — № 38. — 22 февраля.
17. Герасимов Б. Г. Ф. М. Достоевский в Семипалатинске // Сибирские огни. — 1924. — № 4. — С. 140–150.
18. Герасимов Б. Г. Ф. М. Достоевский в Семипалатинске (Статья вторая) // Сибирские огни. — 1926. — № 3. — С. 124–144.
19. Герасимов Б. Г. Где же отбывал каторгу и ссылку Ф. М. Достоевский? // Сибирские огни. — 1927. — № 4. — Июль — август. — С. 174–177.
20. Герасимов Б. Г. Новые данные о жизни Достоевского в Семипалатинске // Ф. М. Достоевский в забытых и неизвестных воспоминаниях современников / вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова. — СПб.: Андреев и сыновья, 1993. — С. 114–116.
21. Гришаев В. Ф. Достоевский на Алтае // Алтайская правда. — 1981. — 20 декабря.
22. Гришаев В. Ф. К пребыванию Достоевского на Алтае // Достоевский. Материалы и исследования. — Л., 1985. — Т. 6. — С. 192–200.

23. Гришаев В. Ф. «Именно в Барнаул...» (Ф. М. Достоевский на Алтае) // Тропую памяти: записки краеведа / худож. А. Кальмуцкий; фото А. Познякова, С. Пирогова. — Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1987. — С. 5–22.
24. Гришаев В. Ф. «Сибирский рассвет» // Алтайский сборник. — Барнаул, 1992. — Вып. XV. — С. 35–41. (а)
25. Гришаев В. Ф. «Театральный дом» в Барнауле // Алтайский сборник. — Барнаул, 1992. — Вып. XV. — С. 29–34. (b)
26. Гришаев В. Ф. Гернгросс Андрей Родионович // Энциклопедия Алтайского края: в 2 т. — Барнаул: Пикет, 1997. — Т. 2. — С. 102.
27. Гришаев В. Ф. Андрей Родионович Гернгросс (1814–?) // Гришаев В. Ф. Алтайские горные инженеры. — Барнаул: День, 1999. — С. 201–205.
28. Гришаев В. Ф. Гернгросс Андрей Родионович // Барнаул: энциклопедия. — Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2000. — С. 76. (а)
29. Гришаев В. Ф. Гернгросс Андрей Родионович // Исследователи Алтайского края. XVIII — начало XX века: биобиблиогр. словарь. — Барнаул: Алт. полигр. комбинат, 2000. — С. 58–59. (b)
30. Гришаев В. Ф. Достоевский на Алтае // Барнаул. История культуры. — Барнаул: РИА Алтапресс, 2000. — С. 9–14. (с)
31. Гришаев В. Ф. «Именно в Барнаул...»: Ф. М. Достоевский на Алтае // Гришаев В. Ф. Избранное / вступ. ст. М. Юдалевича. — Барнаул: Алт. полигр. комбинат, 2001. — С. 220–239 (Библиотека «Писатели Алтая»; т. 10).
32. Громыко М. М. Сибирские знакомые и друзья Ф. М. Достоевского, 1850–1854 гг. / отв. ред. Н. Н. Покровский; АН СССР, Сиб. отд-е. — Новосибирск: Наука, 1985. — 168 с.
33. Достоевская А. Г. Воспоминания / вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова и В. А. Туниманова. — М.: Худож. лит., 1987. — 518 с.
34. Дьяков В. А. Каторжные годы Ф. М. Достоевского (По новым источникам) // Политическая ссылка в Сибири XIX — начала XX вв.: историография и источники. — Новосибирск: Наука, 1987. — С. 196–220.
35. Жунусова М. К. Исследователь семипалатинского периода жизни Ф. М. Достоевского Б. Г. Герасимов // Достоевский и современность: материалы Достоевских чтений / Семипалатинский обл. комитет по культ.; Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского. — Семипалатинск, 1991 (на обложке: 1989). — С. 91–94 (2-й тираж).
36. Зазубрин В. Неезженными дорогами: [путешествие на самолете по Сибири] // Сибирские огни. — 1926. — № 3. — С. 182–201.
37. Захаров В. Н. Достоевский в Тобольске // Тобольск и вся Сибирь. 425 лет Тобольску. — Тобольск: Общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2012. — Альманах № 18. — С. 67–85.
38. Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский: очерк творчества. — М.: Индрик, 2013. — 456 с.
39. Захаров В. Н. Кто подарил Достоевскому Евангелие в январе 1850 года? // Неизвестный Достоевский. — 2015. — № 2. — С. 44–53 [Электронный ресурс]. — URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1447754621.pdf (01.06.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2464
40. Калинин М. А. Прототипы начальства в «Записках из Мертвого Дома» Ф. М. Достоевского (по архивным материалам) // Неизвестный Достоевский. — 2020. — № 1. — С. 69–100 [Электронный ресурс]. — URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1587666170.pdf (01.06.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4501

41. Караваева Н. В. Владельческие пометы на изданиях Ф. М. Достоевского (из обособленного фонда Новокузнецкого литературно-мемориального музея писателя) // Творчество Ф. М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации: сб. науч. ст. / науч. ред. Е. Д. Трухан; отв. ред. А. А. Балакай; М-во образования и науки РФ, Новокузнец. ин-т (фил.) Кемеров. гос. ун-та; Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского (Новокузнецк). — Вып. XII. — Новокузнецк: НФИ КемГУ; Красноярск: Sitall, 2020. — С. 62–73.
42. Кибальник С. А. Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского. — СПб.: Петрополис, 2013. — 431 с.
43. Косенко П. П. Иртыш и Нева: двенадцать лет из жизни Федора Достоевского, литератора. — Алма-Ата: Жазушы, 1971. — 262 с.
44. Кузнецова Е. Г. Ф. М. Достоевский и Казань (писатель и культура русской провинции второй половины XIX — начала XX вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Казань, 2008. — 24 с.
45. Кушникова М. М. Кузнецкие дни Федора Достоевского. — Кемерово: Кемер. кн. изд-во, 1990. — 102 с.
46. Кушникова М. М. Черный человек сочинителя Достоевского: загадки и толкования / послесл. Г. Коган. — Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1992. — 141 с.
47. Кушникова М. М. Место в памяти. Вокруг старого Кузнецка. — Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1993. — 248 с.
48. Кушникова М., Тогулев В. Загадки провинции. «Кузнецкая орбита» Федора Достоевского в документах сибирских архивов. — Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1996. — 472 с.
49. Кушникова М., Тогулев В. «Кузнецкий венец» Федора Достоевского в его романах, письмах и библиографических источниках минувшего века: в 2 кн. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. — Кн. 1. — 608 с.
50. Левченко Н. И. Круг знакомых Ф. М. Достоевского в Семипалатинский период жизни (1854–1859 гг.) / Семипалатинск: Обл. лит.-мемор. музей Ф. М. Достоевского, 1991. — 12 с. (а)
51. Левченко Н. И. Круг семипалатинских знакомых Ф. М. Достоевского (1854–1859 гг.) // Достоевский и современность: материалы Достоевских чтений / Семипалатинский обл. комитет по культ.; Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского. — Семипалатинск, 1991 (на обложке: 1989). — С. 70–76 (1-й тираж); с. 77–84 (2-й тираж). (b), (c)
52. Левченко Н. И. Дополнения к кругу знакомых Ф. М. Достоевского // Достоевский и современность: материалы Достоевских чтений. — Сб. 2. — Семипалатинск, 1993 (на обложке: 1992). — С. 59–66.
53. Левченко Н. И. Круг знакомых Ф. М. Достоевского в семипалатинский период жизни // Достоевский. Материалы и исследования. — СПб.: Наука, 1994. — Т. 11. — С. 235–246.
54. Лейфер А. Достоевский и те, кто рядом. Исчезнувшие документы // Уральский следопыт. — 1993. — № 10. — С. 3–4.
55. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского 1821–1881 гг.: в 3 т. / под ред. Н. Ф. Будановой и Г. М. Фридлендера. — СПб.: Академический проект, 1999. — Т. 1: 1821–1864. — 530 с.
56. Макурина Н. А. «Обратная» пародия в творчестве Ф. М. Достоевского: князь К. — полковник Ростанев — князь Мышкин // Филологический класс. — 2017. — № 4 (50). — С. 112–117.

57. Маркин П. Ф. Достоевский в Барнауле (факты и домыслы) // Алтай. — 1985. — № 3. — С. 92–96.
58. Мартянов П. К. Дела и люди века. Отрывки из старой записной книжки, статьи и заметки: в 3 т. — СПб.: Тип. Р. Р. Голике, 1896. — Т. 3. — 304 с.
59. Мельникова И. Ф. К истории создания Семипалатинского музея Ф. М. Достоевского // Достоевский и современность: материалы Достоевских чтений / Семипалатинский обл. комитет по культ.; Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского. — Семипалатинск, 1991 (на обложке: 1989). — С. 70–76 (2-й тираж).
60. Мингазова Е. Р. Публицистические материалы о Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского (Новокузнецк) в 70–90-е гг. XX в. (из коллекции музея) // Творчество Ф. М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации: сб. науч. ст. / науч. ред. Е. Д. Трухан ; отв. ред. А. А. Балакай ; М-во образования и науки РФ, Новокузнец. ин-т (фил.) Кемеров. гос. ун-та ; Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского (Новокузнецк). — Вып. XII. — Новокузнецк: НФИ КемГУ; Красноярск: Sitall, 2020. — С. 220–225.
61. Минович И. Достоевский и современность. Обзор публикаций за 1990–1998 гг. из фондов Новокузнецкого литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского // Творчество Ф. М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации: тезисы IV межрегиональной научно-практической конференции (Новокузнецк, 1999). — Новокузнецк, 2000. — С. 16–21.
62. Минович И. В. Годы детства и юности Марии Констант (по материалам выставки, посвящённой 195-летию первой жены Ф. М. Достоевского) // Творчество Ф. М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации: сб. науч. ст. / науч. ред. Е. Д. Трухан ; отв. ред. А. А. Балакай ; М-во образования и науки РФ, Новокузнец. ин-т (фил.) Кемеров. гос. ун-та ; Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского (Новокузнецк). — Вып. XII. — Новокузнецк: НФИ КемГУ; Красноярск: Sitall, 2020. — С. 40–49.
63. Нестюричева Н. А. Реминисцентное измерение повести Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» // Вестник Удмурдского университета. — 2013. — Вып. 4. — С. 25–32.
64. Никитин М. А. Здесь жил Достоевский. — М.: Современник, 1973. — 206 с.
65. Огородникова Е. Е. Каторга Достоевского в математическом исчислении // Известный Достоевский. — 2020. — № 1. — С. 101–117 [Электронный ресурс]. — URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1587666412.pdf (01.06.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4502
66. Перелыгина Л. Воспоминания о встрече с А. Ф. Достоевским, внуком великого писателя Ф. М. Достоевского // Достоевский и современность: материалы Достоевских чтений. — Сб. 2. — Семипалатинск, 1993 (на обложке: 1992). — С. 75–78.
67. Пилипенко В. С. Николай Вергунов глазами психолога // Творчество Ф. М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации: тезисы IV межрегиональной научно-практической конференции (Новокузнецк, 1999). — Новокузнецк, 2000. — С. 21–23.
68. Подрябинкина А. Г. Что рассказал Юзеф Богуславский о Сергее Дурове и Федоре Достоевском в «Сибирском дневнике»? // Известный Достоевский. — 2020. — № 1. — С. 51–68 [Электронный ресурс]. — URL: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1587678576.pdf (01.06.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4421
69. Сакулин П. Н. Второе начало // Достоевский Ф. М. Письма: в 4 т. / под ред. А. С. Долинина. — М.; Л.: Госиздат, 1930. — Т. 2. — С. 523–545.

70. Сафронова Е. Ю. Ф. М. Достоевский: «Желаю в Барнаул», «именно в Барнаул»: к 160-летию первого визита писателя // Сибирский филологический журнал. — 2015. — № 4. — С. 76–85.
71. Сафронова Е. Ю. Архивные разыскания о барнаульском докторе Ф. М. Достоевского // Культура и текст. — 2017. — № 3 (30). — С. 125–138.
72. Сафронова Е. Ю. К вопросу о городе Мордасове: А. Н. Гернгросс и Ф. М. Достоевский (архивные разыскания) // Культура и текст. — 2018. — № 1 (32). — С. 118–143. (a)
73. Сафронова Е. Ю. Комическая повесть «Дядюшкин сон»: барнаульские впечатления Ф. М. Достоевского // Филология и человек. — 2018. — № 3. — С. 137–156. (b)
74. Сафронова Е. Ю. Genius loci в поэтике романа Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» // Проблемы исторической поэтики. — 2018. — Т. 16. — № 3. — С. 65–84 [Электронный ресурс]. — URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1538747056.pdf (01.06.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2018.5441 (c)
75. Сафронова Е. Ю. «Дядюшкин сон»: проблема жанра произведения Ф. М. Достоевского // Филология и человек. — 2019. — № 3. — С. 82–100. (a)
76. Сафронова Е. Ю. Образ Германии в сибирских произведениях Ф. М. Достоевского // Имагология и компаративистика. — 2019. — № 12. — С. 113–141. (b)
77. Сафронова Е. Ю. Сибирский текст Ф. М. Достоевского. — Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2020. — 446 с.
78. Семькина Р. С.-И. Проза Ф. М. Достоевского 1850-х годов: «Дядюшкин сон», «Село Степанчиково и его обитатели» (комическое: мир и характеры): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Екатеринбург, 1992. — 17 с.
79. Семькина Р. С.-И. Поэтика хронотопа в повести «Село Степанчиково и его обитатели» // Культура и текст. — 1997. — № 2. — С. 14–18.
80. Скуридина С. А. Антропонимикон повести Ф. М. Достоевского «Дядюшкин сон» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — 2019. — № 5 (182). — С. 76–81.
81. Соловьева И. А. Выставка «Православие в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского» из фондов Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского, г. Семей // Творчество Ф. М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации: сб. науч. ст. / науч. ред. Е. Д. Трухан ; отв. ред. А. А. Балакай ; М-во образования и науки РФ, Новокузнец. ин-т (фил.) Кемеров. гос. ун-та ; Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского (Новокузнецк). — Вып. XII. — Новокузнецк: НФИ КемГУ; Красноярск: Sitall, 2020. — С. 248–254.
82. Сорокин А. Е. Освещение кузнецкого периода Ф. М. Достоевского в работах достоевистов // Творчество Ф. М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации: сб. науч. ст. / науч. ред. Е. Д. Трухан ; отв. ред. А. А. Балакай ; М-во образования и науки РФ, Новокузнец. ин-т (фил.) Кемеров. гос. ун-та ; Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского (Новокузнецк). — Вып. XII. — Новокузнецк: НФИ КемГУ; Красноярск: Sitall, 2020. — С. 31–39.
83. Токаржевский Ш. Ф. М. Достоевский в Омской каторге. (Воспоминания каторжанина) / пер. с польск. В. Б. Арндта // Звенья. — М.; Л.: Academia, 1936. — Т. VI. — С. 495–512.
84. Токаржевский Ш. Сибирское лихолетье / пер. с польск. М. Кушниковой; предисл., составл., коммент., биограф. хроника, указатели М. Кушниковой и В. Тогулева. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 2007. — 980 с.
85. Трухан Е. Д. Кузнецкий почтмейстер, которого Достоевский выбрал «формалистом» // Известный Достоевский. — 2018. — № 2. — С. 29–44 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1532092094.pdf (01.06.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3581

86. Трухан Е. Д. Своеобразие статьи В. Ф. Булгакова «Несколько слов по поводу картины г. Вучичевича “Домик Достоевского в Кузнецке”» (1905) // Творчество Ф. М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации: сб. науч. ст. / науч. ред. Е. Д. Трухан ; отв. ред. А. А. Балакай ; М-во образования и науки РФ, Новокузнец. ин-т (фил.) Кемеров. гос. ун-та ; Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского (Новокузнецк). — Вып. XII. — Новокузнецк: НФИ КемГУ; Красноярск: Sitall, 2020. — С. 50–61.
87. Туниманов В. А. Творчество Достоевского 1854–1862 гг. — Л.: Наука, 1980. — 298 с.
88. Фазиулина И. В. Сон и сновидение в раннем творчестве Ф. М. Достоевского: поэтика и онтология: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. — Ижевск, 2005. — 28 с.
89. Феоктистов Н. В. Пропащие письма Федора Михайловича Достоевского // Сибирские огни. — 1928. — № 2. — С. 119–125.
90. Цибизова Е. Б. Из опыта работы с постоянной детской аудиторией Новокузнецкого литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского // Творчество Ф. М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации: тезисы IV межрегиональной научно-практической конференции (Новокузнецк, 1999). — Новокузнецк, 2000. — С. 13–16.
91. Червяков И. Достоевский в Кузнецке: новые факты // Кузнецкий рабочий. — 2015. — 2 апреля. — С. 3.
92. Червяков И. В. Арест Ф. М. Достоевского в Кузнецке: вымысел или реальность? // Кузнецкая старина. Новокузнецк: 400 лет в истории России. — Томск; Новокузнецк: Изд-во Томского ун-та, 2018. — С. 282–286.
93. Шадрина А. С. Двадцать два дня из жизни Ф. М. Достоевского. — Новокузнецк: Кузнецкая крепость, 1995. — 154 с.
94. Шадрина А. С. Двадцать два дня из жизни Достоевского (город Кузнецк, 1856–1857). — Новокузнецк, 2016. — 232 с.
95. Якушин Н. И. Сибирский период творчества Достоевского // Огни Кузбасса. — Кемерово. — 1959. — № 12. — С. 98–99.
96. Якушин Н. И. Достоевский в Сибири: очерк жизни и творчества. — Кемерово: Кемер. кн. изд-во, 1960. — 210 с.
97. Blake Elizabeth A. Travels from Dostoevsky's Siberia. Encounters with Polish Literary Exiles. — Boston: Academic Studies Press, 2019. — 226 p.
98. Tokarzewski S. Siedem lat katorgi. — Warszawa: L. Biliński i W. Maślankiewicz, 1907. — 225 s.
99. Tokarzewski S. Katorżnicy. Obrazki syberyjskie. — Warszawa; Krakow, 1912. — 213 s. [Электронный ресурс]. — URL: <https://rcin.org.pl/dlibra/show-content/publication/edition/23840?id=23840&from=FBC> (01.06.2020).
100. Wspomnienia Sybiraka // Nowa reforma. — Krakow, 1896. — №№ 249–294.

Elena Yu. Safronova*Altai State University
(Barnaul, Russian Federation)*

esafr@mail.ru

F. M. Dostoevsky's Siberian Text: Problems and Perspectives

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR, project number 19-112-50333.

Abstract. The review article is devoted to the analysis of studies of the Siberian period of F. M. Dostoevsky's life and work. The main trends in the study of the author's Siberian text are described. The entire variety of sources may be subdivided into four groups: memoirs and epistolary testimonies; journalism, biographical novels, essays, novellas, etc.; biographical studies; interpretations of Siberian works. One of the main issues is the problem of their reliability. Close to the memoir fraud remain biographical novels, biographical chronicles, documentary novels are close to being memoir falsifications, and so they often contain factual errors or free interpretation of events. They sometimes include home-grown myths about Dostoevsky's stay in Siberia, that were created by local residents. Some of these myths have already been exposed by the scientific approach. The article analyzes the biographical research of V. N. Zakharov, M. M. Gromyko, N. I. Levchenko, V. S. Vainerman, A. S. Shadrina, E. D. Trukhan, V. F. Grishaev and others. These studies are peculiar in that they are usually localized and represent research not into the Siberian text as a whole, but into its constituent parts: those related to Omsk, Kuznetsk, Tobolsk, Barnaul or Semipalatinsk. The article describes both fairly well-known and new biographical materials that have been published recently and significantly enriched the understanding of the Siberian period of the writer's biography and work, and provides an overview of interpretations of Dostoevsky's Siberian works. The paper identifies problems and outlines the perspectives of studying the Siberian text, and determines the archival collections where new documents about Dostoevsky and his environment can be discovered.

Keywords: Dostoevsky, biography, creativity, research trends, poetics, interpretation, M. D. Isaeva, N. B. Vergunov, Siberia, Omsk, Kuznetsk, Semipalatinsk, Tobolsk, Barnaul

About the author: *Safronova Elena Yu.* — PhD in Philology, Associate Professor of the Department of General and Applied Philology, Altai State University (pr. Lenina 61, Barnaul, 656049, Russian Federation)

Received: June 30, 2020

Date of publication: September 30, 2020

For citation: Safronova E. Yu. F. M. Dostoevsky's Siberian Text: Problems and Perspectives. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [*The Unknown Dostoevsky*], 2020, no. 3, pp. 54–96. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4922 (In Russ.)

References

1. Abashev V. V. *Perm' kak tekst. Perm' v russkoy kul'ture i literature XX veka* [*Perm as Text. Perm in Russian Culture and Literature of the 20th Century*]. Perm, Perm University Publ., 2000. 404 p. (In Russ.)
2. Adrens N. N. *Ssyl'nyy № 33: roman o F. M. Dostoevskom: v 3 chastyakh* [*Exile No. 33: A Novel About F. M. Dostoevsky: in 3 Parts*]. Moscow, Sovetskiy pisatel' Publ., 1967. 544 p. (In Russ.)
3. Arkhipova A. V. Semipalatinsk Plans of Dostoevsky (At the Origins of "The Humiliated and Insulted"). In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [*Dostoevsky. Materials and Researches*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1996, vol. 13, pp. 50–64. (In Russ.)

4. Ashcheulova T. S. Review of the Latest Investigations of the Novokuznetsk Museum of F. M. Dostoevsky. History of Some Finds and Their Attribution. In: *Tvorchestvo F. M. Dostoevskogo: problemy, zhanry, interpretatsii: tezisy IV mezhhregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (Novokuznetsk, 1999) [*The Works of F. M. Dostoevsky: Problems, Genres, Interpretation: Theses of the 4th Interregional Scientific-Practical Conference* (Novokuznetsk, 1999)]. Novokuznetsk, 2000, pp. 7–13. (In Russ.)
5. Belov S. V. *Menya spasla katorga: povest' o Dostoevskom i petrashevtsakh* [I Was Saved by Hard Labor: The Story of Dostoevsky and Petrashevites]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2000. 147 p. (In Russ.)
6. Bulgakov V. F. F. M. Dostoevsky in Kuznetsk. In: *XXIII Illyustrirovannoe prilozhenie k gazete «Sibirskaya zhizn'»* [23rd Illustrated Supplement to the Newspaper “Siberian Life”]. Tomsk, 1904, no. 221, 10 October, p. 1. (In Russ.)
7. Vaynerman V. S. *Dostoevskiy i Omsk* [Dostoevsky and Omsk]. Omsk, Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1991. 125 p. (In Russ.)
8. Vaynerman V. S. «Poruchayu sebya Vashey dobroy pamyati...»: F. M. Dostoevskiy i Sibir' [“I Entrust Myself to Your Good Memory...”: F. M. Dostoevsky and Siberia]. Omsk, Nauka Publ., 2015. 390 p. (In Russ.)
9. Volgin I. L. Omsk Context. New Realities and Findings. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2020, no. 1, pp. 42–50. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1587653536.pdf (accessed on June 1, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4521 (In Russ.)
10. Vyatkin G. Dostoevsky in Omsk Hard Labor. On the Occasion of the 75th Anniversary of F. M. Dostoevsky's Exile to Siberia. In: *Sibirskie ogni*, 1925, no. 1, pp. 177–180. (In Russ.)
11. Gabdullina V. I. Semipalatinsk Prototypes of Dostoevsky's Heroes. In: *Literatura i fol'klor Kazakhstana* [Literature and Folklore of Kazakhstan]. Karaganda, 1983, pp. 66–76. (In Russ.)
12. Gabdullina V. I. Parody Doubles in the Character System of the Story “The Village of Stepanchikovo and Its Inhabitants”. In: *Filologicheskii analiz teksta* [Philological Analysis of the Text]. Barnaul, 1998, issue 2, pp. 40–47. (In Russ.)
13. Gabdullina V. I. Carnival in “The Village of Stepanchikovo and Its Inhabitants” (to the Question of Dostoevsky's Jesters). In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: khudozhestvennoe nasledie i dukhovnost': materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Dostoevsky and World Culture: Artistic Heritage and Spirituality: Materials of the International Scientific and Practical Conference]. Semipalatinsk, 2004, pp. 68–76. (In Russ.)
14. Gabdullina V. I. The Motif of Death — Resurrection in the Text of F. M. Dostoevsky. In: *Syuzhetologiya i syuzhetografiya* [Studies in Theory of Literary Plot and Narratology], 2015, no. 2, pp. 101–108. (In Russ.)
15. Gabdullina V. I. The “Siberian Text” of Dostoevsky: The Image of the Province. In: *Kul'tura i tekst* [Culture and Text], 2016, no. 3, pp. 93–106. (In Russ.)
16. Gerasimov B. G. New Data on Dostoevsky's Life in Semipalatinsk. In: *Russkaya rech'*, Novonikolaevsk, 1919, no. 38, 22 February. (In Russ.)
17. Gerasimov B. G. F. M. Dostoevsky in Semipalatinsk. In: *Sibirskie ogni*, 1924, no. 4, pp. 140–150. (In Russ.)
18. Gerasimov B. G. F. M. Dostoevsky in Semipalatinsk (Article Two). In: *Sibirskie ogni*, 1926, no. 3, pp. 124–144. (In Russ.)
19. Gerasimov B. G. Where Did F. M. Dostoevsky Serve Hard Labor and Exile? In: *Sibirskie ogni*, 1927, no. 4, July — August, pp. 174–177. (In Russ.)

20. Gerasimov B. G. New Data on Dostoevsky's Life in Semipalatinsk. In: *F. M. Dostoevskiy v zabytykh i neizvestnykh vospominaniyakh sovremennikov* [F. M. Dostoevsky in the Forgotten and Unknown Memoirs of His Contemporaries]. St. Petersburg, Andreev i synov'ya Publ., 1993, pp. 114–116. (In Russ.)
21. Grishaev V. F. Dostoevsky in Altai. In: *Altayskaya pravda*, 1981, 20 December. (In Russ.)
22. Grishaev V. F. To Dostoevsky's Stay in Altai. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. Leningrad, 1985, vol. 6, pp. 192–200. (In Russ.)
23. Grishaev V. F. "Precisely in Barnaul..." (F. M. Dostoevsky in Altai). In: *Tropoyu pamyati: zapiski kraevedy* [On the Path of Memory: Notes of a Local Historian]. Barnaul, Altayskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1987, pp. 5–22. (In Russ.)
24. Grishaev V. F. "Siberian Dawn". In: *Altayskiy sbornik* [Altai Collection]. Barnaul, 1992, issue 15, pp. 35–41. (In Russ.) (a)
25. Grishaev V. F. "Theater House" in Barnaul. In: *Altayskiy sbornik* [Altai Collection]. Barnaul, 1992, issue 15, pp. 29–34. (In Russ.) (b)
26. Grishaev V. F. Gerngross Andrey Rodionovich. In: *Entsiklopediya Altayskogo kraya: v 2 tomakh* [Encyclopedia of the Altai Region: in 2 Vols]. Barnaul, Piket Publ., 1997, vol. 2, p. 102. (In Russ.)
27. Grishaev V. F. Andrey Rodionovich Gerngross (1814–?). In: *Grishaev V. F. Altayskie gornyye inzheneriy* [Grishaev V. F. Altai Mining Engineers]. Barnaul, Den' Publ., 1999, pp. 201–205. (In Russ.)
28. Grishaev V. F. Gerngross Andrey Rodionovich. In: *Barnaul: entsiklopediya* [Barnaul: An Encyclopedia]. Barnaul, Altai State University Publ., 2000, p. 76. (In Russ.) (a)
29. Grishaev V. F. Gerngross Andrey Rodionovich. In: *Issledovateli Altayskogo kraya. XVIII — nachalo XX veka: biobibliograficheskiy slovar'* [Researchers of the Altai Region. The 18th — Early of the 20th Century: A Biobibliographic Dictionary]. Barnaul, Altayskiy poligraficheskiy kombinat Publ., 2000, pp. 58–59. (In Russ.) (b)
30. Grishaev V. F. Dostoevsky in Altai. In: *Barnaul. Istoriya kul'tury* [Barnaul. History of the Culture]. Barnaul, RIA Altapress Publ., 2000, pp. 9–14. (In Russ.) (c)
31. Grishaev V. F. "Precisely in Barnaul...": F. M. Dostoevsky in Altai. In: *Grishaev V. F. Izbrannoe* [Grishaev V. F. Selected Works]. Barnaul, Altayskiy poligraficheskiy kombinat Publ., 2001, pp. 220–239. (Ser. "The Library Writers of Altai"; vol. 10). (In Russ.)
32. Gromyko M. M. *Sibirskie znakomye i druz'ya F. M. Dostoevskogo, 1850–1854 gg.* [Siberian Acquaintances and Friends of F. M. Dostoevsky, 1850–1854]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1985. 168 p. (In Russ.)
33. Dostoevskaya A. G. *Vospominaniya* [Memories]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1987. 518 p. (In Russ.)
34. D'yakov V. A. The Years of the Penal Servitude of F. M. Dostoevsky (Based on New Sources). In: *Politicheskaya ssylka v Sibiri XIX — nachala XX vv.: istoriografiya i istochniki* [Political Exile in Siberia of the 19th — Early 20th Centuries: Historiography and Sources]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1987, pp. 196–220. (In Russ.)
35. Zhunusova M. K. B. G. Gerasimov, Researcher of the Semipalatinsk Period of the Life of F. M. Dostoevsky. In: *Dostoevskiy i sovremennost': materialy Dostoevskikh chteniy* [Dostoevsky and Modern Age: Materials of Dostoevsky Readings]. Semipalatinsk, 1991, pp. 91–94. (In Russ.)
36. Zazubrin V. Unused Roads: Travel by Plane in Siberia. In: *Sibirskie ogni*, 1926, no. 3, pp. 182–201. (In Russ.)
37. Zakharov V. N. Dostoevsky in Tobolsk. In: *Tobol'sk i vsya Sibir'. 425 let Tobol'sku* [Tobolsk and All of Siberia. 425 Years of Tobolsk]. Tobolsk, Obshchestvennyy blagotvoritel'nyy fond "Vozrozhdenie Tobol'ska" Publ., 2012, almanac no. 18, pp. 67–85. (In Russ.)

38. Zakharov V. N. *Imya avtora — Dostoevskiy: ocherk tvorchestva* [The Author's Name Is Dostoevsky: An Essay on Creative Works]. Moscow, Indrik Publ., 2013. 456 p. (In Russ.)
39. Zakharov V. N. Who Presented the Gospel to Dostoevsky in January 1850? In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2015, no. 2, pp. 44–53. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1447754621.pdf (accessed on June 1, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2015.2464 (In Russ.)
40. Kalinin M. A. Prototypes of Official Authority Figures in F. M. Dostoevsky's "The House of the Dead" (Based on Archival Materials). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2020, no. 1, pp. 69–100. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1587666170.pdf (accessed on June 1, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4501 (In Russ.)
41. Karavaeva N. V. Owner's Marks on the Editions of F. M. Dostoevsky (From the Separate Collection of the Novokuznetsk Literary and Memorial Museum of the Writer). In: *Tvorchestvo F. M. Dostoevskogo: problemy, zhanry, interpretatsii* [The Works of F. M. Dostoevsky: Problems, Genres, Interpretations]. Novokuznetsk, Novokuznetsk Branch of KemSU Publ., Krasnoyarsk, Sitall Publ., 2020, pp. 62–73. (In Russ.)
42. Kibal'nik S. A. *Problemy intertekstual'noy poetiki Dostoevskogo* [Problems of the Intertextual Poetics of Dostoevsky]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2013. 431 p. (In Russ.)
43. Kosenko P. P. *Irtys' i Neva: dvenadtsat' let iz zhizni Fedora Dostoevskogo, literatora* [Irtys' and Neva: Twelve Years From the Life of Fedor Dostoevsky, a Writer]. Alma-Ata, Zhazushy Publ., 1971. 262 p. (In Russ.)
44. Kuznetsova E. G. *F. M. Dostoevskiy i Kazan' (pisatel' i kul'tura russkoy provintsii vtoroy poloviny XIX — nachala XX vv.): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [F. M. Dostoevsky and Kazan (Writer and Culture of the Russian Province of the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries). PhD. philol. sci. diss. abstract]. Kazan, 2008. 24 p. (In Russ.)
45. Kushnikova M. M. *Kuznetskie dni Fedora Dostoevskogo* [Kuznetsk Days of Fedor Dostoevsky]. Kemerovo, Kemerovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1990. 102 p. (In Russ.)
46. Kushnikova M. M. *Chernyy chelovek sochinitelya Dostoevskogo: zagadki i tolkovaniya* [The Black Man of the Writer Dostoevsky: Riddles and Interpretations]. Novokuznetsk, Kuznetskaya krepost' Publ., 1992. 141 p. (In Russ.)
47. Kushnikova M. M. *Mesto v pamyati. Vokrug starogo Kuznetska* [Memory Location. Around the Old Kuznetsk]. Novokuznetsk, Kuznetskaya krepost' Publ., 1993. 248 p. (In Russ.)
48. Kushnikova M., Togulev V. *Zagadki provintsii. «Kuznetskaya orbita» Fedora Dostoevskogo v dokumentakh sibirskikh arkhivov* [Province Riddles. "Kuznetsk Orbit" of Fedor Dostoevsky in the Documents of Siberian Archives]. Novokuznetsk, Kuznetskaya krepost' Publ., 1996. 472 p. (In Russ.)
49. Kushnikova M., Togulev V. *«Kuznetskiy venets» Fedora Dostoevskogo v ego romanakh, pis'makh i bibliograficheskikh istochnikakh minuvshogo veka: v 2 knigakh* [Fedor Dostoevsky's "Kuznetsk Crown" in His Novels, Letters and Bibliographic Sources of the Past Century: in 2 Books]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2005, book 1. 608 p. (In Russ.)
50. Levchenko N. I. *Krug znakomykh F. M. Dostoevskogo v Semipalatinskiy period zhizni (1854–1859 godov)* [The Circle of Semipalatinsk Acquaintances of F. M. Dostoevsky (1854–1859)]. Semipalatinsk, 1991. 12 p. (In Russ.) (a)
51. Levchenko N. I. The Circle of Semipalatinsk Acquaintances of F. M. Dostoevsky (1854–1859). In: *Dostoevskiy i sovremennost': materialy Dostoevskikh chteniy* [Dostoevsky and Modern Age: Proceedings of Dostoevsky Readings]. Semipalatinsk, 1991, pp. 70–76 (the second edition), 77–84 (the first edition) (In Russ.) (b), (c)

52. Levchenko N. I. Additions to F. M. Dostoevsky's Circle of Acquaintances. In: *Dostoevskiy i sovremennost': materialy Dostoevskikh chteniy* [Dostoevsky and Modern Age: Materials of Dostoevsky Readings]. Semipalatinsk, 1993, collection 2, pp. 59–66. (In Russ.)
53. Levchenko N. I. The Circle of Friends of F. M. Dostoevsky in the Semipalatinsk Period of Life. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994, vol. 11, pp. 235–246. (In Russ.)
54. Leyfer A. Dostoevsky and Those Who Are Near. Disappeared Documents. In: *Ural'skiy sledopyt*, 1993, no. 10, pp. 3–4. (In Russ.)
55. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo: 1821–1881 gg.: v 3 tomakh* [The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works: 1821–1881: in 3 Vols]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1999, vol. 1: 1821–1864. 530 p. (In Russ.)
56. Makurina N. A. "A Reverse" Parody in the Works of F. M. Dostoevsky: Prince K. — Colonel Rostanev — Prince Myshkin. In: *Filologicheskii klass* [The Philological Class], 2017, no. 4 (50), pp. 112–117. (In Russ.)
57. Markin P. F. Dostoevsky in Barnaul (Facts and Hypotheses). In: *Altay*, 1985, no. 3, pp. 92–96. (In Russ.)
58. Mart'yanov P. K. *Dela i lyudi veka. Otryvki iz staroy zapisnoy knizhki, stat'i i zametki: v 3 tomakh* [Cases and People of the Century: Excerpts From the Old Notebook, Articles and Notes: in 3 Vols]. St. Petersburg, Tipografiya R. R. Golike Publ., 1896, vol. 3. 304 p. (In Russ.)
59. Mel'nikova I. F. To the History of the Creation of the Semipalatinsk Museum of F. M. Dostoevsky. In: *Dostoevskiy i sovremennost': materialy Dostoevskikh chteniy* [Dostoevsky and Modern Age: Materials of Dostoevsky Readings]. Semipalatinsk, 1991, pp. 70–76. (In Russ.)
60. Mingazova E. R. Publicistic Materials About the Literary-Memorial Museum of F. M. Dostoevsky (Novokuznetsk) in the 70–90s. 20th Century (From the Collection of the Museum). In: *Tvorchestvo F. M. Dostoevskogo: problemy, zhanry, interpretatsii* [The Works of F. M. Dostoevsky: Problems, Genres, Interpretation]. Novokuznetsk, Novokuznetsk Branch of KemSU Publ., Krasnoyarsk, Sitall Publ., 2020, pp. 220–225. (In Russ.)
61. Mirovich I. Dostoevsky and Modern Age. Review of Publications for 1990–1998 From the Funds of the Novokuznetsk Literary and Memorial Museum of F. M. Dostoevsky. In: *Tvorchestvo F. M. Dostoevskogo: problemy, zhanry, interpretatsii: tezisy IV mezhrregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (Novokuznetsk, 1999) [The Works of F. M. Dostoevsky: Problems, Genres, Interpretation: Theses of the 4th Interregional Scientific-Practical Conference (Novokuznetsk, 1999)]. Novokuznetsk, 2000, pp. 16–21. (In Russ.)
62. Mirovich I. V. The Years of Childhood and Adolescence of Maria Constant (Based on the Materials of the Exhibition Dedicated to the 195th Anniversary of F. M. Dostoevsky's First Wife). In: *Tvorchestvo F. M. Dostoevskogo: problemy, zhanry, interpretatsii* [The Works of F. M. Dostoevsky: Problems, Genres, Interpretation]. Novokuznetsk, Novokuznetsk Branch of KemSU Publ., Krasnoyarsk, Sitall Publ., 2020, pp. 40–49. (In Russ.)
63. Nestyuricheva N. A. Reminiscence Dimension of Dostoevsky's Novel "The Village of Stepanchikovo and Its Inhabitants". In: *Vestnik Udmurtskogo universiteta* [Bulletin of Udmurt University], 2013, issue 4, pp. 25–32. (In Russ.)
64. Nikitin M. A. *Zdes' zhil Dostoevskiy* [Dostoevsky Lived Here]. Moscow, Sovremennik Publ. 206 p. (In Russ.)
65. Ogorodnikova E. E. Dostoevsky's Penal Servitude Facility in Numbers. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2020, no. 1, pp. 101–117. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1587666412.pdf (accessed on June 1, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4502 (In Russ.)

66. Perelygina L. Memories of the Meeting With A. F. Dostoevsky, the Grandson of the Great Writer F. M. Dostoevsky. In: *Dostoevskiy i sovremennost': materialy Dostoevskikh chteniy: sbornik 2* [Dostoevsky and Modern Age: Proceedings of Dostoevsky Readings]. Semipalatinsk, 1992, collection 2, pp. 75–78. (In Russ.)
67. Pilipenko V. S. Nikolay Vergunov Through the Eyes of a Psychologist. In: *Tvorchestvo F. M. Dostoevskogo: problemy, zhanry, interpretatsii: tezisy IV mezhregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (Novokuznetsk, 1999) [The Works of F. M. Dostoevsky: Problems, Genres, Interpretation: Theses of the 4th Interregional Scientific-Practical Conference (Novokuznetsk, 1999)]. Novokuznetsk, 2000, pp. 21–23. (In Russ.)
68. Podryabinkina A. G. What Did Jozef Boguslavsky Say About Sergei Durov and Fedor Dostoevsky in Siberian Diary? In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2020, no. 1, pp. 51–68. Available at: https://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1587678576.pdf (accessed on June 1, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4421 (In Russ.)
69. Sakulin P. N. The Second Beginning. In: *Dostoevskiy F. M. Pis'ma: v 4 tomakh* [Dostoevsky F. M. Letters: in 4 Vols]. Moscow, Leningrad, Gosizdat Publ., vol. 2, pp. 523–545. (In Russ.)
70. Safronova E. Yu. F. M. Dostoevsky: “I Wish to Go to Barnaul”, “Precisely to Barnaul”: in Commemoration of the 160th Anniversary of the Writer's First Visit. In: *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal* [Siberian Journal of Philology], 2015, no. 4, pp. 76–85. (In Russ.)
71. Safronova E. Yu. Archival Researches on the Barnaul Doctor of F. M. Dostoevsky. In: *Kul'tura i tekst* [Culture and Text], 2017, no. 3 (30), pp. 125–138. (In Russ.)
72. Safronova E. Yu. To the Problem of the City of Mordasov: A. N. Gerngross and F. M. Dostoevsky (Archival Search). In: *Kul'tura i tekst* [Culture and Text], 2018, no. 1 (32), pp. 118–143. (In Russ.) (a)
73. Safronova E. Yu. Comic Story “Uncle's Dream”: Impressions of Barnaul on F. M. Dostoevsky. In: *Filologiya i chelovek* [Philology and Human], 2018, no. 3, pp. 137–156. (In Russ.) (b)
74. Safronova E. Yu. Genius Loci in the Poetics of the Novel “The Village of Stepanchikovo and Its Inhabitants” by F. M. Dostoevsky. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2018, vol. 16, no. 3, pp. 65–84. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1538747056.pdf (accessed on June 1, 2020). DOI: 10.15393/j9.art.2018.5441 (In Russ.) (c)
75. Safronova E. Yu. “Uncle's Dream”: on the Problem of Genre Definition of the Work by F. Dostoevsky. In: *Filologiya i chelovek* [Philology and Human], 2019, no. 3, pp. 82–100. (In Russ.) (a)
76. Safronova E. Yu. The Germany's Image in F. M. Dostoevsky's Siberian Works. In: *Imagologiya i komparativistika* [The Imagology and Comparative Studies], 2019, no. 12, pp. 113–141. (In Russ.) (b)
77. Safronova E. Yu. *Sibirskiy tekst F. M. Dostoevskogo* [The Siberian Text by F. M. Dostoevsky]. Barnaul, Altai State University Publ., 2020. 446 p. (In Russ.)
78. Semykina R. S.-I. *Proza F. M. Dostoevskogo 1850-kh godov: «Dyadyushkin son», «Selo Stepanchikovo i ego obitateli»: (komicheskoe: mir i kharaktery): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Prose of F. M. Dostoevsky of the 1850s: “Uncle's Dream”, “The Village of Stepanchikovo and Its Inhabitants”: (The Comic: The World and Characters). PhD. philol. sci. diss. abstract]. Yekaterinburg, 1992. 17 p. (In Russ.)
79. Semykina R. S.-I. The Poetics of the Chronotope in the Story “The Village of Stepanchikovo and Its Inhabitants”. In: *Kul'tura i tekst* [Culture and Text], 1997, no. 2, pp. 14–18. (In Russ.)

80. Skuridina S. A. Anthroponymic System of Fedor Dostoevsky's "Uncle's Dream". In: *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrozavodsk State University], 2019, no. 5 (182), pp. 76–81. (In Russ.)
81. Solov'eva I. A. Exhibition "Orthodoxy in the Life and Work of F. M. Dostoevsky" From the Funds of the Literary-Memorial Museum of F. M. Dostoevsky, Semey Town. In: *Tvorchestvo F. M. Dostoevskogo: problemy, zhanry, interpretatsii* [The Works of F. M. Dostoevsky: Problems, Genres, Interpretations]. Novokuznetsk, Novokuznetsk Branch of KemSU Publ., Krasnoyarsk, Sitall Publ., 2020, pp. 248–254. (In Russ.)
82. Sorokin A. E. Information of the Kuznetsk Period of F. M. Dostoevsky in the Works of the Dostoevists. In: *Tvorchestvo F. M. Dostoevskogo: problemy, zhanry, interpretatsii* [The Works of F. M. Dostoevsky: Problems, Genres, Interpretations]. Novokuznetsk, Novokuznetsk Branch of KemSU Publ., Krasnoyarsk, Sitall Publ., 2020, pp. 31–39. (In Russ.)
83. Tokarzhevskiy Sh. F. M. Dostoevsky in the Omsk Penal Servitude. (Memories of a Convict). In: *Zven'ya*. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1936, vol. 6, pp. 495–512. (In Russ.)
84. Tokarzhevskiy Sh. *Sibirskoe likholet'e* [Siberian Troubled Years]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 2007. 980 p. (In Russ.)
85. Trukhan E. D. Kuznetsky Postmaster Called "Formalist" by F. M. Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2018, no. 2, pp. 29–44. Available at: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1532092094.pdf (accessed on June 1, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2018.3581 (In Russ.)
86. Trukhan E. D. The Originality of V. F. Bulgakov's Article «A Few Words About the Painting by Mr. Vuchichevich "Dostoevsky's House in Kuznetsk"» (1905). In: *Tvorchestvo F. M. Dostoevskogo: problemy, zhanry, interpretatsii* [The Works of F. M. Dostoevsky: Problems, Genres, Interpretations]. Novokuznetsk, Novokuznetsk Branch of KemSU Publ., Krasnoyarsk, Sitall Publ., 2020, pp. 50–61. (In Russ.)
87. Tunimanov V. A. *Tvorchestvo Dostoevskogo 1854–1862 godov* [The Works of Dostoevsky 1854–1862]. Leningrad, Nauka Publ., 1980. 298 p. (In Russ.)
88. Faziulina I. V. *Son i snovidenie v rannem tvorchestve F. M. Dostoevskogo: poetika i ontologiya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [A Sleep and a Dreaming in the Early Works of F. M. Dostoevsky: Poetics and Ontology. PhD. philol. sci. diss. abstract]. Izhevsk, 2005. 28 p. (In Russ.)
89. Feoktistov N. V. The Missing Letters of Fedor Mikhailovich Dostoevsky. In: *Sibirskie ogni*, 1928, no. 2, pp. 119–125. (In Russ.)
90. Tsibizova E. B. From the Experience of Working With the Constant Children's Audience of the Novokuznetsk Literary and Memorial Museum of F. M. Dostoevsky. In: *Tvorchestvo F. M. Dostoevskogo: problemy, zhanry, interpretatsii: tezisy IV mezhregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii* (Novokuznetsk, 1999) [The Works of F. M. Dostoevsky: Problems, Genres, Interpretations: Theses of the 4th Interregional Scientific-Practical Conference (Novokuznetsk, 1999)]. Novokuznetsk, 2000, pp. 13–16. (In Russ.)
91. Chervyakov I. Dostoevsky in Kuznetsk: New Facts. In: *Kuznetskiy rabochiy*, 2 April, 2015, p. 3 (In Russ.)
92. Chervyakov I. V. The Arrest of F. M. Dostoevsky in Kuznetsk: Fiction or Reality? In: *Kuznetskaya starina. Novokuznetsk: 400 let v istorii Rossii* [Kuznetsk Antiquities. Novokuznetsk: 400 Years in the History of Russia]. Tomsk, Novokuznetsk, Tomsk State University Publ., 2018, pp. 282–286. (In Russ.)
93. Shadrina A. S. *Dvadsat' dva dnya iz zhizni F. M. Dostoevskogo* [Twenty-Two Days From the Life of Dostoevsky]. Novokuznetsk, Kuznetskaya krepost' Publ., 1995. 154 p. (In Russ.)

94. Shadrina A. S. *Dvadtsat' dva dnya iz zhizni Dostoevskogo (gorod Kuznetsk, 1856–1857)* [Twenty-Two Days From the Life of Dostoevsky (Kuznetsk, 1856–1857)]. Novokuznetsk, 2016. 232 p. (In Russ.)
95. Yakushin N. I. Dostoevsky's Siberian Period. In: *Ogni Kuzbassa*. Kemerovo, 1959, no. 12, pp. 98–99. (In Russ.)
96. Yakushin N. I. *Dostoevskiy v Sibiri: ocherk zhizni i tvorchestva* [Dostoevsky in Siberia: An Essay of Life and Work]. Kemerovo, Kemerovskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1960. 210 p. (In Russ.)
97. Blake Elizabeth A. *Travels From Dostoevsky's Siberia. Encounters With Polish Literary Exiles*. Boston, Academic Studies Press Publ., 2019. 226 p. (In English)
98. Tokarzewski S. *Siedem lat katorgi* [Seven Years of Hard Labor]. Warszawa, L. Bilinski i W. Maslankiewicz Publ., 1907. 225 p. (In Polish)
99. Tokarzewski S. *Katorżnicy. Obrazki syberyjskie* [Convicts. Siberian Images]. Warszawa, Krakow, 1912. 213 p. Available at: <https://rcin.org.pl/dlibra/show-content/publication/edition/23840?id=23840&from=FBC> (accessed on June 1, 2020). (In Polish)
100. Wspomnienia Sybiraka [Memories a Siberian]. In: *Nowa reforma*, Krakow, 1896, no. 249–294. (In Polish)

DOI: 10.15393/j10.art.2020.4801

УДК 821.161.1+070

П. Е. Фокин

*Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля**(Москва, Российская Федерация)*

pfokin@mail.ru

Четыре портрета без ретуши *

Аннотация. Среди немногочисленной фотографической иконографии Ф. М. Достоевского ряд портретов писателя до сих пор вызывает у исследователей вопросы, связанные со временем и местом их съемки. В первую очередь это относится к группе ранних снимков, диапазон датировки которых по разным источникам располагается между 1857 и 1863 гг. В статье предлагаются новые аргументы в пользу датировки нескольких портретов Достоевского как снятых в 1859 г. Речь идет о фотографиях, на которых Достоевский запечатлен в непривычном для большинства его почитателей образе — без бороды. Две сделаны в Семипалатинске фотографом С. А. Лейбиным, при этом на одной из них Достоевский запечатлен вместе с казахским просветителем Ч. Ч. Валихановым, с которым он подружился в годы ссылки. Еще одна фотография не имеет точной атрибуции. Дать более точную датировку семипалатинских снимков позволяет комплексный анализ изображенных на них деталей, фактов биографии Ч. Ч. Валиханова и писем Ф. М. Достоевского. В статье высказывается гипотеза о съемке еще одного из портретов в Твери, произведенной одновременно со съемкой портрета М. М. Достоевского. К таким выводам также ведет комплексный анализ различных деталей и обстоятельств. На сегодняшний день известны единичные экземпляры фотографии с Ч. Ч. Валихановым и фотографии, снятой предположительно в Твери. Оригинал одиночного портрета, сделанного в Семипалатинске, утрачен. Проведенное исследование позволяет утверждать возможность существования других экземпляров этих фотографий. Предлагаемые выводы сделаны на основе изучения оригиналов фотографий, находящихся в фондах Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Ч. Ч. Валиханов, М. М. Достоевский, фотография, атрибуция, Семипалатинск, Тверь

Об авторе: Фокин Павел Евгеньевич — кандидат филологических наук, зав. отделом «Музей-квартира Ф. М. Достоевского», Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля (Государственный литературный музей) (Трубниковский пер., д. 17, стр. 1, г. Москва, Российская Федерация, 121069)

Дата поступления: 04.05.2020

Дата публикации: 30.09.2020

Для цитирования: Фокин П. Е. Четыре портрета без ретуши // *Неизвестный Достоевский*. — 2020. — № 3. — С. 97–113. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4801

Среди немногочисленной фотографической иконографии Ф. М. Достоевского ряд портретов писателя до сих пор вызывает у исследователей вопросы, связанные со временем и местом их съемки. В первую очередь это относится к группе ранних снимков, диапазон датировки которых по разным источникам располагается между 1857 и 1863 гг. На сегодняшний день существует несколько содержательных работ, специально посвященных этой теме (или косвенно затрагивающих ее) (см., напр.: [Ходжиков], [Ивлев: 16–28], [Стрелкова: 144], [Проскурин]). Среди них следует особо отметить

монографическую работу Б. Н. Тихомирова в альбоме «Образ Достоевского в фотографиях, живописи, графике, скульптуре» [Тихомиров], в которой исследователь с присущей ему академической обстоятельностью и тщательностью собрал ценный материал по истории вопроса и сделал много интересных наблюдений. Некоторые проблемы можно считать на сегодняшний день положительно решенными, но что-то по-прежнему остается на уровне гипотез и версий. Изучение фотографического фонда Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля (ГМИРЛИ), в котором хранятся оригиналы снимков Ф. М. Достоевского, позволяет указать на некоторые новые факты и выдвинуть аргументированные предположения относительно спорных вопросов атрибуции.

Прежде всего обратимся к фотографиям, сделанным в Семипалатинске. Их две. Это первые известные на сегодняшний день фотографические портреты Достоевского, на которых он запечатлен в малознакомом для широкого круга его почитателей образе: в военном мундире и без бороды. На одной Достоевский снят в полный рост, сидящим на стуле, на другой — также сидящим, но вдвоем с Ч. Ч. Валихановым. Установлено, что фотографии сделаны в ателье С. А. Лейбина в Семипалатинске.

Оригинал одиночного портрета до нас не дошел. Он существует только в виде переснимка (Илл. 1), сделанного в первой половине 1880-х гг. (скорее всего в 1884 г.) по просьбе дочери бывшего ротного командира Достоевского А. И. Гейбовича Зинаиды Артемьевны Сытиной, приславшей его вместе со своими воспоминаниями и текстом письма Достоевского к А. И. Гейбовичу от 23 октября 1859 г. в редакцию журнала «Исторический вестник». Как пишет З. А. Сытина: «В 1858 году Федор Михайлович подарил моему отцу свой портрет, и он в продолжение 25 лет свято хранился в нашем семействе...» [Сытина: 373]. Публикация материалов З. А. Сытиной состоялась в 1885 г. в XIX томе журнала. Гравированный портрет Достоевского, сделанный с фотографии, присланной З. А. Сытиной, опубликован в виде полосной иллюстрации на 131 странице. Позже переснимок был передан издателем «Исторического вестника» С. Н. Шубинским Анне Григорьевне Достоевской и попал в коллекцию «Музея памяти Ф. М. Достоевского». На обороте паспарту имеется сопроводительная надпись А. Г. Достоевской: «Фотографія. Копія съ портрета, снятаго въ Семипалатинскѣ въ 1858 г. Пожертвованъ Музею С. Н. Шубинскимъ». В составленном А. Г. Достоевской «Библиографическом указателе сочинений и произведений, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского, собранных в “Музее памяти Ф. М. Достоевского”» предмет зафиксирован под номером 3187 также с примечанием «Пожертвованъ Музею С. Н. Шубинскимъ» [Библиографический указатель...: 250]. В 1931 г. в составе материалов, переданных из Государственного исторического музея, где до 1928 г. располагался «Музей памяти Ф. М. Достоевского», фотография попала в московский «Музей Ф. М. Достоевского» и была учтена под номером 952. После включения «Музея

Ф. М. Достоевского» в состав Государственного литературного музея (ныне — ГМИРЛИ) и объединения фондов предмет получил номер КП 35714/15.

Илл. 1. Ф. М. Достоевский. Семипалатинск. 1859. ГМИРЛИ. КП 35714/15

Fig. 1. F. Dostoevsky. Semipalatinsk. 1859. State Museum of the History of Russian Literature Named After V. I. Dahl

Фотография с Ч. Ч. Валихановым (Илл. 2) — единственный групповой снимок с Ф. М. Достоевским. Впрочем, отпечаток, хранящийся в ГМИРЛИ, представляет собой два фрагмента этой фотографии. На одном — Ф. М. Достоевский (КП 35714/398) (Илл. 3), на другом — Ч. Ч. Валиханов (КП 35716/135) (Илл. 4). Полный снимок находится в собрании Пушкинского Дома. Обе фотографии поступили в ГМИРЛИ из собрания московского «Музея Ф. М. Достоевского», куда, в свою очередь, пришли из «Музея памяти Ф. М. Достоевского», в котором были записаны под номерами 3105 и 3326а. На обороте портрета Достоевского рукой А. Г. Достоевской сделан соответствующий

комментарий: «Фотографія, снятая въ 1857–58 или 1859 въ Семипалатинскѣ. Снятъ на одномъ портретѣ съ своимъ другомъ Валихановымъ. Здѣсь половина портрета». Заметим, что фотография не только разрезана пополам, но и подрезана снизу. На полном снимке Достоевский и Валиханов сняты в полный рост, сидящими на стульях. Фотография из «Музея памяти Ф. М. Достоевского» обрезана по краю сидения. И если размер полного снимка по вертикали 13,4 см, то размер этого фрагмента — 9,2 см. Также подрезана снизу и часть с портретом Валиханова, ее размер — 10,4 см. Поэтому характеристика «половина портрета», как пишет А. Г. Достоевская, относится к содержанию его изображения, а с точки зрения размеров в собрании ГМИРЛИ находится примерно 1/3 от полного снимка и, конечно, две 1/3, если иметь в виду оба фрагмента. Когда и с какой целью была разрезана уникальная фотография, установить, наверное, уже невозможно. Судя по тому, что оба портрета отретушированы, вероятно, они были использованы для репродуцирования в каком-то издании. В состав коллекции ГМИРЛИ фотографии (фотография) попали тем же путем, что и одиночный портрет, — в результате вхождения «Музея Ф. М. Достоевского» и его коллекции в состав Государственного литературного музея.

Илл. 2. Ф. М. Достоевский и Ч. Ч. Валиханов. Фотография С. А. Лейбина. Семипалатинск. 1859. Пересъемка. ГМИРЛИ. КУ 11043

Fig. 2. F. Dostoevsky and Ch. Valikhanov. Photograph by S. A. Leibin. Semipalatinsk. 1859. Reshooting

Илл. 3. Ф. М. Достоевский. Часть парного портрета с Ч. Ч. Валихановым.
Семипалатинск. 1859. ГМИРЛИ. КП 35714/398

Fig. 3. F. Dostoevsky. Part of a Pair Portrait with Ch. Valikhanov.
Semipalatinsk. 1859

Илл. 4. Ч. Ч. Валиханов. Часть парного портрета с Ф. М. Достоевским.
Семипалатинск. 1859. ГМИРЛИ. КП 35716/135

Fig. 4. Ch. Valikhanov. Part of a Pair Portrait with F. Dostoevsky.
Semipalatinsk. 1859

Окончательного решения вопроса, когда сделан снимок, нет. Споры идут вокруг дат 1858 и 1859 г. Есть содержательные аргументы в пользу как одного, так и другого варианта. Вопрос датировки имеет в данном случае особое значение в связи с тем, что речь идет об одном из первых фотографических изображений Достоевского. К 1858 г. отсылает свидетельство З. А. Сытиной, датирующей так не дошедший до нас в оригинале одиночный портрет Достоевского. По костюму и интерьеру можно с определенностью предполагать, что оба снимка сделаны в течение одной фотосессии. Но на каком основании датирует фотографию З. А. Сытина, мы не знаем: по какой-либо пометке (дарственному автографу) или просто по памяти. Можно ли принимать ее датировку как абсолютную?

В пользу 1859 г. говорит внешний вид Валиханова, связанный с рядом обстоятельств его биографии, и предмет, который он держит в своих руках — «кинжалик», предположительно тот самый, который подарил ему на память писатель перед отъездом из Семипалатинска, о чем мы знаем из письма Достоевского А. Е. Врангелю от 31 октября 1859 г.:

«Ягдташ же Ваш и маленький кинжал (как лежащий в чемодане) я почел своею собственностью, так как Вы мне все подарили, и, уезжая, подарил в свою очередь между прочим кинжалик Валиханову. Уж за это простите. Валиханов премилый и презамечательный человек»¹.

Кстати, на фотографии ГМИРЛИ «кинжалик» заретуширован и превратился в изящную трость, совершенно не идущую к шинели, в которую облачен Валиханов. Этот «кинжалик» очень примечателен и убедителен в качестве аргумента датировки события 1859 г., учитывая, какое внимание уделил ему и его судьбе Достоевский.

Б. Н. Тихомиров, впрочем, считает, что «этот аргумент не является абсолютным. Валиханов мог увидеть “кинжалик” и по-юношески увлечься им еще во время встречи в 1858 году (что и нашло отражение на фотографии), а Достоевский, зная об этом увлечении молодого друга, подарить ему “кинжалик” на прощанье, расставаясь весной 1859 года». [Тихомиров: 79–80]. Соглашаясь с тем, что «кинжалик» не является абсолютным аргументом, альтернативную версию событий, предложенную исследователем, все же следует признать несколько искусственной и избыточно романтической. Ведь перед нами не современная любительская фотография, фиксирующая «живую жизнь» здесь и сейчас, а студийная, срежиссированная и композиционно выстроенная. На ней зафиксирован не просто эпизод дружеской встречи, во время которой у одного из участников по случаю в руках оказался понравившийся ему предмет, а продуманный, исполненный если не символики, то, как минимум, значимости сюжет. Очень уж странным и экстравагантным был бы поход в студию с «кинжаликом»,

которым «по-юношески увлекся» Валиханов, но который при этом оставался бы собственностью Достоевского.

К тому же, если принять в качестве даты съемки 1858 г., то тогда фотографию Ч. Ч. Валиханов должен был бы взять с собой в секретную миссию в Кашгар, во время которой жил под чужим именем в конспиративной обстановке. Известно, что у Валиханова был собственный, возможно, даже не один, отпечаток снимка. О нем упоминает Е. И. Капустина в письме Ф. М. Достоевскому от 4 января 1862 г.:

«А как бы много хотелось мне поговорить с вами, хотя бы теперь, вместо вашего портрета, который у меня от Валиханова, где вы вместе с ним, и этот портрет в числе других портретов друзей моих»².

Очень сомнительно, что Валиханов стал бы подвергать себя такому риску.

Все-таки более естественно выглядит ситуация, когда друзья, встретившись вновь, решают вместе сфотографироваться и в качестве символического аксессуара берут с собой в ателье некий знак их дружбы, в данном случае только что (или накануне) подаренный «кинжалик». Кстати, из процитированного выше письма Ф. М. Достоевского А. Е. Врангелю можно допустить, что сам Достоевский обнаружил этот «кинжалик» непосредственно в период подготовки к отъезду, в буквальном смысле слова, собирая чемоданы: «как лежащий в чемодане». И в таком случае 1859 г. становится наиболее вероятной датой.

Еще более убедительна поза и выражение лица Достоевского. Видно, что он уже знает о своей судьбе. Он сидит свободно, нога на ногу, демонстративно, не «по уставу» засунув фуражку под мышку, в правой руке и вовсе сигара (может быть, из тех, что присылал ему старший брат Михаил, который в это время имел табачную фабрику в Петербурге). Перед нами человек свободный и почти уже светский.

Думается, парный портрет с Валихановым и одиночный портрет Достоевского сняты в одну фотосессию. Можно предположить, что она была инициирована Достоевским и связана не только с его встречами с другом, но и предстоящим расставанием с офицерской формой (которую, как известно, Достоевский не взял с собой в новую жизнь и оставил в Семипалатинске), с желанием запечатлеться на память в этом образе.

Нам сегодня известно о трех отпечатках фотографии Достоевского с Валихановым. Два находятся в собраниях Пушкинского Дома и ГМИРЛИ, об одном упоминает Е. И. Капустина. Можно предположить, что и одиночный портрет Достоевского также был отпечатан в нескольких экземплярах. Возможно, они хранятся в каких-нибудь частных коллекциях или, неатрибутированные, затерялись в фондах российских музеев, ведь, как справедливо пишет Б. Н. Тихомиров, «попадись нам этот снимок в ворохе других анонимных фотографий, мы никогда не выделили бы его из ряда

ему подобных и никому в голову бы не пришло, что на нем запечатлен гениальный художник и мыслитель» [Тихомиров: 76].

В собрании ГМИРЛИ есть еще одна фотография Ф. М. Достоевского, датировка которой вызывает сомнение. Речь идет о портрете, который в «Библиографическом указателе...» значится под номером 3110, а в хранении ГМИРЛИ числится под номером КП 35714/3 (Илл. 5). Он датирован 1863 г. и атрибутирован как сделанный в Москве. На этой фотографии Достоевский запечатлен без характерных для его образа бороды и усов. И именно это обстоятельство вызывает сомнения в указанной датировке. Действительно, на известных фотографиях 1861 (М. Б. Тулинова), 1862 (Э. Бондоно), 1863 г. (А. О. Баумана) Достоевский в привычном для нас образе. То есть в течение нескольких лет подряд он носил бороду, а на фотографии того времени запечатлен без нее? Очевидно, что нет. И публикаторы фотографии (Л. П. Гроссман, В. С. Нечаева, Г. М. Фридлендер) в разных изданиях, начиная с 1935 г., относят ее к более раннему периоду [Тихомиров: 91]. В 18 томе академического собрания сочинений она датирована концом 1850-х гг.

Илл. 5. Ф. М. Достоевский. Тверь (?). 1859 (?). ГМИРЛИ. КП 35714/3

Fig. 5. F. Dostoevsky. Tver (?). 1859 (?).

На каком сновании установлена дата 1863 г.? С одной стороны, на основании «Библиографического указателя...», с другой — исходя из пометы на обороте задника рамы, в которую была заключена фотография. На нем сопроводительная надпись сделана рукой неустановленного лица, тогда как номер «Музея памяти Ф. М. Достоевского» проставлен А. Г. Достоевской. Очевидно, фотография попала к ней уже с этой атрибуцией, и она, доверившись надписи, внесла информацию в «Библиографический указатель» без проверки, не обратив внимания, что образ Достоевского на ней расходится с тем, который запечатлен на фотографиях 1861–1862 гг. Чем руководствовался тот, кто подписывал фотографию и атрибутировал ее как снятую в Москве в 1863 г., неизвестно.

Б. Н. Тихомиров в своем исследовании фотографий Достоевского высказал смелую (и даже, по его собственной оценке, «дерзкую») гипотезу, предположив на основании сопоставления портрета с описанием молодого Ф. М. Достоевского, данным А. Е. Ризенкампом в его «Воспоминаниях», и полагаясь на собственную психологическую интерпретацию выражения лица портретируемого, «а не снимок ли это Достоевского конца 1840-х годов?» [Тихомиров: 92]. Гипотеза очень привлекательная. Впрочем, сразу же рушащаяся при сопоставлении с портретом Достоевского на рисунке К. А. Трутовского 1847 г. Даже если предположить, что гипотетическая дата «съемки» — 1849 г. За полтора — два года человеческое лицо так сильно не меняется.

Указанное на обороте место съемки «Москва» также вызывает сомнение. Фотография не наклеена на фирменный бланк ателье, поэтому приходится только догадываться и строить гипотезы. А. Г. Достоевская (или кто-либо еще) предположила, что фотография снята в Москве, очевидно, исходя из фактов биографии Достоевского 1860-х гг.

На фотографии КП 35714/3 Достоевский снят сидящим в кресле на фоне задника с романтическим пейзажем, справа от него — архитектурный фрагмент наподобие оконного или балконного проема, что-то вроде схематичной колонны с фрагментом балюстрады. Типичная декорация для фотоателье. Однако при внимательном изучении оригинала обнаружилось, что вся эта декорация *нарисована* коричневой акварелью поверх снимка во время ретуширования. Никакого художественного задника и архитектурных декораций на самом деле не было!

Можно было бы на этом закончить поиск, но счастливым образом на глаза попался портрет Михаила Михайловича Достоевского (КП 34882), также снятого сидящим в кресле (Илл. 6). Справа от него тумбочка, на которую поставлен цилиндр. Фон задника белый. Обратил на себя внимание ракурс, с которого сделан портрет — тот же самый, что и на портрете Ф. М. Достоевского КП 35714/3. При сопоставлении обоих изображений обнаружилось, что и Федор, и Михаил Достоевские сидят в *одном и том же кресле* (Илл. 7, 8). Совпадают и конструкция кресла, и узор на обивке,

и блики ретуши. При наложении изображений получается *полное тождество* снятых объектов. Можно с определенностью говорить, что оба снимка сделаны по очереди в одном ателье, в одно и то же время. На это указывают и косвенные технические характеристики снимков: сходное качество фотобумаги (матовая, полумягкая), альбуминового слоя и штрихов ретуши. Фотография М. М. Достоевского также не имеет фирменного бланка ателье и даже не наклеена на паспарту.

Илл. 6. М. М. Достоевский. Тверь (?). 1859 (?). ГМИРЛИ. КП 34882

Fig. 6. M. Dostoevsky. Tver (?). 1859

Илл. 7. Ф. М. Достоевский. Тверь (?). 1859 (?). Фрагмент. (Кресло).
ГМИРЛИ. КП 35714/3

Fig. 7. F. Dostoevsky. Tver (?). 1859 (?). Fragment. (A Chair)

Илл. 8. М. М. Достоевский. Тверь (?). 1859 (?). Фрагмент. (Кресло).
ГМИРЛИ. КП 34882

Fig. 8. M. Dostoevsky. Tver (?). 1859 (?). Fragment. (A Chair)

По совокупности признаков съемки и качества фотографий есть основания предполагать, что снимки сделаны не в хорошо оборудованных фотоателье Москвы или Петербурга, а у более скромного провинциального фотографа.

Таким местом съемки может быть только Тверь, в которой поселился Ф. М. Достоевский после возвращения из Сибири и где в конце августа братья встретились после десятилетней разлуки. Михаил Михайлович на фотографии держит в руках трость. В сочетании с цилиндром, лежащим на столе, он производит впечатление путника, только что прибывшего и присевшего передохнуть с дороги. Может быть, так и было на самом деле? И братья сфотографировались сразу же в день их встречи — 28 августа 1859 г.? В письме к А. И. Гейбовичу от 23 октября 1859 г., рассказывая о встрече с братом, Ф. М. Достоевский писал:

«Начал поджидать брата. Брат до этого был болен, при смерти. Наконец оправился и приехал. То-то была радость. Машина (имеется в виду поезд. — П. Ф.) приходит в третьем часу утра, а станция в трех верстах от Твери. Я отправился туда ночью встречать. Много переговорили; да что! Не расскажешь таких минут» (ДЗ0; 28₁: 363).

Выражение лица М. М. Достоевского на фотографии, действительно, болезненное и утомленное.

При внимательном чтении писем Ф. М. Достоевского к брату, написанных накануне их долгожданной встречи, привлекла внимание еще одна деталь — дополнительный объект для тщательного рассмотрения. Перечисляя разные бытовые заботы, в письме от 24 августа Ф. М. Достоевский сетует на скудость своих средств и, между прочим, замечает: «К тому же сапоги и башмаки плохи» (ДЗ0; 28₁: 331). Очевидно, что речь идет об обуви, в которой он приехал из Семипалатинска. Это натолкнуло на мысль сравнить фотографию КП 35714/3 с фотографией Ф. М. Достоевского, сделанной в Семипалатинске (КП 35714/15) (Илл. 9). Качество имеющихся снимков не позволяет утверждать со стопроцентной уверенностью, но вполне различимый контур носка, линия в подъеме стопы и характерный высокий каблук обуви (скорее всего сапога) на обоих снимках имеют определенную схожесть. Это также может служить аргументом в пользу того, что оба снимка сделаны в 1859 г.

Илл. 9. Ф. М. Достоевский. Семипалатинск. 1859. Фрагмент.
(Сапог). ГМИРЛИ. КП 35714/15

Fig. 9. F. Dostoevsky. Semipalatinsk. 1859. Fragment. (A Boot)

Вернемся к главному. Собственно, к портрету Федора Михайловича. Его овал лица и прическа на этом фото схожи с чертами, запечатленными на семипалатинском портрете КП 35714/15. Так что от версии более раннего происхождения снимка, как бы ни была она привлекательна, следует все же отказаться. А отсутствие бороды на снимке, сделанном в конце августа 1859 г., вполне естественно. Ее еще нет. Зато ретушью на лице обозначены усы и легкая щетина на щеках. Очевидно, они не совсем пропечатались. Фотограф, знавший о наличии этих портретных деталей, восполнил их карандашом. Перед нами портрет Достоевского переходного периода, когда его классический образ только начинает формироваться.

И, наконец, посмотрим на выражение лица Достоевского. Это, пожалуй, самый спорный пункт аргументации. Б. Н. Тихомиров, увлеченный своей гипотезой, эмоционально размышляет: «...неужели этот сытый, самодовольный, без тени сомнения на лице человек — Достоевский на излете самого тяжелого в его жизни десятилетия, после четырех лет каторги, пяти с лишним лет солдатчины, в ситуации, когда ему вновь надо восстанавливать свою писательскую репутацию, воскрешать в условиях новой эпохи забытое современниками литературное имя?! Нет, в это трудно поверить!» [Тихомиров: 91] Почему же трудно поверить? После каторги прошло пять с половиной лет. «Солдатчина» была не столь трагична, как она описана в рассказе Л. Н. Толстого «После бала». В Семипалатинске Ф. М. Достоевскому жилось вполне сносно (и даже возможен был роман с М. Д. Исаевой), да и последних два с половиной года он состоял в офицерском чине. Достоевский переживает пору своего физического расцвета: ему 38 лет, он окреп и закалился телом, еще не измучен болезнями, бодр и молоджав. Он не живет прошлым,

весь устремлен в будущее, к новым целям. И это как раз в большей мере читается в его лице на фотографии КП 35714/15, чем «сытость», «самодовольство» и отсутствие «тени сомнения». Уверенность в себе, в своих силах, безусловно, присутствует. Чувствуется и сосредоточенная напряженность, готовность к борьбе. Выражение лица волевое и решительное.

В примечании к своей реплике Б. Н. Тихомиров прибавляет: «Именно поэтому в данном случае можно пренебречь приведенным выше свидетельством Н. Н. Страхова о том, что в период их знакомства в 1860 г. Достоевский носил только усы, но брил бороду. Страхов замечает, что от этого его лицо приобретало простонародное, солдатское выражение. На этой же фотографии перед нами человек, скорее выглядящий как светский денди». [Тихомиров: 115]. Мы бы все-таки не стали так уверенно спорить со Н. Н. Страховым, знавшим Федора Михайловича в 1860 г. лично, а не по фотографиям. Оттенок же дендизма портретируемому придает не столько выражение лица, сколько изящный галстук-бабочка, скорее всего, если принять версию Твери, купленный в модном магазине m-me Вихман, который он упоминает в письмах к брату и куда неоднократно заходил с Марией Дмитриевной в поисках нужной ей шляпки.

Остается только понять, почему фон на портрете Михаила Михайловича отсутствует, а на портрете Федора Михайловича пририсован пейзаж. Возможно, это связано с какими-то несущественными обстоятельствами технического характера (например, с тем, что Михаил Михайлович провел в Твери всего несколько дней и на проработку фона у фотохудожника просто не было времени, и он ограничился только ретушированием). Но если в этом есть некий художественный или символический смысл (надо полагать, что фон дорисовывался по согласованию с заказчиком в соответствии с прейскурантом услуг), то можно увидеть в этом отражение той жизненной ситуации, в которой встретились братья: один — проездом, на ходу, сам по себе, другой — на месте, у себя, в обстоятельствах конкретного места жительства (пусть и условно изображенного).

В завершение следует добавить, что в собрании ГМИРЛИ хранится еще один отпечаток портрета М. М. Достоевского (КП 35716/434) — в рамке, под стеклом. К сожалению, задник скрыт под монтажным паспорту и в настоящее время нет возможности изучить оборот фотографии на предмет наличия каких-либо надписей пояснительного характера. По качеству отпечатка этот экземпляр фотографии еще ближе к портрету Ф. М. Достоевского (КП 35714/15). Наличие в собрании ГМИРЛИ двух экземпляров портрета М. М. Достоевского позволяет предположить, что и портрет Ф. М. Достоевского также существовал в нескольких экземплярах. И, как и в случае с семипалатинским портретом, можно надеяться, что они где-то лежат и ждут своего часа.

Примечания

- * Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90018 («Неизвестные и малоизвестные источники биографии Ф. М. Достоевского в собрании Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля»).
- ¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1988. Т. 281. С. 371. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Д30* и указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках.
- ² Письмо Е. И. Капустиной к Ф. М. Достоевскому. От 4 января 1862 г. // Достоевский. Материалы и исследования. СПб.: Наука, 1992. Т. 10. С. 195.

Список литературы

1. Библиографический указатель сочинений и произведений, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского, собранных в «Музее памяти Ф. М. Достоевского» в Московском Историческом музее имени Императора Александра III. 1846–1903 / сост. А. Достоевская. — СПб.: Тип. П. Ф. Пантелеева, 1906. — 396 с.
2. Ивлев Н. П. Находки краеведа. — Алма-Ата: Казахстан, 1977. — 152 с.
3. Проскурин В. Н. «Фотограф щелкает, и птичка вылетает» // Простор. — Алма-Ата, 2001. — № 2. — С. 135–142.
4. Стрелкова И. И. Валиханов. — М.: Молодая гвардия, 1983. — 288 с.
5. Сытина З. А. Из воспоминаний о Достоевском // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников / сост. и коммент. К. Тюнькина. — М.: Худож. лит., 1990. — Т. 1. — С. 369–374.
6. Тихомиров Б. Н. Прижизненная иконография Ф. М. Достоевского. 1847–1881 // Образ Достоевского в фотографиях, живописи, графике, скульптуре: [альбом]. — СПб.: Кузнечный переулоч, 2009. — С. 33–117.
7. Ходжиков К. Редкий портрет Чокана Валиханова // Советский Казахстан. — Алма-Ата, 1955. — № 11. — С. 128.

Pavel E. Fokin

*The V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature,
(Moscow, Russian Federation)*

pfokin@mail.ru

Four Portraits, No Retouching

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian foundation for basic research (RFBR), project number 18-012-90018.

Abstract. Researchers are still raising questions related to the time and place of shooting of certain portraits in the scarce photographic iconography of F. M. Dostoevsky. First of all, this pertains to a set of early photographs, whose dating ranges between 1857 and 1863, according to various sources. The article offers new arguments in favor of attributing several portraits of F. M. Dostoevsky to 1859. This refers to photographs that captured an image of F. M. Dostoevsky that is unusual for most of his admirers, namely, without a beard. Two of them were taken in Semipalatinsk by the photographer S. A. Leibin, while in one of them F. M. Dostoevsky was captured together with the Kazakh educator Ch. Ch. Valikhanov, whom he befriended during the years of his exile. Another photo has not been precisely attributed. A comprehensive analysis of the details depicted on them, the facts of the biography of Ch. Ch. Valikhanov and the letters of F. M. Dostoevsky allows to date the Semipalatinsk photographs with greater accuracy. The article proposes that another one of the portraits taken in Tver was carried out simultaneously with the shooting of the portrait of M. M. Dostoevsky. A comprehensive examination of various details and circumstances also leads to the same conclusions. To date, only a few copies of photographs with Ch. Ch. Valikhanov and a photograph allegedly taken in Tver are known. The original solitary portrait made in Semipalatinsk has been lost. The conducted research allows to assert that other copies of these photographs may exist. The proposed conclusions are made on the basis of a study of the originals of photographs in the collection of The V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature.

Keywords: F. M. Dostoevsky, Ch. Ch. Valikhanov, M. M. Dostoevsky, photography, attribution, Semipalatinsk, Tver

About the author: *Fokin Pavel E.* — PhD in Philology, Head of Department “Museum-apartment of F. M. Dostoevsky”, The V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature (State Literary Museum) (per. Trubnikovskiy 17, str. 1, Moscow, 121069, Russian Federation)

Received: May 4, 2020

Date of publication: September 30, 2020

For citation: Fokin P. E. Four Portraits, No Retouching. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 3, pp. 97–113. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4801 (In Russ.)

References

1. *Bibliograficheskiy ukazatel' sochineniy i proizvedeniy, otnosyashchikhsya k zhizni i deyatel'nosti F. M. Dostoevskogo, sobrannykh v «Muzee pamyati F. M. Dostoevskogo» v Moskovskom Istoricheskom muzee imeni Imperatora Aleksandra III. 1846–1903 [Bibliographic Index of Writings and Works Relating to the Life and Works of F. M. Dostoevsky, Collected in the Memorial Museum of F. M. Dostoevsky in the Moscow Historical Museum Named After Emperor Alexander III. 1846–1903]*. St. Petersburg, Tipografiya P. F. Panteleeva Publ., 1906. 396 p. (In Russ.)
2. Ivlev N. P. *Nakhodki kraevedy [Finds of a Local Historian]*. Alma-Ata, 1977. 152 p. (In Russ.)

3. Proskurin V. N. "The Photographer Clicks, and the Bird Flies Out." In: *Prostor*. Alma-Ata, 2001, no. 2, pp. 135–142. (In Russ.)
4. Strelkova I. I. *Valikhanov*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1983. 288 p. (In Russ.)
5. Sytina Z. A. From the Memoirs of Dostoevsky. In: *F. M. Dostoevskiy v vospominaniyakh sovremennikov* [*F. M. Dostoevsky in the Memoirs of His Contemporaries*]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990, vol. 1, pp. 369–374. (In Russ.)
6. Tikhomirov B. N. The Life-Time Iconography of F. M. Dostoevsky. 1847–1881. In: *Obraz Dostoevskogo v fotografiyakh, zhivopisi, grafike, sculpture. Al'bom* [*The Image of Dostoevsky in Photos, Paintings, Drawings, Sculpture. Album*]. St. Petersburg, Kuznechnyy pereulok Publ., 2009, pp. 33–117. (In Russ.)
7. Khodzhikov K. A Rare Portrait of Chokan Valikhanov. In: *Sovetskiy Kazakhstan*. Alma-Ata, 1955, no. 11, p. 128. (In Russ.)

DOI: 10.15393/j9.art.2020.4802

УДК 821.161.1+930.25

М. А. Зусманович*Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля
(Москва, Российская Федерация)*

tsahes@gmail.com

П. Е. Фокин*Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля
(Москва, Российская Федерация)*

pfokin@mail.ru

Ф. М. Достоевский: биография в фотографиях*

Аннотация. Фонд фотографических материалов Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля (ГМИРЛИ), связанных с жизнью и творчеством Ф. М. Достоевского, является крупнейшим и насчитывает в настоящее время 2540 предметов. В основе собрания фотографий лежит мемориальная коллекция А. Г. Достоевской из «Музея памяти Ф. М. Достоевского». В 1930-е гг. она была передана в созданный в 1928 г. в Москве «Музей Ф. М. Достоевского», а после его вхождения в 1940 г. в состав Государственного литературного музея (с 2017 — ГМИРЛИ) стала частью его фонда фотографий. Пополнение фонда фотографий, относящихся к жизни и творчеству Ф. М. Достоевского, продолжалось и в последующие годы. В статье дается комплексное описание фонда фотографий по двум основным критериям: по типу материала — оригинальные фотографии, переснимки, тиражные фотографии; по жанрово-тематическому содержанию изображений — портреты Ф. М. Достоевского, портреты родственников, портреты детей Ф. М. Достоевского, племянников, потомков, портреты друзей, знакомых, современников, виды мест, связанных с биографией Ф. М. Достоевского. В статье анализируются сопроводительные надписи и автографы, сделанные на фотографиях, уточняется датировка и география снимков, что позволяет внести исправления и дополнения в «Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского». На основе сопоставительного анализа дарственного автографа переводчика В. Вольфсона на его фотографии, фактов биографии Ф. М. Достоевского и анализа письма Ф. М. Достоевского к неустановленному лицу от 5 декабря 1863 г. высказывается предположение, что адресатом письма является В. Вольфзон.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, А. Г. Достоевская, В. Вольфзон, биография, фотографии, мемории, Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля

Об авторах: Зусманович Мария Алексеевна — хранитель фонда фотографий XIX в. изобразительных фондов, Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля (Государственный литературный музей) (Трубниковский пер., д. 17, стр. 1, Москва, Российская Федерация, 121069); Фокин Павел Евгеньевич — кандидат филологических наук, зав. отделом «Музей-квартира Ф. М. Достоевского», Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля (Государственный литературный музей) (Трубниковский пер., д. 17, стр. 1, Москва, Российская Федерация, 121069).

Дата поступления: 1.07.2020

Дата публикации: 30.09.2020

Для цитирования: Зусманович М. А., Фокин П. Е. Ф. М. Достоевский: биография в фотографиях // Неизвестный Достоевский. — 2020. — № 3. — С. 114–148. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4802

Фонд фотографических материалов Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля (ГМИРЛИ), связанных с жизнью и творчеством Ф. М. Достоевского, составляет в настоящее время 2540 предметов и является крупнейшим собранием. Обладающие подобными коллекциями Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Российская государственная библиотека, Российский государственный архив литературы и искусства, Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге значительно уступают ему как по количеству, так и по тематике изображений.

В основе собрания фотографий лежит мемориальная коллекция, собранная А. Г. Достоевской для «Музея памяти Ф. М. Достоевского». В 1930-е гг. она была передана в созданный в 1928 г. в Москве «Музей Ф. М. Достоевского», а после его вхождения в 1940 г. в состав Государственного литературного музея (с 2017 — ГМИРЛИ) стала частью его фонда фотографий.

А. Г. Достоевская передала в «Музей памяти Ф. М. Достоевского» фотографии как из семейного архива, формировавшегося с начала 1860-х гг., так и специально ею заказанные или приобретенные для него. Некоторая часть фотографий была подарена А. Г. Достоевской почитателями Ф. М. Достоевского после того, как общественность узнала о ее музейной работе. Комплекс материалов, собранных вдовой писателя в «Музее памяти Ф. М. Достоевского», несомненно, наиболее ценный и важный для истории русской литературы. Несколько фотографий хранят дарственные автографы Ф. М. Достоевского. Многие аннотированы А. Г. Достоевской, чьи комментарии имеют исключительное значение для биографов писателя. В настоящее время в фондах ГМИРЛИ находится 222 единицы хранения, отмеченные номерами «Музея памяти Ф. М. Достоевского».

Вместе с фотографиями, поступившими из собрания А. Г. Достоевской, не менее ценными являются материалы, скомпонованные В. С. Нечаевой в первый период существования московского «Музея Ф. М. Достоевского». Наряду с переснимками, которые заказывались для создания музейной экспозиции, в эти годы в фонд музея поступали уникальные материалы от родственников Ф. М. Достоевского, в частности от Е. М. Достоевской, А. А. Достоевского, А. Ф. Достоевского, М. А. Ивановой и др. Среди основателей и посетителей музея находилось достаточно много энтузиастов, которые вносили посильный вклад в формирование его коллекции: передавали материалы из личных собраний, собственные фотографии, сделанные в местах, связанных с жизнью Ф. М. Достоевского, пересъемки документов и т. п.

Многие интересные предметы попали в фонд благодаря собирательской деятельности Г. Ф. Коган, а также пожертвованиям частных лиц. Особенно ценным был вклад М. В. Савостьяновой, внучатой племянницы Ф. М. Достоевского, которая в 1957 г. передала много раритетов из семейной коллекции: переснимки портретов родителей Ф. М. Достоевского, сделанные

А. М. Достоевским, фотографии М. М. Достоевского, А. М. Достоевского и его супруги и др. Несмотря на то, что уникальных материалов мемориального характера, связанных непосредственно с Ф. М. Достоевским, в эти годы по объективным причинам практически не поступало, тем не менее среди новых приобретений музея было немало материалов, имеющих историко-культурное и научное значение.

Многие фотографии из собрания ГМИРЛИ (в первую очередь иконографического характера) в разное время неоднократно публиковались в научных и популярных изданиях, начиная с альбома «Музей памяти Ф. М. Достоевского при Императорском российском историческом музее им. Александра III в Москве», подготовленного А. Г. Достоевской [Достоевская А. Г., 1906]. Среди наиболее значимых научных публикаций нужно назвать тома серии «Литературное наследство» (т. 77, 83, 86), альбом «Федор Михайлович Достоевский в портретах, иллюстрациях, документах», Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского в 30 т., альбом «Образ Достоевского в фотографиях, живописи, графике, скульптуре». Следует также упомянуть иллюстрированные издания биографий Ф. М. Достоевского в серии «Жизнь замечательных людей», биографические исследования И. Л. Волгина и монографию Г. Б. Пономаревой «Достоевский: я занимаюсь этой тайной»¹.

В коллекции ГМИРЛИ находятся 1378 оригинальных фотографий, имеющих отношение к личности и биографии Ф. М. Достоевского (речь идет о портретах не только самого писателя, но и его родственного окружения, знакомых, современников, а также о видах мест его пребывания и др.). Оригинальными фотографиями являются отпечатки, сделанные с негативов, снятых непосредственно с натуры. К ним, например, относятся портреты Ф. М. Достоевского, сделанные в фотоателье М. Б. Тулинова, И. И. Щетинина, Н. Досса, К. А. Шапиро в Санкт-Петербурге, Н. А. Лоренковича в Старой Руссе, М. М. Панова в Москве, Э. Бондоно (E. Bondonneau) в Париже. Как правило, фотографии печатались в нескольких экземплярах, которые Ф. М. Достоевский дарил своим родственникам и знакомым.

К концу жизни популярность писателя стала столь велика, что известный санкт-петербургский фотограф К. А. Шапиро обратился к нему с просьбой сняться для задуманного им тиражного издания «Портретная галерея русских литераторов, ученых и артистов». Достоевский согласился. В 1879 г. была сделана серия фотографий, одна из которых была использована в «портретной галерее». В знак благодарности фотограф также отпечатал две дюжины кабинетных портретов писателя для его личного пользования. После смерти Достоевского К. А. Шапиро делал отпечатки и репродуцировал их типографски. В 1881 г., в дни прощания с Достоевским, К. А. Шапиро продавал портрет писателя в траурной рамке, с факсимиле его подписи-автографа и датами жизни и смерти; с 1881 г. он получил эксклюзивное право на публикацию посмертных фотографий писателя (в гробу и на

столе). Доподлинно зная историю взаимоотношений К. А. Шапиро с Ф. М. и А. Г. Достоевскими, опираясь на официальные бумаги от Академии художеств и прочие документы, можно с уверенностью идентифицировать все фотографии Ф. М. Достоевского, вышедшие из этого ателье, как оригиналы, то есть сделанные с собственного негатива.

Илл. 1. Федор Михайлович Достоевский.
С дарственным автографом Ф. М. Достоевского В. К. Савостьянову.
(Фотоателье К. А. Шапиро. Санкт-Петербург, 1879)²

Fig. 1. Fedor Mikhailovich Dostoevsky.
With a gift autograph of F. M. Dostoevsky to V. K. Savostyanov.
(K. A. Shapiro Photo Studio. St. Petersburg, 1879)

К разряду оригинальных относятся практически все фотографии родственников Ф. М. Достоевского — они были напечатаны для личного пользования и бытовали в родственном и дружеском кругу в небольшом количестве. Фотографии, сделанные в XIX — начале XX в., как правило, наклеены на фирменные паспарту. Часто на них стоят дарственные или иные подписи.

Среди оригинальных фотографий очень важны работы А. Т. Лебедева 1920-х — 1930-х гг., на которых запечатлены виды Москвы Достоевского,

Лазаревского кладбища в Москве, храма Сошествия Святого Духа на Апостолов на Лазаревском кладбище, участок с могилой матери Ф. М. Достоевского и непосредственно надгробный памятник М. Ф. Достоевской.

Илл. 2. Участок на Лазаревском кладбище в Москве с памятником М. Ф. Достоевской (крайний справа). (Фотография А. Т. Лебедева. Москва, 12 мая 1934 г.)³

Fig. 2. Burial plot in the Lazarev cemetery in Moscow with the monument of M. F. Dostoevsky (far right). (Photo by A. T. Lebedev. Moscow, May 12, 1934)

Илл. 3. Памятник на могиле М. Ф. Достоевской. (Фотография А. Т. Лебедева. Москва, 17 июля 1929 г.)⁴

Fig. 3. The monument at the grave of M. F. Dostoevsky. (Photo by A. T. Lebedev. Moscow, July 17, 1929)

Илл. 4. Интерьер храма Сошествия Св. Духа на Апостолов на Лазаревском кладбище в Москве. (Фотография А. Т. Лебедева. Москва, 17 июля 1929 г.)⁵

Fig. 4. Interior of the Church of the Descent of the Holy Spirit on the Apostles at the Lazarevskoye cemetery in Moscow. (Photo by A. T. Lebedev. Moscow, July 17, 1929)

Многие оригинальные фотографии делались специально по заказу музея. Например, фотографии с видами Дарового, сделанные Г. Ф. Коган, фиксация экспозиций и научных заседаний «Музея Ф. М. Достоевского» и «Музея-квартиры Ф. М. Достоевского».

Помимо оригинальных фотографий в составе коллекции широко представлены пересъемки с фотографий и графических изображений, сделанные в разные годы и в разных обстоятельствах (550 предметов). Они также представляют научную и информативную ценность, так как часто оригиналы, с которых была сделана пересъемка, либо утрачены, либо их местонахождение неизвестно.

Среди них есть особо ценные экземпляры, например, портреты Михаила Андреевича и Марии Федоровны Достоевских⁶. Портреты выполнены пастелью 20 сентября 1823 г. художником Поповым, пересняты в 1866 г. по заказу Андрея Михайловича Достоевского, брата писателя. Ценность этой пересъемки может быть приравнена к значимости оригинальных снимков.

История пересъемки и судьба оригиналов описаны в сопроводительной аннотации, приклеенной на обороте рамы. Запись сделана самим А. М. Достоевским или с его слов в 1890-е гг.:

«Михаиль Андреевичъ и Марья Ѳедоровна Достоевскіе. — Съ портретовъ писанныхъ пастелью въ Сентябрь 1823го года (о чемъ имѣется запись сдѣланная самимъ Михаиломъ Андреевичемъ, вложенная въ эту рамку).

Настоящая фотографія снята съ подленныхъ портретовъ въ 1866 году Іюля 21го дня въ Русской Фотографіи въ Москвѣ по заказу А. М. Достоевскаго за 20 рублей.

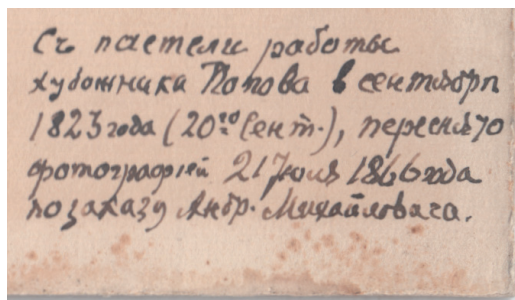
Подленные портреты хранились у Варв<ары> Михайл<овны> Карепиной (рожд<енной> Достоевской) и сгорѣли при пожарѣ бывшемъ въ ея домѣ въ 1880 годы. Такимъ образомъ фотографія эта является единственнымъ экземпляромъ портретовъ покойныхъ М. А. и Мар<ии> Ѳед<оровны> Достоевскихъ».

Более краткая пояснительная запись сделана на обороте упоминаемой записки М. А. Достоевского:

«Снять въ Русской [Типо] Фотографіи въ Москвѣ, 21 Іюля 1866 года Андреемъ Михайловичемъ Достоевскимъ чрезъ 43 года»⁷.

Такого же рода надпись сделана на лицевой стороне паспарту фотографии:

«Съ пастели работы художника Попова въ сентябрь 1823 года (20го Сент<ября>), переснято фотографіей 21 Іюля 1866 года по заказу Андр<ея> Михайловича».

Илл. 5. Подпись на лицевой стороне фотопересъемки с портретов М. А. и М. Ф. Достоевских

Fig. 5. Signature on the front side of the reshot photo with portraits of the spouses M. A. and M. F. Dostoevsky

Сопроводительная аннотация на обороте рамы почти полностью соответствует тексту «Воспоминаний» А. М. Достоевского [Достоевский А. М.: 58]. В связи с этим любопытно обстоятельство, о котором сообщается в «Летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского». Под датой «октября между 17 и 20» 1856 г. со ссылкой на письмо А. М. Достоевского к жене Д. И. Достоевской от 16–17 октября, хранящееся в Российской государственной библиотеке, сообщается: «А. М. Достоевский, будучи проездом в Москве,

делает фотографические копии с портретов М. А. и М. Ф. Достоевских работы Попова» [Летопись; т. 1: 228].

Мог ли ошибиться Андрей Михайлович, когда писал воспоминания и аннотацию к портретам? Исключено. Уже хотя бы потому, что «Русская фотография» в Москве была организована только в 1861 г., а указания фирмы-изготовителя, даты и стоимости заказа свидетельствуют о фактической точности его свидетельства.

В таком случае, где же фотопересъемка 1856 г., о которой упоминается в «Летописи...»? И почему в аннотации и «Воспоминаниях» говорится о «единственном» экземпляре портретов? Обратимся к указанному письму А. М. Достоевского к жене (16 октября 1856 г., Москва): «...*Какъ то разговаривая съ сестрою Варинькою, я попросилъ у нея портретовъ своихъ покойныхъ родителей, чтобы показать тебѣ, но Варинька рѣшительно отказала, но дала мнѣ совѣтъ, снять съ ея портретовъ фотографическіе копіи, что обойдется не дороже какъ по 5 руб. сереб<ромъ> за портретъ; такъ какъ у меня всякая копѣйка на счету, то я и выдумалъ экономію отъ поѣздки въ П<етер>бургъ, вмѣсто 2го въ 3^{мѣ} мѣстѣ употребить на этотъ предметъ*» (т. е. сэкономить на стоимости поездки и ехать не во втором, а в третьем классе. — П. Ф., М. З.)⁸. Из этих слов не очевидно, что он тогда же и сделал пересъемку: речь идет только о намерении. Возможно, составители «Летописи...», зная о существовании фотопересъемки с портретов родителей Ф. М. Достоевского, посчитали, что Андрей Михайлович осуществил предложение сестры, хотя на самом деле что-то тогда ему в этом помешало. Но сама идея ему приглянулась, и он реализовал ее десять лет спустя.

Не сохранилась и самая первая фотография Ф. М. Достоевского, сделанная фотографом С. А. Лейбиным в Семипалатинске. Она была опубликована в 1885 г. в № 1 журнала «Исторический вестник» в воспоминаниях о Ф. М. Достоевском З. А. Сытиной, дочери А. И. Гейбовича, командира роты, в которой писатель служил в Семипалатинске. Издатель «Исторического вестника» С. Н. Шубинский передал переснимок с нее в дар «Музею памяти Ф. М. Достоевского». Местонахождение оригинала неизвестно, поэтому значимость этого переснимка чрезвычайно велика.

Наконец, еще один тип фотоматериалов, широко представленный в составе коллекции Ф. М. Достоевского, — тиражные фотографии (240 предметов). Это достаточно условное обозначение, так как по определению фотография несет в себе возможность технически многократного воспроизведения. Имеются в виду фотографии без опознавательных знаков автора или ателье, предназначенные для широкого коммерческого распространения. Многочисленные фотокарточки визитного формата — простые в оформлении, без указания фотоателье и не самого высокого качества

печати — свидетельствуют об исключительной популярности Достоевского в среде демократических читателей. Они печатались большими тиражами и продавались за невысокую цену. Подобные тиражные фотографии и сегодня регулярно можно встретить в букинистических и антикварных магазинах, в частных владениях и на аукционах России и зарубежья.

Некоторые из фотографий этого типа поступили из собрания А. Г. Достоевской. Ее комментарии на оборотах отчасти объясняют причины их включения в коллекцию:

«Уменьшенная копия съ фотографіи К. Шапиро: “Портретная Галерея русскихъ литераторовъ”, въ орнаментъ». Внизу напечатано: «Фотографія въ Москвѣ». На оборотѣ: «ФОТОГРАФІЯ ПОДЪ ФИРМОЮ “ЗВѢЗДА” П. КАЩИНСКАГО. ЛУБЯНКА, ДОМЪ МАКАРЬЕВСКАГО ПОДВОРЬЯ ПРОТИВЪ ГОСТИН. БЮЛЛО ВЪ МОСКВѢ. НЕГАТИВЪ ХРАНИТСЯ. Купленъ въ Москвѣ въ 1884 г. № 3126»⁹.

«Портретъ съ усопшаго, съ портрета И. Н. Крамскаго, неизвѣстнаго фотографа (вѣроятно Лурьева). На оборотѣ штампъ: Книжный Магазинъ “Новаго Времени” А. С. Суворина, Невскій № 60. СПб. № 3137»¹⁰.

«Снимокъ съ портрета Панова (Москва, 1880). Работа Везенбергъ и К^о въ С. Петербургъ, Вознесенскій, д. 26/30. Купленъ въ 1888 г. № 3211»¹¹.

«Снимокъ съ фотографіи К. Шапиро, заграничной работы, неизвѣстнаго фотографа, на оборотѣ штампомъ Dostojewski. Купленъ въ 1890 г. въ шведскомъ магазинѣ. № 3213»¹².

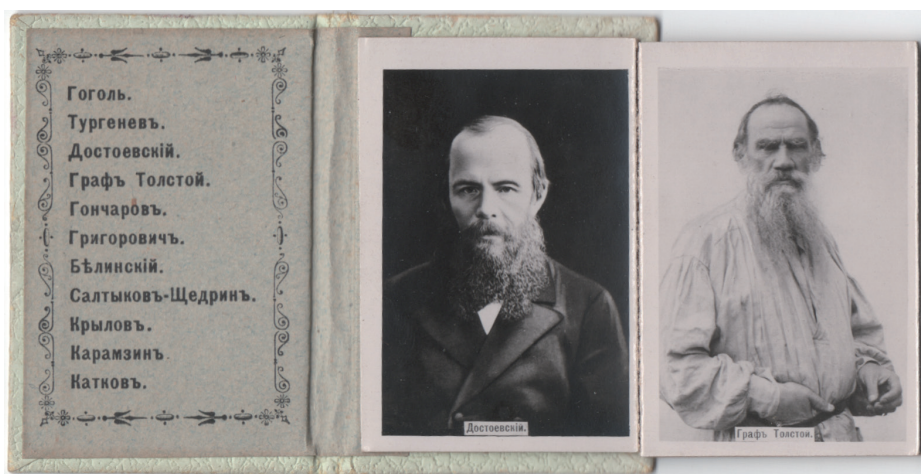
Очевидно, А. Г. Достоевскую как хранительницу памяти Ф. М. Достоевского интересовала география и история распространения славы ее мужа, и в этом смысле тиражные отпечатки, действительно, имеют важное историко-культурологическое значение. Изучение коллекции материалов А. Г. Достоевской в этом аспекте может составить предмет самостоятельного исследования.

Отдельную группу тиражных изданий составляют альбомы с фотографиями популярных писателей. Например, альбом фотографий «Русские писатели»¹³ или упоминавшаяся уже «Портретная галерея русских литераторов, ученых и артистов» К. Шапиро. Многие из них — высокотехнологичные издания, с оригинальным полиграфическим дизайном, сделанным профессиональными художниками, с изысканными орнаментами, факсимиле писателей, качественной печатью и дорогими переплетами. Цена таких изданий была велика.

Илл. 6. Фотоальбом «Русские писатели». Титульный лист. (1880-е гг.)¹⁴

Fig. 6. Photo album *Russian writers*. Title page. (1880s)

Илл. 7. Фотоальбом «Русские писатели». Разворот с портретами Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. (1890-е гг.)¹⁵

Fig. 7. Foto album *Russian writers*. Spread with portraits of F. M. Dostoevsky and L. N. Tolstoy. (1890s)

Уже А. Г. Достоевская определила основной круг жанров и тем фотографий для «Музея памяти Ф. М. Достоевского»: иконография Достоевского (прижизненные оригинальные фотографии, прижизненные и посмертные пересъемки фотографий и графических изображений, тиражные

фотографии); портреты родственников, друзей, лиц из окружения Достоевского; виды мест, связанных с биографией Достоевского. Близкую тематическую структуру сохраняет и коллекция фотографий ГМИРЛИ, относящихся к Ф. М. Достоевскому.

Фотопортреты Ф. М. Достоевского (102 предмета). В первую очередь, это прижизненные портреты Достоевского работы петербургских, московских и провинциальных фотографов. Фотографии разные по качеству, порой со спорной датировкой и атрибуцией места съемки.

Как уже говорилось выше, А. Г. Достоевская собирала разные варианты фотографий мужа, покупая их в России и привозя из-за границы. Побывавший в 1899 г. в «Музее памяти Ф. М. Достоевского» в Историческом музее корреспондент журнала «Семья» в качестве характерной особенности экспозиции отмечал: «Стены башни Достоевского увешаны богатой коллекцией портретов писателя, среди которых, конечно, не мало повторений, потому что вдова смотрела, как на святыню, на всякое изображение своего мужа»¹⁶. И хотя речь здесь идет не только о фотографических портретах Ф. М. Достоевского, собранных Анной Григорьевной, эту оценку полностью можно применить и к данной части ее коллекции.

Родственное окружение Ф. М. Достоевского (209 предметов). Фотографии фонда широко охватывают многочисленный родственный круг писателя. Кроме портретов родителей в пересъемке, из старших родственников Достоевского в собрании имеются портреты Ольги Яковлевны Нечаевой (второй жены деда писателя)¹⁷ и Александра Алексеевича Куманина (супруга родной тетки и крестной матери Достоевского Александры Федоровны Куманиной, дяди и опекуна)¹⁸. К этой группе можно отнести и фотографию Арины Архипьевны, взятой в дом Достоевских после пожара в Даровом, во время которого погиб ее отец: сначала она была няней у младших детей, потом прислуживала М. Ф. Достоевской, а после ее смерти перешла в дом А. Ф. Куманиной. О ней писал А. М. Достоевский в воспоминаниях [Достоевский А. М.: 42, 77, 117]. На обороте фотографии его рукой сделан комментарий: «Арина Архипьевна<, > бывшая прислуга Тет<ушки> Ал<ександры> Фед<оровны> Куманиной, а еще прежде, крѣпостная гг. Достоевскихъ, и жившая во дворѣ. Ходила за больною моею матерью М. Ф. Достоевской»¹⁹.

Братья и сестры писателя, члены их семей представлены 6-ю портретами Михаила Михайловича Достоевского (1850–1860-е), 3-мя портретами его жены Эмилии Федоровны (1870-е), портретами их детей, племянников и племянниц писателя (Федора, Марии, Михаила, Екатерины и Варвары — фотографии разных лет в диапазоне от 1850-х до 1890-х); 5-ю портретами Андрея Михайловича Достоевского (1840–1890-е), его жены Домники Ивановны (1840-е) и их детей (Андрея и Варвары, 1860–1880-е); 2-мя портретами Веры Михайловны Достоевской (в замужестве Ивановой, 1880-е), ее

супруга Александра Павловича Иванова (1860-е), их дочерей (Софьи и Марии; 1870–1920-е); 3-мя портретами Александры Михайловны Достоевской (в замужестве Голеновской и Шевяковой, 1850–1880-е), портретами представителей разных поколений родственных семейств (Карепиных, Голеновских, Владиславлевых, Шеров, Хмыровых).

Илл. 8. Михаил Михайлович Достоевский (средний), племянник Ф. М. Достоевского. (Фотография Грибоедова. Санкт-Петербург, 1867–1870)²⁰
 Fig. 8. Mikhail Mikhailovich Dostoevsky (Middle), nephew of F. M. Dostoevsky. (Photo of Griboedov. St. Petersburg, 1867–1870)

Илл. 9. Варвара Михайловна (слева) и Екатерина Михайловна (справа) Достоевские, племянницы Ф. М. Достоевского, с гувернанткой (в центре). (Первая американская фотография. Санкт-Петербург, нач. 1860-х гг.)²¹
 Fig. 9. Varvara Mikhailovna (left) and Ekaterina Mikhailovna (right) Dostoevskys, nieces of F. M. Dostoevsky, with their governess (in the center). (The first American photo. St. Petersburg, early 1860s)

Илл. 10. Федор Михайлович Достоевский (младший), племянник Ф. М. Достоевского. (Фотография И. Е. Страхова. Санкт-Петербург, [1860–1864])²²

Fig. 10. Fedor Mikhailovich Dostoevsky (Junior), nephew of F. M. Dostoevsky. (Photo by I. E. Strakhov. St. Petersburg, [1860–1864])

Илл. 11. Александр Петрович Карепин, племянник Ф. М. Достоевского. (Фотография художника Александра Эйхенвальда. Москва, 1860-е гг.)²³

Fig. 11. Alexander Petrovich Karepin, nephew of F. M. Dostoevsky. (Photo by the artist Alexander Eichenwald. Moscow, 1860s)

Первая жена Достоевского Мария Дмитриевна и ее сын Павел Александрович Исаев представлены единичными фотографиями. Фотография П. А. Исаева наклеена на паспарту «Музея памяти Ф. М. Достоевского» и под ней А. Г. Достоевская каллиграфическим почерком сделала аннотацию-этикетку: «Павелъ Александровичъ Исаевъ, пасынокъ Ф. М. Достоевскаго»²⁴.

Иконография Анны Григорьевны Достоевской значительно богаче, хотя и не столь велика, как могла бы быть, учитывая стремительность развития фотографии и ее проникновения в повседневную жизнь. Очевидно, здесь сказалась ее скромность и общая сдержанность. Вероятно, какие-то ее фотографии (в первую очередь 1890–1900-х гг.) утрачены или до сих пор не выявлены. Как бы то ни было, в собрании ГМИРЛИ находится 12 снимков Анны Григорьевны (18 — с учетом дублетов). В их числе — два ранних,

снятых еще до знакомства с Достоевским²⁵, фотография 1870 г., сделанная в Дрездене и бывшая в медальоне, возможно, принадлежавшем Ф. М. Достоевскому²⁶, несколько фотографий с детьми: на могиле Ф. М. Достоевского, на другой день после похорон²⁷, с дочерью Любовью²⁸, с дочерью Любовью и сыном Федором²⁹ (обе сняты в 1883 г. в Санкт-Петербурге), с дочерью Любовью рядом с домом в Ялте³⁰.

В собрании ГМИРЛИ хранятся три экземпляра фотографии А. Г. Достоевской, сделанной в Женеве в 1867 г. фотографом Шарлем Рихардом (Charles Richard. Photographe Breveté. Rue du Rhône, Maison du Café du Nord au 4e. Genève)³¹. Историю снимка А. Г. Достоевская рассказала в своем дневнике за 1867 г. в записи от 31 октября: «Так как была отличная погода, то я решилась непременно сегодня сняться, чтобы послать маме мою карточку; зашла я для этого в лучшую здешнюю фотографию и просила снять теперь же. Взяли за полдюжины 6 франков. Это по-здешнему довольно дорого. Вид с 5 этажа из фотографии удивительный на реку и на все озеро, мост и люди кажутся удивительно маленькими, просто куколками. Я была в моей обыкновенной шерстяной кофте с волосами, зачесанными кверху, не знаю, как-то будет портрет, я думаю, неудачный, хотя фотограф меня и уверял, что портрет удивительно как удался. Я отдала ему 6 франков и просила, не приготовит ли он мне карточки к субботе, чтобы я могла их послать к моей маме» [Достоевская А. Г., 1993: 341]. Анна Григорьевна осталась недовольна тем, как она вышла. В записи от 2 ноября она сетует: «Я здесь очень худая, лицо страшно длинное; под глазами темно, лицо темное, и горло толстое и воротник ужасно как дурно сидит. Но, вероятно, я такая уж и есть. Я пришла поскорей домой и села писать письмо к маме, чтобы ей сегодня отослать мой портрет. Я думаю, что она будет ужасно рада получить его, моя милая, добрая мамочка, и, вероятно, найдет, что портрет не похож на меня» [Достоевская А. Г., 1993: 346]. Надо заметить, что Анна Григорьевна явно несправедлива в этой оценке. Фотография на самом деле замечательная, точно передающая ее живой и жизнерадостный характер.

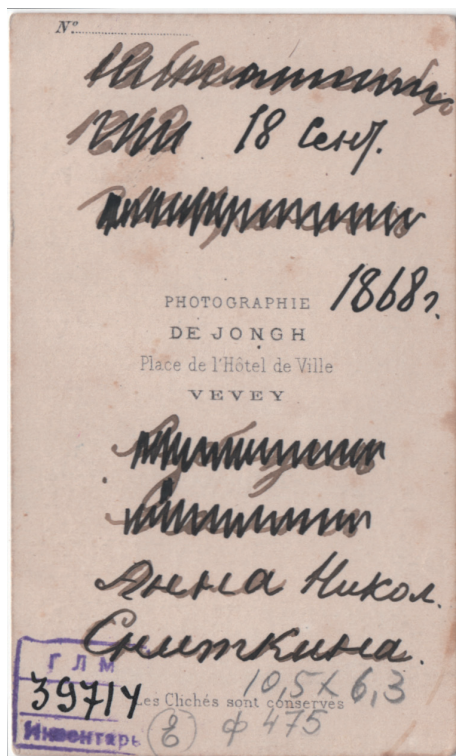
Фотография КП 35715/3 на обороте подписана А. Г. Достоевской: «1867 въ Женевѣ». На обороте фотографии КП 35715/2 почерком другого лица черными чернилами сделана надпись: «въ началѣ 1868 г., незадолго до рожденія ~~Ан~~ (зачеркнуто. — П. Ф., М. З.) дочери Софiи». Почерк не очень уверенный, похож на ученический. Может быть, надпись сделана рукой Любы Достоевской, помогавшей матери в работе по созданию «Музея памяти Ф. М. Достоевского»?

Тот же почерк встречается на снимке Анны Николаевны Сниткиной — матери Анны Григорьевны.

Илл. 12. Анна Николаевна Сниткина, мать А. Г. Достоевской.
(Фотография De Jongh. Vevey, Place de l'Hôtel de Ville, 1868)³²

Fig. 12. The Anna Snitkina, the mother of A. G. Dostoevskaya.
(Photo by De Jongh. Vevey, Place de l'hôtel de Ville, 1868)

Илл. 13. Обрат фотографии А. Н. Сниткиной с дарственным автографом (зачеркнут и обведен неустановленным лицом)³³

Fig. 13. Back side of the photo of A. N. Snitkina with a gift autograph (crossed out and circled by an unidentified person)

Им исправлена, частично дублирована и дополнена дарственная надпись, сделанная А. Н. Сниткиной на фотографии, снятой в Швейцарии в Веве (Photographie De Jongh. Palace de l'Hôtel de Ville. Vevey): Анна Николаевна приехала к дочери и зятю в Женеву в начале мая 1868 г. [Летопись; т. 2: 174] и пробыла с ними (с небольшими перерывами) вплоть до их возвращения в Россию в 1871 г. Русский язык не был родным для Анны Николаевны, и дарственная надпись сделана с многочисленными ошибками (в том числе и в графике — вместо буквы ъ она пишет букву ь), именно поэтому впоследствии кто-то, кого смутила эта безграмотность, взял на себя легкомысленную задачу поправить надпись. Сквозь штриховку зачеркивания можно тем не менее прочитать первоначальный текст: «18 Сентября 1868.

Искренній Лубещеёъ маманъ Анна Сниткина». В исправленном виде дарственная надпись читается именно как подпись к фотографии: «18 Сент<ября> 1868 г. Анна Никол<аевна> Сниткина».

В этих записях внимание привлекает дата 18 сентября 1868 г. В «Летописи...» указывается, правда со знаком вопроса, что в срок до 15 сентября Достоевские уже покинули Вене и прибыли в Милан [Летопись; т. 2: 187]. А. Н. Сниткина осталась в Швейцарии со старшей дочерью М. Г. Сватковской и внуками [Достоевская Л. Ф.: 122]. Очевидно, фотография была сделана и послана в Милан вскоре после расставания.

Завершая краткий обзор комплекса фотографий из родственного окружения Ф. М. Достоевского, хочется упомянуть также портрет его тестя, отца А. Г. Достоевской — Григория Ивановича Сниткина и 5 фотографий ее брата Ивана, в судьбе которого Ф. М. Достоевский принимал живое участие.

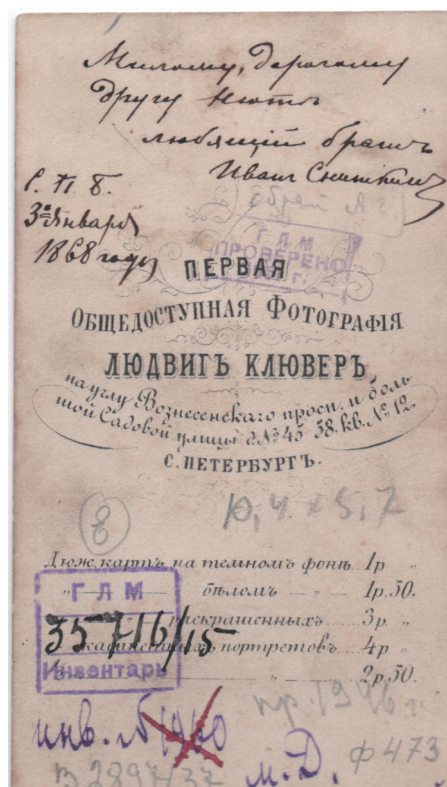
Илл. 14. Григорий Иванович Сниткин, отец А. Г. Достоевской.
(Ателье «Английская фотография» А. В. Verrier. Санкт-Петербург, 1860-е гг.)³⁴

Fig. 14. Grigory Ivanovich Snitkin, father of A. G. Dostoevskaya.
(English Photography studio by A. B. Verrier. St. Petersburg, 1860s)

Илл. 15. Иван Григорьевич Сниткин,
брат А. Г. Достоевской.
(«Первая общедоступная фотография»,
Людвиг Клувер.
Санкт-Петербург, 1868)³⁵

Fig. 15. Ivan Grigoryevich Snitkin,
brother of A. G. Dostoevskaya.
(The First Public Photo, Ludwig Kluwer.
St. Petersburg, 1868)

Илл. 16. Оборот фотографии
И. Г. Сниткина с дарственным
автографом³⁶

Fig. 16. The back of the photograph of
I. G. Snitkina with a gift autograph

На одном из портретов И. Г. Сниткина имеется трогательный дарственный автограф: «Милому, дорогому другу Нютю любящий братъ Иванъ Сниткинъ. С. П. Б. 3^е Января 1868 года».

Потомки (дети, внуки и прямые наследники далее) (45 предметов). В первую очередь интерес представляют фотографии детей Достоевского. Их галерею открывает печальная фотография Сони Достоевской, лежащей на смертном одре.

Илл. 17. Соня Достоевская на смертном одре.
(CHr. Freundt peintre Phot. Женева, 1868)³⁷

Fig. 17. Sonya Dostoevskaya on her deathbed.
(CHr. Freundt peintre Phot. Geneva, 1868)

Соня умерла 24 мая 1868 г. в Женеве, похоронена 26 мая [Летопись; т. 2: 176–177]. Скорее всего, фотография была сделана 25 мая. Факт съемки в «Летописи...» не отмечен, хотя достоин упоминания в силу того душевного и эмоционального потрясения, которое пережил Достоевский, потеряв своего первенца.

В фонде ГМИРЛИ хранится еще одна фотография, атрибутированная согласно подписи на обороте, сделанной карандашом рукой неустановленного лица, как портрет Сони Достоевской³⁸. Но это очевидная ошибка. На снимке в кресле в белом платье сидит более взрослый ребенок. Фотография сделана в Санкт-Петербурге в ателье Т. Лимберга, о чем свидетельствует фирменное паспарту. Перед нами вторая дочь писателя Люба, что подтверждается и внешним сходством ребенка на фотографии с другими портретами Любы, сделанными в начале 1870-х гг.³⁹ Включая этот снимок, в фонде ГМИРЛИ представлено 15 фотографий Л. Ф. Достоевской разных лет. Столько же фотографий и Федора Федоровича, в том числе уже упоминавшиеся групповые снимки с Анной Григорьевной.

Есть еще одна интересная фотография, где Люба и Федя запечатлены вместе⁴⁰. Она сделана в Старой Руссе в ателье Н. Лоренковича. Дети, нарядные в русскую национальную одежду с вышивкой, расположились на фоне задника с изображением леса и искусственной изгороди из стволов

молодых березок. Фотография не только трогательная, но и исполненная патриотического смысла.

Последние по времени портреты Л. Ф. Достоевской в собрании ГМИРЛИ датируются 1914–1915 гг. и сняты в Ментоне: Любовь Федоровна позирует на фоне пышной южной зелени под пальмовою сенью⁴¹.

Завершают портретную галерею детей Достоевского два изображения младшего сына Алеши, умершего в младенчестве. Одна фотография, снятая в 1877 г., наклеена на паспарту «Музея памяти Ф. М. Достоевского»⁴². На лицевой стороне под ней подпись рукой А. Г. Достоевской: «*Достоевский, Алексѣй, младшій сынъ Ф. М. Достоевскаго*».

Существует еще один экземпляр этой же фотографии без паспарту «Музея памяти Ф. М. Достоевского».

Илл. 18. Алеша Достоевский (1877)⁴³

Fig. 18. Alesha Dostoevsky (1877)

Другое изображение — пересъемка с фотографии 1878 г. — Алеша на смертном одре⁴⁴. Алексей Достоевский скончался 16 (28) мая 1878 г., похоронен 18 (30) мая. Фотография, вероятно, сделана между этими датами, а именно 17 (29) мая 1878 г. В «Летописи...» указание на данный факт, как и на факт фотографирования усопшей дочери Сони, отсутствует, но, несомненно, должен быть отмечен.

Друзья, знакомые, современники (251 предмет). Этот раздел весьма разнообразен. Условно его можно разделить на три части: 1) мемориальную, очень немногочисленную, в которую входят фотографии, подаренные Ф. М. Достоевскому; 2) историко-биографическую, состоящую из портретов

лиц, имевших отношение к биографии Ф. М. Достоевского, и его современников и 3) типологическую, частично примыкающую к мемориальной, так как в нее входят не атрибутированные в настоящее время фотографии из альбомов А. Г. Достоевской с изображением лиц, так или иначе близких семье писателя.

1) В мемориальной части наиболее ценными представляются следующие портреты:

Фотография товарища юности Достоевского, петрашевца, поэта Алексея Николаевича Плещеева с дарственным автографом на обороте: «*Ө. М. Достоевскому отъ Плещеева на память. Москва. 10 Янв<аря> 1864*»⁴⁵ (В «Летописи...» дата не отмечена).

Три фотографии друга Достоевского и его семьи, врача Степана Дмитриевича Яновского: 1860-х гг., в полный рост, с дарственным автографом на лицевой стороне: «*Марья Дмитриевна и Федору Михайловичу на память дружбы. — 1861 годъ*»⁴⁶; такая же с дарственным автографом на лицевой стороне: «*Емилии Федоровнѣ и Михаилу Михайловичу на память дружбы 1861 годъ*»⁴⁷; и 1872 г., на паспарту «Музея памяти Ф. М. Достоевского», с пометой на нем А. Г. Достоевской: «*Степанъ Дмитріевичъ Яновскій*» — и дарственным автографом на лицевой стороне фотографии: «*Ө. М. и А. Г. Достоевскимъ отъ искренно и неизмѣнно любящаго ихъ и преданнаго имъ С. Яновскаго. 2/14. 72. Кіевъ*»⁴⁸ (В «Летописи...» дата не отмечена).

Илл. 19. Вильгельм Вольфзон. (Фотография R. Eich. Дрезден, нач. 1860-х гг.)⁴⁹

Fig. 19. Wilhelm Wolfson. (Photo by R. Eich. Dresden, early 1860s)

Фотография переводчика Вильгельма Вольфзона (1820–1865) на паспорту «Музея памяти Ф. М. Достоевского», с пометой на нем А. Г. Достоевской: «В. М. Вольфзона (так! — П. Ф., М. З.), переводчикъ “Записокъ изъ Мертваго Дома” на нѣмецкій языкъ» — и дарственным автографом на лицевой стороне фотографии: «Ф. М. Достоевскому отъ В. М. Вольфзона».

В. Вольфзон был фактически первым переводчиком Достоевского. В 1846 г. в петербургской немецкоязычной газете «Sankt-Petersburgische Zeitung» в его переводе появились фрагменты романа «Бедные люди» [Летопись; т. 1: 120]. Тогда же он выступил горячим популяризатором творчества молодого Достоевского, опубликовав ряд статей [ДЗ0; т. 1: 478–480]. В 1863 г. Вольфзон перепечатал вновь свой перевод из «Бедных людей» и опубликовал в № 1 «Russische Revue» в Дрездене перевод отрывка из «Записок из Мертвого Дома» вместе со статьей о Достоевском и его новом сочинении [ДЗ0; т. 4: 300]. Дарственный автограф В. Вольфзона свидетельствует об их личном знакомстве (или как минимум личных контактах).

Возможно, в 1863 г. Ф. М. Достоевский и В. Вольфзон встречались в Дрездене, где последний жил с 1850 г. Тогда можно предположить, что В. Вольфзон — то самое «неустановленное лицо», которому адресовано письмо Ф. М. Достоевского от 5 декабря 1863 г. (Этого же мнения придерживается живущая в Дрездене исследовательница О. В. Гроссман). В нем Ф. М. Достоевский выражает адресату и их общему знакомому графу А. К. Толстому благодарность за материальную поддержку, оказанную во время встречи в Дрездене. Достоевский извиняется, что долго не писал, и объясняет это тем, что «дорогой я потерял мой саквояж, а с ним и письмо графа и все адреса всех моих знакомых и здесь и за границей. Улицу и номер Вашего дома в Дрездене я забыл по чрезвычайно слабой моей памяти» [ДЗ0; т. 28: 59]. Далее Ф. М. Достоевский пишет, что в Петербурге «Шмицдорф дал мне адрес, говорил, что дойдет верно» [ДЗ0; т. 28: 59]. Г. Шмицдорф — владелец немецкого книжного магазина в Петербурге [Гринченко]. Что побудило Достоевского обратиться именно к нему? Очевидно то, что его адресат был известным немецким литератором, и если наше предположение о том, что речь идет о В. Вольфзоне, верно, то еще и потому, что в магазине Шмицдорфа должен был продаваться журнал В. Вольфзона «Russische Revue» с указанием адреса редакции. В таком случае оговорка Достоевского («говорил, что дойдет верно») может означать, что письмо было адресовано не прямо в дом В. Вольфзона, а в адрес «Russische Revue».

Достоевский просит адресата рассказать о своих обстоятельствах А. К. Толстому, так как беспокоится, что возникшая из-за этого задержка с возвратом долга скажется на установившихся между ними дружеских отношениях: «Мне было бы слишком тяжело, если такой прекрасный, добрый человек,

который сам первый протянул мне руку, худо обо мне подумает» [Д30; т. 28₂: 59].

Комментаторы письма обращают внимание на одно интересное обстоятельство: «Это письмо свидетельствует о том, что, будучи в Дрездене, Достоевский сделал заем как у адресата, так и у Толстого. Однако в конце письма Достоевский озабочен возвращением долга только Толстому. Из этого можно заключить, что заем, сделанный Достоевским у адресата, был погашен, быть может, еще в Дрездене из суммы, занятой у Толстого» [Д30; т. 28₂: 391]. Если письмо было адресовано В. Вольфзону, то, возможно, деньги, полученные Ф. М. Достоевским от него в Дрездене, представляют собой гонорар за публикацию перевода «Записок из Мертвого Дома», и тогда ясно, почему Ф. М. Достоевский ничего не пишет о своем «заеме» у адресата: в этом случае «заема» как такового не было. Более того, можно допустить, что Ф. М. Достоевский, накануне проигравшийся в Гомбурге, для того и едет в Дрезден, чтобы получить у В. Вольфзона гонорар, а у него встречает А. К. Толстого, который, видя стесненные обстоятельства писателя, также предлагает ему денежную помощь. Слово «одолжили», которое употребляет в начале письма Ф. М. Достоевский, не должно смущать. В речевой конструкции «Вы меня так радушно одолжили» [Д30; т. 28₂: 59] оно может не только означать буквально денежный долг, но и иметь более широкое светское значение: оказали любезность (обратим внимание на эпитет «радушно», редко применяемый к кредиторам).

Любопытно начало письма: «*Mon très cher Monsieur*. Извините, что обращение к Вам написано по-французски. Я не знаю Вашего отчества (имя знаю, а отчества не знаю), а без имени и отчества русское обращение в письме невозможно» [Д30; т. 28₂: 59]. В. Вольфзон родился и вырос в Одессе и длительное время, будучи российским подданным, несомненно, носил отчество. Живя в Германии, он, конечно, именовался уже только Вильгельмом. Если наша гипотеза об адресате письма верна, то можно предположить, что при личном общении в Дрездене звучало только имя Вольфзона, в то же время автограф на фотографии имеет два инициала — «В. М.», что и могло озадачить Ф. М. Достоевского.

Как бы то ни было, фигура В. Вольфзона представляет несомненный интерес для биографов Ф. М. Достоевского, так как появляется в его жизни в важнейшие моменты его судьбы. Ф. М. Достоевский и В. Вольфзон были фактически ровесниками, и это также могло способствовать их человеческому сближению. Однако факт перевода В. Вольфзоном «Записок из Мертвого Дома» и его контактов с Ф. М. Достоевским в «Летописи...» не отражены. Имени В. Вольфзона нет и в справочнике С. В. Белова «Достоевский и его окружение» [Белов].

К мемориальным, скорее всего, относится и фотография Ч. Ч. Валиханова, сделанная в 1860-е гг. в фотоателье М. Б. Тулинова в Санкт-Петербурге⁵⁰. На ней нет никаких дарственных надписей, но есть большая вероятность, что она была подарена Ф. М. Достоевскому в 1861 г. при отъезде Ч. Ч. Валиханова из Петербурга. Датировать фотографию 1861 г. позволяет сопоставление ее с фотографией Ф. М. Достоевского, сделанной в тот же год в том же ателье⁵¹: оба сидят на одном и том же резном деревянном кресле, позади искусственная балюстрада с колонной (на фотографии Ч. Ч. Валиханова — задрапированной занавесом, однако ее основание отчетливо просматривается). Большой соблазн предположить, что фотографии Ф. М. Достоевского и Ч. Ч. Валиханова сделаны в одну фотосессию, как это было когда-то в Семипалатинске.

2) Историко-биографическая часть формировалась А. Г. Достоевской в процессе создания «Музея памяти Ф. М. Достоевского». Она провела большую собирательскую работу. В первую очередь следует отметить портреты членов кружка Петрашевского, лиц из сибирского окружения Достоевского, членов редакции журнала «Время», петербургских знакомых Достоевского 1870-х гг. Перечень лиц можно найти в «Библиографическом словаре...», где они выделены в специальный раздел. Среди этих материалов есть как оригинальные фотографии, так и тиражные пересъемки.

Из большого объема снимков этого раздела обратим внимание на один. Имя Дмитрия Степановича Черненко (1824–1898) отсутствует в справочнике С. В. Белова, так же как и в «Летописи...», тогда как в «Библиографическом указателе...» его фотография числится под № 3291. Она поступила от харьковского профессора, филолога Николая Федоровича Сумцова, который на паспарту под фотографией сделал пояснительные надписи: «*Димитрій Степановичъ Черненко*» — и ниже: «*Д. С. Черненко, инж<енеръ>-архитекторъ, род. въ 1824 {(† 1900)}, съ 1846 г. прослужилъ около 30 лѣтъ въ Сибири городскимъ архитекторомъ въ Тобольской Комиссiи, былъ близокъ къ высшей администраціи по родственнымъ связямъ, былъ лично близкимъ съ Достоевскимъ. {И} какъ прекрасный человекъ помогаль ему и выхлопоталь переводъ его въ другую лучшую камеру, подъ предлогомъ перестройки прежней. Профессоръ Н. Ѳ. Сумцовъ*»⁵².

3) Типологическая часть на сегодняшний день остается пока самой проблемной с точки зрения атрибутирования (107 предметов). Отсутствие подписей и невозможность установить сходство с кем-то из известных персонажей не позволяет помещать эти фотографии ни в раздел родственников, ни в раздел друзей и знакомых. К сожалению, ни поиск в архивах, ни цифровое распознавание лиц пока не дали результата: если это были люди не публичные, то они могли не оставить после себя заметных следов. На большой группе фотографий на обороте в верхнем левом углу черными

чернилами (скорее всего, А. Г. Достоевской, так как фотографии находились в ее альбомах) проставлены номера. Однако списка имен, с которым бы можно было соотнести эти номера, пока обнаружить не удалось. Поиск этого списка — одна из насущных задач, стоящих перед хранителями фонда Ф. М. Достоевского в ГМИРЛИ.

Места, связанные с биографией Ф. М. Достоевского (351 предмет). В этом разделе представлены виды Москвы, Дарового, дачи в Люблино под Москвой, Санкт-Петербурга, Омска, Кузнецка, Семипалатинска, Старой Руссы, Оптиной Пустыни, Женевы, Веве, швейцарских пейзажей, Милана, Флоренции, Венеции, Баден-Бадена, Бад-Эмса, Дрездена. Большинство фотографий сделаны в XIX — нач. XX в. и достаточно аутентично отражают Россию и Европу Достоевского. Как и во всех предыдущих случаях, в основе раздела лежат материалы, собранные лично А. Г. Достоевской и присланные в «Музей памяти Ф. М. Достоевского». Их информационную значимость трудно переоценить. Особенно в тех случаях, когда идет речь о фотографиях, сделанных специально по заказу А. Г. Достоевской (интерьеры и дома, в которых жил Достоевский).

Илл. 20. Дача в Люблино, где Ф. М. Достоевский жил летом 1866 г. (2-я пол. XIX в.)⁵³

Fig. 20. Summer house in Lublino, where F. M. Dostoevsky lived in the summer of 1866. (Second half of the XIX century)

Буквально спустя пару месяцев после смерти мужа А. Г. Достоевская подготовила для фиксации интерьер кабинета Ф. М. Достоевского в квартире в Кузнечном переулке, в котором он работал над романом «Братья Карамазовы» и где скончался. Фотохудожник В. Таубе сделал съемку с двух ракурсов⁵⁴. Именно эти фотографии позволили в 1971 г. воссоздать мемориальный кабинет писателя в Литературно-мемориальном музее Ф. М. Достоевского в Ленинграде (Санкт-Петербурге). На обороте обеих фотографий А. Г. Достоевская сделала пояснительные надписи:

«Фотографія, снятая съ кабинета Ф. М. Достоевскаго, въ которомъ онъ скончался, въ Апрельъ или Мартъ 1881 года. Квартира помѣщалась на углу Кузнечнаго переулка и Ямской, въ домъ Клинокострема. Кабинетъ выходилъ двумя окнами на Кузнечный переулокъ.»

Описаніе комнаты: Письменный столъ, на которомъ былъ оконченъ ром<анъ> «Братья Карамазовы» и написанъ предсмертный «Дневникъ». Передъ снятіемъ фотографіи вся комната, равно какъ и письменный столъ, была приведена въ тотъ видъ, въ какомъ всегда была при покойномъ. На столъ стоитъ ея (так. — П. Ф., М. З.) чернильница и два подсвѣчника, наложены газеты и книги, какъ онъ любилъ ихъ класть. Стоитъ стаканъ чаю, какъ всегда бывало. Надъ письм<еннымъ> столомъ виситъ портретъ самаго Федора Михайловича (1862–63?) и овальные портреты его дѣтей отъ 1879. На этажеркѣ стоитъ портретъ его жены, А. Гр. Достоевской. Кресло въ русскомъ стилѣ, стоящее между столомъ и этажеркой было куплено въ знаменательный день объявленія Восточной Войны⁵⁵».

«Фотографія, снятая съ кабинета Федора Михайловича Достоевскаго послѣ его смерти, въ Мартъ или Апрельъ 1881 г.»

Диванъ, служившій Федору Михайловичу постелью и на которомъ онъ скончался. Надъ диваномъ висѣла большая фотографія съ Сикстинской Мадонны, картина, которою (так. — П. Ф., М. З.) покойный ставилъ выше всѣхъ картинъ въ міръ. Фотографія эта была подарена Федору Михайловичу графиней С. А. Толстою, вдовою поэта А. К. Толстаго⁵⁶.

Фотографія В. Таубе, Невскій, близъ Николаевской».

Точно так же был впоследствии зафиксирован интерьер дома в Старой Руссе.

Благодаря трудам А. Г. Достоевской сохранились виды домов, в которых Ф. М. Достоевский жил во время европейских скитаний. Для этого она совершила ряд поездок по памятным ей местам, заказывая фотографии или покупая фирменные фотографии достопримечательностей (например, виды Милана, Венеции, Флоренции). Среди них есть уникальные, такие как вид минерального источника в Бад-Эмсе⁵⁷ — подобного вида нет даже в немецких собраниях.

Илл. 21. Гостевой дом «Haus Algier»,
в котором Ф. М. Достоевский жил в Бад-Эмсе.
(2-я пол. XIX в.)⁵⁸

Fig. 21. of I. G. Snitkina with a gift, where F. M. Dostoevsky
lived in Bad Ems. (Second half of the XIX century)

На многих фотографиях рукой А. Г. Достоевской сделаны пометы биографического характера (например: «Домъ, въ которомъ 14 сентября 1869 года родилась дочь *Θ. М. Достоевскаго, Любовь Ѳеодоровна. Комната находилась въ третьемъ этажъ, балконъ, гдѣ нач<инается> вывѣска: Privat-Telefon*»⁵⁹). Часто она дает содержательные пояснения, связанные с характером восприятия того или иного места Ф. М. Достоевским (например: «Видъ Миланскаго Собора, который *Θ. М. Достоевскій* признавалъ за одно изъ величайшихъ произведеній архитектуры. *Il Duoto / Di Piazza*»⁶⁰ — или: «Садъ Боболи во Флоренціи, въ которомъ любилъ прогуливаться *Θ. М. Достоевскій* во время пребыванія во Флоренціи въ 1868–69 гг.»⁶¹).

Надо отдать должное мужеству Анны Григорьевны: формируя свою коллекцию, она не обошла и травматичные для нее ситуации. В фонде

ГМИРЛИ хранятся две фотографии, связанные с короткой жизнью их с Ф. М. Достоевским первенца Сони. На одной, как свидетельствует подпись, снят «Дом в Женеве, rue de Mont-Blanc. {B} 1868 здесь жил Ф. М. Достоевский и здесь же родилась его старшая дочь Софья»⁶². На другой фотографии изображен дом, в котором Соня умерла, о чем свидетельствует надпись на обороте: «Комната, в которой умерла старшая дочь Ф. М. Достоевского, Софья Федоровна в Мать 1868 года. Квартира находилась во втором этаже на углу, там где вывеска “Modes”. Из окна вид на оба моста Женевы»⁶³.

Из более поздних поступлений надо назвать серию фотографий с видами Кузнецка начала XX в., предположительно полученных от В. Ф. Булгакова⁶⁴. На них засняты виды города: общая панорама, Большая (позже Полицейская, с 1906 г. — Достоевского) улица, на которой стоял дом, где жила М. Д. Исаева, сам дом, Одигитриевская церковь, в которой венчались Ф. М. Достоевский и М. Д. Исаева, а также дом, в котором, по мнению местных краеведов, жил Н. Б. Вергунов. Серия уникальная, аналогов этих фотографий нет даже в Новокузнецком краеведческом музее.

Значительный комплекс фотографических материалов в фонде ГМИРЛИ относится к рецепции творчества Ф. М. Достоевского в театре (836 предметов), кинематографе (44), книжной иллюстрации (309) и музейной практике (268). В большинстве своем это уникальные снимки, представляющие несомненную историко-культурную ценность, однако имеющие отношение уже не к биографии Ф. М. Достоевского, а к его творчеству — жизни его героев и образов.

Примечания

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90018 («Неизвестные и малоизвестные источники биографии Ф. М. Достоевского в собрании Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля»).

1 См.: [Федор Михайлович Достоевский...], [Образ Достоевского...], [Гроссман], [Селезнев], [Сараскина], [Волгин], [Пономарева], [Иванов-Натов].

2 Фотография монохромная на паспорту. Фотобумага, картон, бумага муаровая, альбуминовая печать, тиснение, лак. 12,0 x 8,7 (изображение); 16,4 x 11,3 (паспорту). ГМИРЛИ. КП 34880.

3 ГМИРЛИ. ОРФ. Ф. 81. Оп. 1. Ед. хр. 138.

4 Там же.

5 Там же.

6 Русская фотография. Москва, 1866. Фотография монохромная на паспорту. Фотобумага, картон, альбуминовая печать. 16,0 x 12,0 (обе фотографии); 25,5 x 33,8 (паспорту). ГМИРЛИ. КП 34879/1–2.

7 ГМИРЛИ. КП 56717.

8 ОР РГБ. Ф. 93. III. 10. 02. Л. 13 об. – 14. Благодарим за помощь Т. В. Панюкову.

9 ГМИРЛИ. КУ 3899/32. «Раб. фотогр. “Звезда”. Москва. 1879» [Библиографический указатель: 245].

- 10 ГМИРЛИ. КУ 3899/9. «Раб. Лушева. СПб. 1881» [Библиографический указатель: 246].
- 11 ГМИРЛИ. КУ 3899/6. «Работы Везенберга. СПб. 1890» [Библиографический указатель: 251].
- 12 ГМИРЛИ. КУ 3899/27. «Заграничной работы. 1890» [Библиографический указатель: 251].
- 13 ГМИРЛИ. КУ 3900/1287.
- 14 То же.
- 15 Там же.
- 16 Цит. по.: [Описание рукописей...: 182].
- 17 «Русская фотография в Москве». Москва, 1860-е. Фотография монохромная на фирменной подложке. Фотобумага, картон, альбуминовая печать. 10,5 x 6,5. На обороте рукой А. М. Достоевского: «*Ольга Яковлевна Нечаева*». ГМИРЛИ. КП 36985.
- 18 Москва, нач. 1850-х. Фотография монохромная на паспорту. Фотобумага, картон, альбуминовая печать. 9,0 x 5,6 (фотография); 10,5 x 6,2 (паспорту). ГМИРЛИ. КП 35716/58.
- 19 Первые общедоступные фотографии И. Страхова. Москва, 1860-е. Фотография монохромная на фирменном паспорту. Фотобумага, картон, альбуминовая печать. 8,5 x 5,2. (фотография); 10,5 x 6,2 (паспорту). ГМИРЛИ. КП 36989.
- 20 Фотография монохромная на фирменном паспорту. Фотобумага, картон, альбуминовая печать. 8,8 x 5,4 (фотография); 9,9 x 5,8 (паспорту). ГМИРЛИ. КП 35716/26.
- 21 Фотография монохромная на фирменном паспорту. Фотобумага, картон, альбуминовая печать. 8,7 x 5,7 (фотография); 10,2 x 6,2 (паспорту). ГМИРЛИ. КП 35716/28.
- 22 Фотография монохромная на фирменном паспорту. Из альбома, принадлежавшего А. Г. Достоевской. Фотобумага, картон, альбуминовая печать. 9,0 x 5,3 (фотография); 10,3 x 6,2 (паспорту). ГМИРЛИ. КП 35716/25.
- 23 Фотография монохромная на фирменном паспорту. Фотобумага, картон, альбуминовая печать. 9,2 x 5,4 (фотография); 10,7 x 6,5 (паспорту). ГМИРЛИ. КП 35716/16.
- 24 Санкт-Петербург, 1870-е. Фотография монохромная на паспорту. Из собрания А. Г. Достоевской. Фотобумага, картон, альбуминовая печать, лак. 9,0 x 5,5 (фотография); 18,0 x 13,0 (паспорту). ГМИРЛИ. КП 35714/19.
- 25 1) Санкт-Петербург, 1863. Из альбома, принадлежавшего А. Г. Достоевской. Фотобумага, картон, альбуминовая печать. 8,7 x 5,6 (фотография); 8,7 x 9,1 (паспорту). ГМИРЛИ. КП 35716/541; 2) Фотография Лушева. Санкт-Петербург. Фотография монохромная на фирменном паспорту. Из альбома, принадлежавшего А. Г. Достоевской. Фотобумага, картон, альбуминовая печать. 8,8 x 5,5 (фотография); 10,0 x 6,0 (паспорту). ГМИРЛИ. КП 39211.
- 26 Фотография монохромная на паспорту. Из альбома, принадлежавшего А. Г. Достоевской. Фотобумага, картон, бумага, лейкопластырь на тканевой основе, альбуминовая печать, клей. 2,4 x 1,9 (в свету); 3,2 x 2,3 (фотография, овал); 10,5 x 6,5 (паспорту). ГМИРЛИ. КП 35716/542.
- 27 Санкт-Петербург, 1881. Фотография монохромная на паспорту. Фотобумага, картон, альбуминовая печать. 21,5 x 26,5 (фотография), 3262 x 4767 (паспорту). КП 34363. Существует вариант, где А. Г. Достоевская с детьми стоят возле могилы Ф. М. Достоевского в группе с Е. А. Рыкачевой (дочерью А. М. Достоевского), С. С. Кашпиревой (издательницей журнала «Семейные вечера»), супругами П. А. и Н. М. Исаевыми, И. Г. Сниткиным и Н. Н. Страховым.
- 28 Фотография И. Грюнберга. Санкт-Петербург, 1883. Фотография монохромная на фирменном паспорту. Фотобумага, картон, альбуминовая печать. 13,5 x 9,9 (фотография); 16,3 x 10,3 (паспорту). ГМИРЛИ. КП 39611 и КП 35714/21 (два экземпляра).

- 29 Фотография И. Грюнберга. Санкт-Петербург, 1883. Фотография монохромная на фирменном паспорту. Фотобумага, картон, альбуминовая печать. 25,6 x 20,2. ГМИРЛИ. КП 39213.
- 30 Фотография Ф. П. Орлова. Ялта, [кон. 1880-х]. На паспорту, внизу справа тисненый штамп: «Фот. Орлова. Ялта». На обороте паспорту карандашом надпись Л. Б. Модзалевского: «*Центр. Литерат. Музею дар Л. Б. Модзалевского*»; ниже рукой не установленного лица, в старой орфографии: «*Дача Анны Григ<орьевны> Достоевской въ Крыму. А. Г. съ дочерью Любовью у дачи*». 19,7 x 24,7; 30,1 x 39,8 (паспорту). Дар Л. Б. Модзалевского. 1935. ГМИРЛИ. КП 50948/885.
- 31 Фотография монохромная на фирменном паспорту. Фотобумага, картон, альбуминовая печать. 9,0 x 5,6 (фотография); 10,6 x 6,4 (паспорту). ГМИРЛИ. КП 35715/2, 35715/3 и 35716/13.
- 32 Фотография монохромная на фирменном паспорту. Фотобумага, картон, альбуминовая печать. 9,1 x 5,2 (изображение); 10,6 x 6,4 (паспорту). ГМИРЛИ. КП 39714.
- 33 Там же.
- 34 Фотография монохромная на фирменном паспорту. Из альбома, принадлежавшего А. Г. Достоевской. Фотобумага, картон, альбуминовая печать. 8,8 x 5,5 (фотография); 10,2 x 6,0 (паспорту). ГМИРЛИ. КП 35716/14.
- 35 Фотография монохромная на фирменном паспорту. Из альбома, принадлежавшего А. Г. Достоевской. Фотобумага, картон, альбуминовая печать. 8,6 x 5,3 (фотография); 10,5 x 5,8 (паспорту). ГМИРЛИ. КП 35716/15.
- 36 Там же.
- 37 Фотография монохромная на фирменном паспорту. Фотобумага, картон, альбуминовая печать. 10,1 x 13,5 (фотография); 11,2 x 14,2 (паспорту). ГМИРЛИ. КП 35716/462. См. также КП 35714/30 (11,2 x 16,7 — паспорту).
- 38 Фотография Т. Лимберга. Санкт-Петербург, нач. 1870-х. Фотография монохромная на фирменном паспорту. Фотобумага, картон, альбуминовая печать. 9,3 x 5,5 (фотография), 10,7 x 6,5 (паспорту). ГМИРЛИ. КП 33721.
- 39 Фотоателье Karl Azazim. Дрезден, 1871. Фотография монохромная на фирменном паспорту. Фотобумага, картон, альбуминовая печать. 9,4 x 5,8 (фотография); 10,2 x 6,3 (паспорту). ГМИРЛИ. КП 35715/6; фотоателье Андерсона. Санкт-Петербург, 1870-е. Фотография монохромная на фирменном паспорту. Фотобумага, картон, альбуминовая печать. 5,7 x 4,0 (изображение, овал); 8,7 x 5,3 (фотография); 10,3 x 6,5 (паспорту). ГМИРЛИ. КП 33725.
- 40 Фотография Н. Лоренковича. Старая Русса, 1878. Фотография монохромная на фирменном паспорту. Фотобумага, картон, альбуминовая печать. 14,1 x 9,9 (фотография); 17,0 x 11,0 (паспорту). ГМИРЛИ. КП 35716/70.
- 41 ГМИРЛИ. КП 35716/64–66.
- 42 Санкт-Петербург, 1877. Фотография монохромная на паспорту. Фотобумага, картон, альбуминовая печать. 8,5 x 5,2 (фотография). 18,1 x 13,2 (паспорту). ГМИРЛИ. КП 35714/31.
- 43 Фотография монохромная на паспорту. Фотобумага, картон, альбуминовая печать. 8,5 x 5,2 (фотография); 9,6 x 5,6 (паспорту). ГМИРЛИ. КП 33724.
- 44 Б. м. 1930-е. Фотобумага. 10 x 15. ГМИРЛИ. КУ 3900/48.
- 45 Ателье М. Б. Тулинова. Москва, 1864 (?). Фотография монохромная на паспорту. Из собрания А. Г. Достоевской. Фотобумага, картон, альбуминовая печать. 9,1 x 6,0. ГМИРЛИ. КП 35714/116.

- 46 Фотоателье «Светопись бывшая Левицкого». Санкт-Петербург, 1860–1861. Фотография монохромная на паспарту. Фотобумага, картон, альбуминовая печать. 8,6 x 5,5. ГМИРЛИ. КП 35714/117.
- 47 То же. Там же. КП 35716/165.
- 48 Фотография монохромная на паспарту. Из собрания А. Г. Достоевской. Фотобумага, картон, альбуминовая печать. 6,0 x 4,6 (изображение, овал); 9,0 x 5,4 (в свету); 18,1 x 13,2 (паспарту). ГМИРЛИ. КП 35714/82.
- 49 Фотография R. Eich. Дрезден, 1860-е. Фотография монохромная на фирменном паспарту. Из собрания А. Г. Достоевской. Фотобумага, картон, альбуминовая печать, золотая краска. 8,2 x 4,9 (в свету); 10,4 x 6,3 (фотография); 14,2 x 10,3 (паспарту). ГМИРЛИ. КП 35714/67.
- 50 Фотография М. Б. Тулинова. Санкт-Петербург, 1861. Фотография монохромная на паспарту. Фотобумага, картон, альбуминовая печать, золотая краска. 8,2 x 4,9. ГМИРЛИ. КП 35716/485.
- 51 Портрет Ф. М. Достоевского хранится в Литературном музее ИРЛИ (Пушкинского Дома) РАН №№ 28611 и 23234/37 [Описание рукописей...: 91].
- 52 Фотография Н. Дурново. Харьков, кон. XIX в. Из собрания А. Г. Достоевской. 9,0 x 5,4; 10,5 x 6,5; 25,0 x 18,8. ГМИРЛИ. КП 35716/164.
- 53 Фотография монохромная в паспарту. Из собрания А. Г. Достоевской. Фотобумага, бумага, альбуминовая печать, тиснение. 8,0 x 10,1 (фотография); 10,8 x 12,8 (паспарту). ГМИРЛИ. КП 35715/33.
- 54 Фотография В. Таубе. Санкт-Петербург, 1881. Фотография монохромная на паспарту. Из собрания А. Г. Достоевской. Фотобумага, картон, альбуминовая печать. 21,3 x 16,4 (фотография); 28,0 x 19,2 (паспарту). ГМИРЛИ. КП 35714/132 — 133.
- 55 Россия объявила войну Турции 12 (24) апреля 1877 г. В апрельском выпуске «Дневника Писателя» за 1877 г. в первом пункте «Война. Мы всех сильнее» первой главы Достоевский свидетельствует: «Когда раздалось царское слово, народ хлынул в церкви, и это по всей земле русской. Когда читали царский манифест, народ крестился, и все *поздравляли* друг друга с войной. Мы это сами видели своими глазами, слышали, и всё это даже здесь в Петербурге» [Д30; т. 25: 94]. А. Г. Достоевская вспоминала: «Манифест давно ожидали, но теперь объявление войны стало совершившимся фактом. Прочитав манифест, Федор Михайлович велел извозчику везти нас к Казанскому собору. В соборе было немало народу и служили непрерывные молебны перед иконой Казанской Божьей Матери. Федор Михайлович тотчас скрылся в толпе. Зная, что в иные торжественные минуты он любит молиться в тиши, без свидетелей, я не пошла за ним и только полчаса спустя отыскала его в уголке собора, до того погруженного в молитвенное и умиленное настроение, что в первое мгновение он меня не признал. <...> Манифест муж мой отложил в число своих важных бумаг, и он находится в его архиве». [Достоевская А. Г., 1987: 339–340]. Факт покупки кресла в «Летописи...» не зафиксирован.
- 56 Из «Воспоминаний» А. Г. Достоевской: «Как-то раз Федор Михайлович, говоря с графиней о Дрезденской картинной галерее, высказал, что в живописи выше всего ставит Сикстинскую мадонну, и, между прочим, прибавил, что, к его огорчению, ему все не удастся привезти из-за границы хорошую большую фотографию с Мадонны, а здесь достать такую нельзя. <...> Прошло недели три после этого разговора, как в одно утро, когда Федор Михайлович еще спал, приезжает к нам Вл. С. Соловьев и привозит громадный

картон, в котором была заделана великолепная фотография с Сикстинской мадонны в натуральную величину, но без персонажей, Мадонну окружающих.

Владимир Сергеевич, бывший большим другом графини Толстой, сообщил мне, что она списалась с своими Дрезденскими знакомыми, те выслали ей эту фотографию, и графиня просит Федора Михайловича принять от нее картину “на добрую память”. Это случилось в половине октября 1879 года, и мне пришло на мысль тотчас вставить фотографию в раму и порадовать ею Федора Михайловича в день его рождения, 30 октября. <...> Я просила Владимира Сергеевича передать графине мою сердечную благодарность за ее добрую мысль, а вместе с тем предупредить, что Федор Михайлович не увидит ее подарка ранее дня своего рождения. Так и случилось: накануне 30-го прекрасная, темного дуба резная рама со вставленною в нее фотографией была доставлена переплетчиком и вбит для нее гвоздь в стену, прямо над диваном (постелью Федора Михайловича), где всего лучше выдавались на свету все особенности этого *chef-d’oeuvre*.

Утром, в день нашего семейного праздника, когда Федор Михайлович ушел пить чай в столовую, картина была повешена на место <...>. Каково же было удивление и восторг Федора Михайловича, когда глазам его представилась столь любимая им Мадонна! “Где ты могла ее найти, Аня?” — спросил Федор Михайлович, полагая, что я ее купила. Когда же я объяснила, что это подарок графини Толстой, то Федор Михайлович был тронут до глубины души ее сердечным вниманием и в тот же день поехал благодарить ее» [Достоевская А. Г., 1987: 377–378].

57 Бад-Эмс. Конец XIX в. Фотография монохромная на паспарту. Фотобумага, картон, альбуминовая печать. 8,8 x 5,9 (фотография); 10,4 x 6,5 (первое паспарту); 18,2 x 13,3 (второе паспарту). ГМИРЛИ. КУ 3899/131.

58 Фотография монохромная. Из собрания А. Г. Достоевской. ГМИРЛИ. КП 35715/60.

59 ГМИРЛИ. КП 35715/62.

60 ГМИРЛИ. КУ 3899/143.

61 ГМИРЛИ. КУ 3899/147.

62 ГМИРЛИ. КП 35714/123.

63 ГМИРЛИ. КП 38177.

64 ГМИРЛИ. КУ 3900/452–461 (кроме КУ 3900/453 — вид Семипалатинска).

Список литературы

1. Волгин И. Л. Пропавший заговор: Достоевский и политический процесс 1849 г. — М.: Либерея, 2000. — 704 с.
2. Гринченко Н. А. Деятельность книжной фирмы Г. Шмицдорфа в Петербурге (1860–1880 гг.) // Книга. Исследования и материалы [=Book. Researches and materials] / Всесоюз. кн. палата. — Сб. 68. — М.: Наука, 1994. — С. 314–319.
3. Гроссман Л. П. Достоевский. — М.: Молодая гвардия, 1962. — 544 с. (Сер. «Жизнь замечательных людей»; вып. 4 (357))
4. [Достоевская А. Г.] Библиографический указатель сочинений и произведений искусства, относящихся к жизни и деятельности Ф. М. Достоевского, собранных в «Музее памяти Ф. М. Достоевского» в Московском историческом музее имени императора Александра III. 1846–1903 / сост. А. Достоевская. — СПб.: Тип. П. Ф. Пантелеева, 1906. — 392 с.
5. Достоевская А. Г. Воспоминания / подгот. текста и примеч. С. В. Белова, В. А. Туниманова. — М.: Правда, 1987. — 544 с.

6. Достоевская А. Г. Дневник 1867 года / подгот. текста и примеч. С. В. Житомирской. — М.: Наука, 1993. — 456 с. (Сер. «Литературные памятники»)
7. Достоевская А. Г. Музей памяти Федора Михайловича Достоевского в Императорском российском историческом музее имени Александра III в Москве. 1846–1903 гг. / сост. А. Достоевская. С портретами и видами. — СПб.: Тип. П. Ф. Пантелеева, 1906. — 394 с.
8. Достоевская Л. Ф. Достоевский в изображении своей дочери / пер. с нем. Е. С. Кибардиной; вступ. ст., подгот. текста и примеч. С. В. Белова. — СПб.: Андреев и сыновья, 1992. — 245 с.
9. Достоевский А. М. Из «Воспоминаний» // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников / сост. и коммент. К. Тюнькина. — М.: Худож. лит., 1990. — Т. 1. — С. 29–162.
10. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1972–1990. [Д30]
11. Иванов-Натов А. И. Иконография Ф. М. Достоевского. — Bayville: TZP, 1981. — 144 с.
12. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. 1821–1881: в 3 т. — СПб.: Академический проект, 1993–1999.
13. Образ Достоевского в фотографиях, живописи, графике, скульптуре / отв. ред. Н. Т. Ашимбаева. — СПб.: Кузнечный переулок, 2009. — 232 с.
14. Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома. — Т. 5: И. А. Гончаров, Ф. М. Достоевский. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. — 289 с.
15. Пономарева Г. Б. Достоевский: я занимаюсь этой тайной. — М.: Русский Миръ, 2018. — 447 с.
16. Сараскина Л. И. Достоевский. — М.: Молодая гвардия, 2011. — 824 с. (Сер. «Жизнь замечательных людей»; вып. 1320)
17. Селезнев Ю. Н. Достоевский. — М.: Молодая гвардия, 1981. — 543 с. (Сер. «Жизнь замечательных людей»; вып. 16 (621))
18. Федор Михайлович Достоевский в портретах, иллюстрациях, документах / под ред. В. С. Нечаевой. — М.: Просвещение, 1972. — 447 с.

Maria A. Zusmanovich

*The V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature
(Moscow, Russian Federation)*

tsahes@gmail.com

Pavel E. Fokin

*The V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature,
(Moscow, Russian Federation)*

pfokin@mail.ru

F. M. Dostoevsky: Biography in Photographs

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR, project number № 18-012-90018.

Abstract. The collection of photographic materials of The Vladimir Dahl State Museum of the History of Russian Literature, related to the life and work of F. M. Dostoevsky, is the largest such collection and currently includes 2540 items. The collection of photographs is based on the memorial collection of A. G. Dostoevskaya from the Memorial Museum of F. M. Dostoevsky. In the 1930s, it was transferred to the F. M. Dostoevsky Museum, established in Moscow in 1928, and after its merge with the State Literary Museum in 1940 (since 2017 — The Vladimir Dahl State Museum of the History of Russian Literature), it became a part of its photography collection. The compendium of photographs related to the life and work of Fedor Dostoevsky continued to grow in the following years. The article provides a comprehensive description of the collection of photos based on two main criteria: by the type of material — original photos, reshot photos, duplicate photos; by genre and thematic content of the images — portraits of F. M. Dostoevsky, portraits of relatives, portraits of children of F. M. Dostoevsky, nephews, descendants, portraits of friends, acquaintances, contemporaries, sights of places related to the biography of F. M. Dostoevsky. The article analyzes the accompanying inscriptions and autographs on the photographs, specifies the dating and location of the images, which allows to make corrections and additions to the Chronicle of the life and work of F. M. Dostoevsky. Based on a comparative analysis of the translator's gift autograph on his photo, the facts of F. M. Dostoevsky's biography, and the analysis of F. M. Dostoevsky's letter to an unidentified person dated December 5, 1863, an assumption is made that the addressee of the letter is W. Wolfzon.

Keywords: F. M. Dostoevsky, A. G. Dostoevskaya, W. Wolfzon, biography, photographs, memorials, The V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature

About the authors: *Zusmanovich Maria A.* — Curator of the XIX century Photography Fund of Fine Art Funds, The V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature (State Literary Museum) (Trubnikovskiy per. 17, str. 1, Moscow, 121069, Russian Federation); *Fokin Pavel E.* — PhD in Philology, Head of Department "Museum-apartment of F. M. Dostoevsky", The V. I. Dahl State Museum of the History of Russian Literature (State Literary Museum) (Trubnikovskiy per. 17, str. 1, Moscow, 121069, Russian Federation).

Received: July 1, 2020

Date of publication: September 30, 2020

For citation: Zusmanovich M. A., Fokin P. E. F. M. Dostoevsky: Biography in Photographs Pushkin. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 3, pp. 114–148. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4802 (In Russ.)

References

1. Volgin I. L. *Propavshiy zagovor: Dostoevskiy i politicheskiy protsess 1849 goda* [Missing Plot: Dostoevsky and State Trial of 1849]. Moscow, Libereya Publ., 2000. 704 p. (In Russ.)
2. Grinchenko N. A. Activity of the Book Firm of G. Schmitzdorf in St. Petersburg (1860–1880). In: *Kniga. Issledovaniya i materialy* [Book. Researches and Materials]. Moscow, Nauka Publ., 1994, col. 68, pp. 314–319. (In Russ.)
3. Grossman L. P. *Dostoevsky*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1962. 544 p. (Ser. “Life of Outstanding People”; issue 4 (357)). (In Russ.)
4. Dostoevskaya A. G. *Bibliograficheskiy ukazatel' sochineniy i proizvedeniy iskusstva, otnosyashchikhsya k zhizni i deyatel'nosti F. M. Dostoevskogo, sobrannykh v «Muzee pamyati F. M. Dostoevskogo» v Moskovskom Istoricheskom muzee imeni imperatora Aleksandra III. 1846–1903* [A Bibliographic Index of Writings and Works on Art Related to Life and Work of F. M. Dostoevsky, Kept in the Dostoevsky Memorial Museum in the Imperial Russian Historical Museum Named After Emperor Alexander III in Moscow. 1846–1903]. St. Petersburg, Tipografiya P. F. Panteleeva Publ., 1906. 392 p. (In Russ.)
5. Dostoevskaya A. G. *Vospominaniya* [Memories]. Moscow, Pravda Publ., 1987. 544 p. (In Russ.)
6. Dostoevskaya A. G. *Dnevnik 1867 goda* [Diary for the Year 1867]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 454 p. (Ser. “Literary Monuments”). (In Russ.)
7. Dostoevskaya A. G. *Muzey pamyati Fedora Mikhaylovicha Dostoevskogo v Imperatorskom rossiyskom istoricheskom muzei imeni Aleksandra III v Moskve. 1846–1903 gg* [The Dostoevsky Memorial Museum in the Imperial Russian Historical Museum Named After Emperor Alexander III in Moscow. 1846–1903]. St. Petersburg, Tipografiya P. F. Panteleeva Publ., 1906. 394 p. (In Russ.)
8. Dostoevskaya L. F. *Dostoevskiy v izobrazhenii svoey docheri* [Dostoevsky as Figured by His Daughter L. Dostoevskaya]. St. Petersburg, Andreev i synov'ya Publ, 1992. 245 p. (In Russ.)
9. Dostoevskiy A. M. From the “Memoirs”. In: *F. M. Dostoevskiy v vospominaniyakh sovremennikov* [F. M. Dostoevsky in the Memoirs of His Contemporaries]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990, vol. 1, pp. 29–162. (In Russ.)
10. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [The Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
11. Ivanov-Natov A. I. *Ikonografiya F. M. Dostoevskogo* [Iconography of F. M. Dostoevsky]. Bayville, TZP Publ., 1981. 144 p. (In Russ.)
12. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo. 1821–1881: v 3 tomakh* [The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works. 1821–1881: in 3 Vols]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1993–1999. (In Russ.)
13. *Obraz Dostoevskogo v fotografiyakh, zhivopisi, grafike, skulpture. Al'bom* [The Image of Dostoevsky in Photos, Paintings, Drawings, Sculpture. (Album)]. St. Petersburg, Kuznechnyy pereulok Publ., 2009. 232 p. (In Russ.)
14. *Opisanie rukopisey i izobrazitel'nykh materialov Pushkinskogo Doma* [Description of Manuscripts and Graphic Materials of the Pushkin House]. Moscow, Leningrad, The Russian Academy of Sciences Publ., 1959, vol. 5: Ivan Goncharov and Fedor Dostoevsky. 289 p. (In Russ.)
15. Ponomareva G. B. *Dostoyevskiy: Ya zanimayus' etoy taynoy* [Dostoevsky: I Deal with This Secret]. Moscow, Russkiy Mir Publ., 2018. 447 p. (In Russ.)
16. Saraskina L. I. *Dostoevsky*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2011. 824 p. (Ser. “Life of Outstanding People”; issue 1320). (In Russ.)

17. Seleznev Yu. I. *Dostoevsky*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1981. 543 p. (Ser. "Life of Outstanding People"; issue 16 (621)). (In Russ.)
18. *Fedor Mikhaylovich Dostoevskiy v portretakh, illyustratsiyakh, dokumentakh* [*Fedor Mikhailovich Dostoevsky in Portraits, Illustrations, Documents*]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1972. 447 p. (In Russ.)

DOI: 10.15393/j10.art.2020.4781
УДК 821.161.1.09“18”

В. В. Борисова

*Башкирский государственный педагогический
университет им. М. Акмуллы
(Уфа, Российская Федерация)*
borisova@ufacom.ru

С. С. Шаулов

*Государственный музей истории
российской литературы имени В. И. Даля
(Москва, Российская Федерация)*
sschaulov@gmail.com

«Клуб червонных валетов» в романе Ф. М. Достоевского «Подросток»*

Аннотация. В статье в рамках реального и историко-литературного комментария рассмотрен криминальный сюжет в романе Ф. М. Достоевского «Подросток», во многом имеющий отношение к фактам и лицам, причастным к «делу о куманинском наследстве». Оно оказалось «несчастливым» и «заколдованным» по причине изначальной криминальной подоплеку, связанной с деятельностью преступного сообщества 1870-х гг. — «Клуба червонных валетов». Его членом был Александр Тимофеевич Неофитов, первый душеприказчик А. Ф. Куманиной. Как можно предположить, он стал прототипом главаря «шайки», в которую входили Ламберт, Стебельков и другие «хитрые мошенники», изображенные в романе. К «червонным валетам» принадлежал и князь Всеволод Алексеевич Долгоруков, ставший мещанином, что могло навести Достоевского на мысль дать созвучную фамилию герою-Подростку. В статье, наряду с новыми фактами об отражении типичных черт В. А. Долгорукова в образе молодого князя Сокольского, приводятся неучтенные ранее литературные источники романа «Подросток»: это популярные в России второй половины XIX века романы французского писателя Понсона дю Террайля «Клуб червонных валетов» и «Тайны Парижа». Их персонажи — госпожа Сент-Альфонс, или Альфонсина, участница интриг с компрометирующими бумагами, и капитан Ламберт, воплощение всех человеческих пороков, — прототипы одноименных героев Достоевского. Все это позволило сделать вывод о целенаправленной художественной контаминации в романе «Подросток» историко-биографического нарратива, актуальной уголовной хроники и литературной традиции.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Подросток», «Клуб червонных валетов», А. Т. Неофитов, В. А. Долгоруков, Понсон дю Террайль, комментарий

Об авторах: *Борисова Валентина Васильевна* — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (ул. Октябрьской революции, 3/а, г. Уфа, Российская Федерация, 450008); *Шаулов Сергей Сергеевич* — кандидат филологических наук, зав. отделом «Дом-музей М. Ю. Лермонтова», Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля (ул. Малая Молчановка, 2, г. Москва, 121069).

Дата поступления: 05.05.2020

Дата публикации: 30.09.2020

Для цитирования: Борисова В. В., Шаулов С. С. «Клуб червонных валетов» в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» // *Неизвестный Достоевский*. — 2020. — № 3. — С. 149–165.
DOI: 10.15393/j10.art.2020.4781

Роман Ф. М. Достоевского «Подросток» во многом связан с фактами и лицами, причастными к «делу о куманинском наследстве». Оно оказалось «несчастливым» и «заколдованным» по причине изначальной криминальной подоплеки, обусловленной деятельностью знаменитого преступного сообщества 1870-х гг. — «Клуба червонных валетов» (см. об этом: [Борисова: 156–167]). Ее отражение в произведении Достоевского нуждается в реальном и историко-литературном комментарии.

В «Клуб червонных валетов» входили представители тогдашней золотой молодежи, которые сперва проявили себя в карточном шулерстве, а закончили мошенническими сделками с ценными бумагами, шантажом и подделкой банковских билетов. «Дело о “червонных валетах”» «стало одним из самых громких судебных процессов в истории Российской империи, так как объединяло в себе несколько особенных черт: испытание введенного института присяжных, большое количество обвиняемых на скамье подсудимых (48 человек), выступления лучших представителей российской адвокатуры. В течение месяца (с 8 февраля по 5 марта 1877 г. — В. Б., С. III.) оно активно освещалось в московской и петербургской прессе» [Лукашкин: 127–128]. В этом же году материалы судебного процесса были выпущены отдельным томом (см.: [Клуб червонных валетов]). Само дело рассматривалось Московским окружным судом несколько лет. Обнаружилось, что на протяжении практически целого десятилетия тянулась непрерывная цепь преступлений, совершенных несколькими группами «в разных местах: и в самой Москве, и вне ее, и в Петербурге, и в провинции, и в глуши» [Клуб...: 201].

Одной из главных фигур в «Клубе червонных валетов» был Александр Тимофеевич Неофитов, любимый крестник Александра Алексеевича Куманина, мужа родной тетки Ф. М. Достоевского, ставший ее первым душеприказчиком. С лета 1865 г. он сидел в Бутырской тюрьме за подделку 5-типроцентных банковских билетов, однако и в ней продолжил свою преступную деятельность, вместе с другими арестантами обеспечивая поставку «на волю» фальшивых денежных знаков. Нашумевшее уголовное дело с участием Неофитова в наибольшей степени отразилось в романе «Преступление и Наказание» (см. об этом: [Коган: 746–747], [Белов: 131–133], [Тихомиров: 216–218], [Борисова: 160–162]).

В романе «Подросток», начатом в феврале 1874-го и законченном в ноябре 1875 г., в самый разгар знаменитого процесса, криминальный сюжет, разработанный писателем под впечатлением от деятельности «червонных валетов», стал, по точному выражению В. Н. Захарова, результатом «романизации» реальных впечатлений и фактов [Захаров: 402]. Способность «романизировать» судебные дела, первоначально отмеченная в «Дневнике Писателя» [Захаров: 404], отличает и романы «великого пятикнижия». В «Подростке» об этом свидетельствуют достаточно «прозрачные» признания

Аркадия Долгорукого, которые по стилю не случайно напоминают свидетельские показания:

«Дело в том, что товарищ моего детства Ламберт очень, и даже прямо, мог бы быть причислен к тем мерзким шайкам мелких пройдох, которые общаются взаимно ради того, что называют теперь шантажом и на что подыскивают теперь в своде законов определения и наказания. Шайка, в которой участвовал Ламберт, завелась еще в Москве и уже наделала там довольно проказ (впоследствии она была отчасти обнаружена). Я слышал потом, что в Москве у них, некоторое время, был чрезвычайно опытный и неглупый руководитель и уже пожилой человек. Пускались они в свои предприятия и всю шайкою и по частям. Производили же, рядом с самыми грязненькими и нецензурными вещами (о которых, впрочем, известия уже являлись в газетах), — и довольно сложные и даже хитрые предприятия под руководством их шефа. Об некоторых я потом узнал, но не буду передавать подробностей»¹.

В этом фрагменте записок Подростка знаменателен ряд фактов: во-первых, настойчиво подчеркивается принадлежность Ламберта к «шайке», «хитрые предприятия» которой подпадали под действие «Свода законов Российской империи», включавшего в себя «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» и «Законы о судопроизводстве по делам о преступлениях и проступках»²; во-вторых, примечательно неоднократное упоминание о «шайке»: именно так, по-русски, назвал сообщество «червонных валетов» помощник прокурора Н. В. Муравьев, выступив с обвинительной речью на последнем заседании Московского окружного суда [Клуб...: 183]; в-третьих, Аркадий, демонстрируя свою осведомленность, уверенно связывает деятельность шайки именно с Москвой, где и возник «Клуб червонных валетов».

Все свидетельства, приведенные рассказчиком, явно соотнесены с известным ему судебным процессом, широко освещавшимся в прессе. И самое главное — характеристика руководителя «шайки» как «чрезвычайно опытного и неглупого» и «уже пожилого человека», на наш взгляд, перекликается с описанием облика Неофитова, сохранившимся в судебном деле: «Неофитов человек более чем средних лет, с продолговатою физиономией, окаймленной черною, местами с проседью бородою, с гладко зачесанными волосами, с спокойными глазами, с степенными манерами. Кажется серьезным человеком, как и подобает быть тюремному старожилу. В его физиономии есть нечто сдержанное» [Клуб...: 163].

В 1877 г. Неофитову было уже 44 года, статусу «тюремного старожил» он вполне соответствовал, отсидев к тому времени в Бутырской тюрьме 12 лет. На суде было доказано его «первенствующее значение» в выявленных преступлениях и «сильное влияние его на окружавших арестантов и совершенное подчинение их его убеждениям, советам и указаниям» [Клуб...: 98].

Можно предположить, что именно А. Т. Неофитов стал прототипом руководителя «шайки», в которую входили Ламберт, Стебельков и другие «хитрые мошенники», изображенные в романе «Подросток».

Одним из «червонных валетов» был князь Всеволод Алексеевич Долгоруков (1850–1912), принадлежавший к одной мошеннической компании с Неофитовым и его сообщниками. «Живя в Москве, Долгоруков выдавал себя за весьма богатого человека, имеющего большие имения, а также за племянника московского генерал-губернатора. Хотя из имеющихся в деле сведений видно, что приговором Московского окружного суда, состоявшимся 27 февраля 1870 года, было определено: князя Всеволода Алексея Долгорукова, признанного присяжными заседателями виновным в мошенничестве, лишить всех особенных прав состояния и заключить в тюрьму на 11/2 месяца. Приговор этот с Высочайшего соизволения обращен к исполнению 11 ноября 1870 года. Приписывая себе не принадлежащие ему свойства, помощью этих средств, а также при посредстве окружавших его лиц <...>, он заключал займы, выдавая векселя, по которым платить был не в состоянии, а также выманивал под видом покупки в кредит, разное движимое имущество» [Клуб...: 39–40]. Будучи хорошо образованным и литературно одаренным человеком, он создал издательскую контору, успев выпустить «Путеводитель по окрестностям Москвы»³. «Под “крышей” <этой> конторы «проворачивались» аферы членов «Клуба червонных валетов» [Всеволод Алексеевич Долгоруков...: 75]. В 1870 г. его лишили княжеского звания и после тюремного заключения выслали из столицы в ссылку в г. Ефремов Тульской губернии. За участие в ряде махинаций «червонных валетов» «бывший князь» Долгоруков, осужденный вторично как мещанин, был отправлен уже в ссылку в Томскую губернию. «Но он сам, да и все его товарищи по тюрьме продолжали величать его князем и вашим сиятельством, одни в насмешку, а другие серьезно» [Всеволод Алексеевич Долгоруков...: 44].

Эффектная перверсия имен и «положений» — *князь Долгоруков / мещанин Долгоруков* — вполне могла навести Достоевского на мысль дать созвучную фамилию герою-Подростку [Пустыгина: 37–53], чтобы подчеркнуть двусмысленность его социального статуса и происхождения. Сам Аркадий говорит: «...ничего нет глупее, как называться Долгоруким, не будучи князем» (Д30; 13: 7).

Двусмысленность происхождения отличала и Всеволода Долгорукова. Его отец — князь Алексей Долгоруков обвинялся в двоебрачии, поскольку вначале женился на дочери купца Анисье Яковлевне Глазуновой-Молчановой, а затем на дочери гвардейского полковника Елизавете Петровне Якимовой, которая в сентябре 1843 г. подала жалобу в Синод по поводу второй женитьбы супруга. Князь же утверждал, что еще в 1839 г. получил сведения о кончине первой жены. 31 августа 1851 г. Синод признал второй брак недействительным. В ноябре детям, прижитым в этом браке, было

высочайше даровано дворянство с фамилией матери, только сын Всеволод получил фамилию отца [Блейк Сара: 248].

Еще очевиднее параллель между князем Всеволодом Алексеевичем Долгоруковым и князем Сергеем Петровичем Сокольским, что отмечено в комментариях к роману. Добавим, что оба были однофамильцами других людей: первый носил одну фамилию с московским генерал-губернатором Владимиром Андреевичем Долгоруковым, второй — фамилию старого князя Сокольского. По мнению Г. Я. Галаган, «сам факт пребывания на скамье подсудимых <...> потомка древнейшего княжеского рода Долгоруких должен был стать предметом широкой устной гласности. Мог быть он известен и Достоевскому. Во всяком случае, история князя В. А. Долгорукого подтверждает характерность тех симптомов “разложения” в среде дворянства, о которых свидетельствует Достоевский образом молодого Сокольского» (Д30; 17: 310).

А. С. Долинин, одним из первых обративший внимание на отражение судебных процессов 1870-х гг. в сюжетных коллизиях романа, подчеркнул их связь с преступлениями «гремющей молодежи из высшего света» (Д30; 13: 228), потерявшей прежние «законченные формы чести и долга»: это «посетители князя Сергея Сокольского — «важный гость с аксельбантами и лентой», представитель высшего света Дарзан — подделыватель векселей; Нащокин, молодой человек из аристократической семьи, в прошлом году еще служивший «в одном из виднейших кавалерийских гвардейских полков», — мот и кутила, о котором «родные публиковали даже в газетах, что не отвечают за его долги». И сам князь Сокольский, принявший участие в подделке акций, потому что нуждался в деньгах» [Долинин: 150].

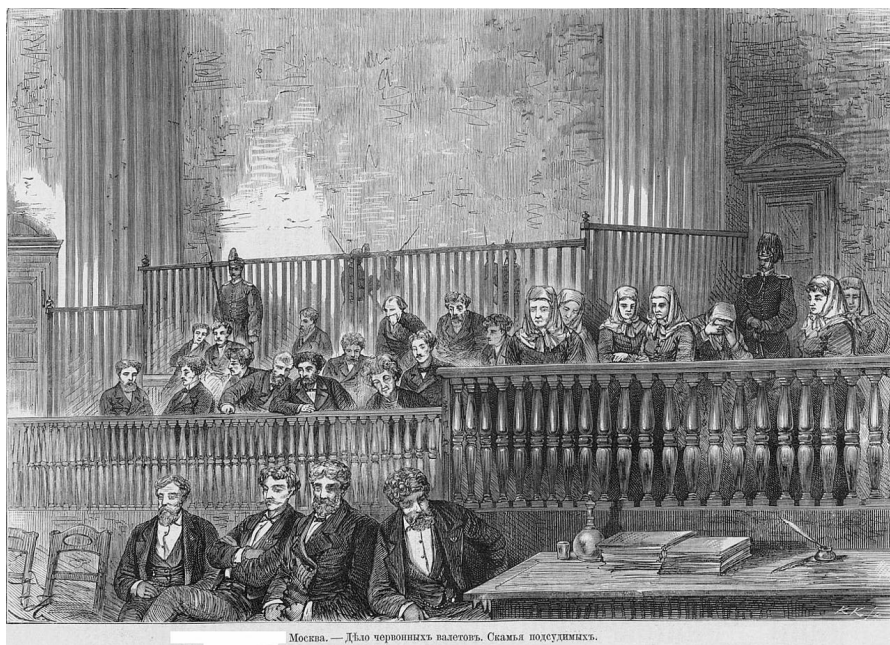
На наш взгляд, образы князя Сергея Сокольского и К° — результат художественного осмысления того характерного «типа нравственной порчи, зла и преступления», о котором в обвинительной речи о червонных валетах говорил на последнем заседании Московского окружного суда помощник прокурора Н. В. Муравьев [Клуб...: 184], имея в виду преступника аристократического происхождения.

По поводу же князя Н. В. Муравьев сказал: «В Долгорукове особенно резко бросается в глаза одна черта: легкость характера, необыкновенное легкомыслие» [Клуб...: 204–205]. «Неимение средств заставило его подумать о приискании каких-нибудь занятий», — иронически добавил прокурор [Клуб...: 204–205]. Даже защитник Долгорукова на суде, присяжный поверенный А. С. Гольденвейзер, подчеркнул эту «легкость» в князе: *«Милый, благородный, очень добрый, живой, но совершенно бесхарактерный юноша»* [Клуб...: 375].

Примечательны признания и самого обвиняемого, дающие ключ для понимания всех последующих поступков Долгорукова и происшедших в нем перемен: «Чувствую <...>, как все более и более окружающая среда

начинает давить меня, чувствую как все более и более слабеют мои лучшие помыслы» [Клуб...: 205].

Прокурор, характеризуя личность подсудимого, заключил: «Да, мечты юности исчезли, лучшие помыслы улетучились, и на место их стали вырастать другие мысли, другие цели и стремления. Это перерождение не подлежит сомнению <...>. Долгоруков сначала робко, нерешительно, затем все смелее и хладнокровнее совершает несколько обманов и мошенничеств» [Клуб...: 205]. Так он стал членом шайки подделывателей фальшивых акций железной дороги, о подписке на которые упоминает в романе Аркадий (Д30; 13: 70).

Илл. 1. Скамья подсудимых. Рис. Ф. Гаанен, грав. К. Крыжановский
(Журнал «Всемирная иллюстрация». 1877. Т. 17. № 429. С. 245)

Fig. 1. The Dock. Drawing by F. Gaanen, engraving by K. Kryzhanovsky
(*Vsemirnaya Illyustratsiya* [World Illustration] magazine. 1877. Vol. 17.
No. 429. P. 245)

Типичные черты В. А. Долгорукова как «червонного валета» вошли в характеристику молодого князя Сокольского уже в набросках к роману: «...фат, разбросан. Последний выродок из поколения; мот и игрок, трус втайне» (Д30; 16: 240). В окончательном тексте романа эта оценка сохранилась. Князь говорит о себе: «я — мот, игрок, может быть, вор... да, вор» (Д30; 13: 179), «я — уголовный преступник и участвую в подделке фальшивых акций —ской

дороги» (ДЗ0; 13: 248), «я помог подлецам каторжникам... и помог за деньги! Стало быть, и я фальшивый монетчик!» (ДЗ0; 13: 249).

Аркадий проницательно замечает, что на дела князя имел «страшное влияние» «один поганец — одним словом, одно мерзейшее существо Стебельков» (ДЗ0; 13: 199), «мошенник» (ДЗ0; 13: 248), член шайки подделывателей фальшивых акций железной дороги. В эту аферу он заманил и Сергея Сокольского как своего должника. О Стебелькове Аркадий в конце своих «записок» заметит, что он «продолжает сидеть в тюрьме по своему делу, которое <...> чем далее, тем более разрастается и усложняется» (ДЗ0; 13: 451). Здесь очевиден намек на затянувшийся судебный процесс 1870-х гг., в ходе которого обнаруживались все новые факты.

Так, судя по всему, впечатления Достоевского от дела «червонных валетов» стали необходимым импульсом для изображения того, как рушилась дворянская идея чести и долга, важная в «Подростке», задуманном в этом плане как «роман распада в эпоху распада» («a novel of Disintegration in the Age of Disintegration») [A Dostoevsky Companion: 203–204]. Однако история «червонных валетов», отразившаяся в этом произведении писателя, была связана не только с реалиями русской общественной жизни, но и с французским источником.

Изначально будучи названием игровой карты во французской колоде, в середине XIX века выражение «червонный валет» стало нарицательным именем в романе «Клуб червонных валетов» (1858 г.). В нем французский писатель Понсон дю Террайль (1829–1871) описал похождения преступников, действовавших в Париже под предводительством незаурядного авантюриста Рокамболя.

Затем, благодаря многочисленным и чрезвычайно популярным переводным изданиям этого произведения (первый перевод вышел в Петербурге в 1868 г.), образ Рокамболя закрепился в литературном и общественном сознании России последней трети XIX в., резонируя с громким судебным процессом по делу о «Клубе червонных валетов».

По мнению А. С. Лукашкина, выявившего особенности рецепции произведений Понсона дю Террайля в русской прозе и публицистике конца XIX — начала XX вв., члены «Клуба червонных валетов» воспользовались знаменитыми романами как руководством к действию, дав мощный импульс для формирования нового социокультурного архетипа «русского Рокамболя» [Лукашкин: 134].

Авантюрную модель поведения в духе «червонных валетов» из французской саги успешно реализовали представители золотой молодежи 1870-х гг. Была выявлена целая цепь преступлений, совершенных ими: «обман, мошенничество и растрата чужого имущества», получение залогов фиктивными конторами от желающих поступить на «доходное место», «мошенническое маклерство по кредитной части», «заключение фиктивных займов по векселям» и т. п. Все виды подобных преступлений червонных валетов

красочно описаны в книге В. Михневича о «язвах Петербурга»⁴, в том числе «фабрикация подложных векселей руками самих жертв мошеннической эксплуатации, вследствие чего они делаются прямыми участниками преступления»⁵.

Именно этот способ реализует Стебельков, вовлекая в свою аферу князя Сокольского с приятелями. О его прототипе Всеволоде Долгорукове историк петербургского быта писал: «Вот князь из потомков Рюрика, с славным именем, — автор целой серии подложных векселей, жертва дурного воспитания, легкомыслия и порока, за что и вынужден был, по лишении своего титула и всех прав, отправиться путешествовать в места отдаленные» [Михневич: 285].

В нашумевшем судебном процессе по делу «червонных валетов» приняли участие видные российские адвокаты того времени С. В. Евреинов, Л. А. Куперник, Ф. П. Плевако, В. М. Пржевальский, А. А. Саблин и А. В. Лохвицкий. С последним Достоевский был хорошо знаком. В статье «Уголовные романы» (О «Преступлении и наказании»), опубликованной в 1869 г. в «Судебном вестнике», А. В. Лохвицкий оспорил мнение Эмиля Золя о том, что произведение Достоевского «немногим выше Рокамболя», подчеркнув: «...пальма первенства в уголовной литературе последнего времени принадлежит бесспорно г. Достоевскому»⁶.

Думается, круг фактов «текущей действительности» был актуализирован в творческом сознании автора романа «Подросток» именно после знакомства с романом Понсона дю Террайля, что вполне соответствовало представлениям Достоевского о литературе и принципах ее функционирования, об эстетическом влиянии искусства на действительность. Причем писатель различал несколько типов подобного влияния.

Во-первых, он имел в виду простое, неосмысленное подражание:

«...готовы были, например, чрезвычайно ценить, в свое время, разных дурных человечков, появлявшихся в литературных наших типах и заимствованных большею частью с иностранного. Мало того, что ценили, — рабски старались подражать им в действительной жизни, копировали их и в этом смысле даже из кожи лезли. Вспомните: мало ли у нас было Печориных, действительно и в самом деле наделавших много скверностей по прочтении “Героя нашего времени”» (ДЗ0; 22: 39).

Во-вторых, рассуждая о соотношении искусства и действительности, писатель в особенности выделял предугадывание, предсказание литературой еще не свершившихся фактов:

«Ихним реализмом сотой доли реальных, действительно случившихся фактов не объяснишь. А мы нашим идеализмом пророчили даже факты. Случалось...» (ДЗ0; 28₁: 329).

Наконец, третий тип взаимосвязи искусства и действительности, по Достоевскому, это прямое, *учительное* воздействие литературы на человека. В окончательном виде эта идея была сформулирована писателем в «Пушкинской речи».

Исходя из этого, его внимание должно было привлечь не столько сходство реальных преступлений и литературного вымысла, сколько подражание литературному образцу в реальности. Думается, что некоторые важные особенности поэтики «Подростка» связаны именно с этим принципом. Изначально он реализовался в жизни, отразившись в преступлениях членов русского «Клуба червонных валетов». Причем, этот феномен был художественно осмыслен не только Достоевским. Так, в рассказе К. М. Станюковича «Червонный валет» комическая стилизация имени героя (князь Жорж Растегай-Сапожков) одновременно указывает и на французские корни литературного типа, и на запоминающийся образ «князя»-афериста. В целом же рассказ Станюковича строится как история постепенного нравственного и бытового падения героя: «аристократическое» тунеядство, беспорядочные и нечистоплотные «романические» связи, жизнь на «содержании» у купчихи, долги и т. д. Изображая уголовные похождения персонажа в пунктирном виде, не разворачивая в полной мере психологический сюжет, в силу чего характер героя остался чрезвычайно плоским и однозначным, писатель-очеркист сделал упор на раскрытии сущности социального явления. Поэтому «Червонный валет» Станюковича представляет собой физиологический очерк с прозрачным до банальности социально-критическим посылом.

В романе Достоевского традиция массовой литературы функционирует иначе, хотя и в нем очевидна принципиально важная «оглядка» на произведения Понсона дю Террайля. Так, в «Подростке» преломилась развернутая французским писателем история шестидесятилетнего старика, который, выжив из ума, хочет жениться во второй раз на интриганке и ради нее лишить свою родню наследства. В типологическом плане этот сюжет «рифмуется» с перипетиями затеянной Анной Андреевной любовной игры со старым князем Сокольским.

Не менее показательны другие примеры. В записках Аркадия упоминается имя французской авантюристки Альфонсины Карловны де Вердень, которую ее сожитель Ламберт фамильярно называет Альфонсинкой. Аркадий Долгорукий, очутившись впервые у Ламберта, слышит вначале «из-за ширм дребезжащий женский голос с парижским акцентом», а затем и саму *mademoiselle Alphonsine*, наскоро одетую, в распашонке, только что с постели: «...странное какое-то существо, высокого роста и сухоощавая, как щепка, девица, брюнетка, с длинной талией, с длинным лицом, с прыгающими глазами и с свалившимися щеками, — страшно износившееся существо!» (ДЗ0; 13: 275)⁷.

Именно Альфонсинка сыграла решающую роль в реализации коварного плана с кражей «документа», зашитого в кармане Подростка: «Альфонсинка и взрезывала карман. Достав письмо <...>, мой московский документ, они взяли такого же размера простую почтовую бумажку и положили в надрезанное место кармана и зашили снова как ни в чем не бывало, так что я ничего не мог заметить. Альфонсинка же и зашивала...» (Д30; 13: 422). Активное участие подружки Ламберта предполагалось и в кульминационной сцене шантажа Катерины Николаевны: она должна была повести Аркадия по ложному следу, но в последний момент ее преступный замысел сорвался.

В романе «Клуб червонных валетов» Понсона дю Террайля аналогичную роль исполняет госпожа Сент-Альфонс, сообщница «начальника клуба червонных валетов» сэра Вильямса, который представлен «адским гением» и «чудовищным злодеем». Альфонсина, «хорошенькая брюнетка, успевшая разорить не одного человека»⁸, необходима ему для исполнения интриг, связанных с использованием компрометирующих бумаг, в том числе «какого-нибудь неосторожно написанного письма», которое грозят послать мужу, отцу или другому «выгодному» лицу⁹.

На наш взгляд, образ *mademoiselle Alphonsine* в романе Достоевского — это также результат обращения к французской литературной традиции, ставшей своего рода моделью жизни для российских «червонных валетов». К их обществу принадлежала, например, знаменитая аферистка и воровка Софья Блювштейн, по прозвищу Сонька Золотая Ручка. Ее, как и Альфонсинку, отличал артистический талант и «креативность» в мошенничестве и воровстве. Слава о ней гремела по всей России и зарубежью. Когда она оказалась на скамье подсудимых, об этом сообщили все российские газеты, особо отмечая, что на судебном процессе по делу «червонных валетов» ее оправдали. Роман Понсон дю Террайля был ее любимым произведением, а ее саму называли «Рокамболом в юбке». Внимание Достоевского не мог не привлечь этот «женский» феномен подражания литературному образцу в жизненной реальности.

В романе «Подросток» фигурирует еще один герой с французским именем — Ламберт. В комментариях к роману отмечено, что среди воспитанников московского пансиона Л. И. Чермака (послужившего прототипом Тушара), который посещал Достоевский в 1834–1837 гг. (Д30; 9: 125–139), числился Е. Ламберт (Д30; 16: 72, 75, 76, 94, 221, 270). Впервые это имя Достоевский использовал в эпиграфе к повести «Крокодил» [Алексеев: 367–373; Орнатская, 169–172], затем — в неосуществленном замысле «Житие великого грешника» (Д30; 9: 519–520), (Д30; 17: 364).

Думается, к литературному прототипу Ламберта в романе «Подросток» может быть отнесен герой из другого произведения Понсона дю Террайля «Тайны Парижа». Здесь один из персонажей, интриган и мошенник, полковник Леон выступает под именем капитана Ламберта. Он создает

в Париже тайное общество, члены которого становятся орудием кровавой мести:

«Полковник был великолепен в своем гневе, и де Ласи, знавший, что означают коварные комбинации этого человека, понял, что баронесса Сент-Люс уже всецело находится в его руках»¹⁰.

В соответствии с требованиями жанра авантюрно-уголовного романа мнимый Ламберт изображен как воплощение всех человеческих пороков, «сам дьявол»⁹. Имплицитную связь героя Достоевского с этим французским прототипом отметил Е. М. Мелетинский в «Заметках о творчестве Достоевского»: «Среди настоящих уголовников на первом месте <...> одноклассник Аркадия Ламберт, «открытый подлец и разбойник» (не случайно — француз, т. е. не русский)» [Мелетинский: 147]. Хотя, заметим, негодяй в романе Достоевского носит французское имя в силу литературной традиции, а не национальных предпочтений автора.

В черновых материалах к роману о «товарище» Подростка сказано: «Ламберт — мясо, материя, ужас — и проч.» (Д30; 16: 128). Действительно, этот участник «московской шайки» (Д30; 13: 323) — кощунствующий и развратный герой, олицетворение нравственной низости, по словам Версилова, «большой мерзавец». К тому времени, когда Подросток случайно встретил его уже в Петербурге, Ламберт с помощью Альфонсинки, Андреева и Тришатова, проворачивал разные темные операции вполне в духе «червонных валетов» (Д30; 13: 274), (Д30; 17: 383).

Характеризуя Ламберта и отмечая его тираническую жестокость по отношению к себе, Подросток достаточно прозрачно намекает на развратную связь своего «товарища» с аббатом Риго:

«Когда он ездил на конфирмацию, то к нему приехал аббат Риго поздравить с первым причастием, и оба кинулись в слезах друг другу на шею, и аббат Риго стал его ужасно прижимать к своей груди, с разными жестами» (Д30; 13: 27).

Помимо этого, Ламберт — вор («Он сказал, что деньги утащил сегодня у матери из шкатулки, подделав ключ, потому что деньги от отца все его, по закону, и что она не смеет не давать, а что вчера к нему приходил аббат Риго увещевать — вошел, стал над ним и стал хныкать, изображать ужас и поднимать руки к небу, “а я вынул нож и сказал, что я его зарежу”» — Д30; 13: 27), циник и богохульник («Мы поехали на Кузнецкий. Дорогой он мне сообщил, что его мать в сношениях с аббатом Риго, и что он это заметил, и что он на все плюет, и что все, что они говорят про причастие, — вздор» — Д30; 13: 27), садист, способный в упор расстрелять канарейку и хлестать «даму» по голым плечам хлыстом (Д30; 13: 27).

Думается, подчеркнуто гротескная характерность его образа в большой степени обусловлена влиянием французского авантюрно-уголовного романа, находившегося в поле зрения Достоевского в пору работы над «Подростком». В данном случае показательна целенаправленная трансформация традиции, закрепившейся в массовой литературе того времени, под пером большого художника. Используя прием «сюжетной критики» [Назирова, 1982: 63] Достоевский, сохраняя связь персонажа с литературным претекстом, эстетически и этически развенчивает его.

Гротескность образа Ламберта порождается несоответствием масштабов его характера, быта и поведения с сознательно принимаемыми им позами. Он хотел бы внушать ужас (отсюда его рассказы о хлысте, аббате Риге и пр.), но внушает лишь отвращение. Этот второстепенный герой романа наделен своеобразной «эстетической инициативой» [Назирова, 2005: 135], но в силу своей интеллектуальной и культурной ограниченности не понимает пошлости ее реализации, отсюда и явные пародийные черты образа, отсутствующие в герое-прототипе. В конце своих записок Аркадий сообщает о бесславном конце его преступной карьеры: «Ламберт исчез в Москву, и я слышал, что там в чем-то попался» (ДЗ0; 13: 449).

Таким образом, традиционная ко времени создания «Подростка» «оптика» авантюрно-криминального романа, в рамках которого такой герой сохраняет эстетическую привлекательность, дополняется новой точкой зрения, в свете которой он выглядит одновременно смешным и отвратительным.

Подобным же образом у Достоевского трансформируется и сюжет авантюрного романа. В детективном или криминальном романе (различия в данном случае несущественны) «пружиной» является преступление или преступник. Нарратив «привязан» либо к сыщику (в детективе), либо к преступнику (в криминальном романе). Сюжетная интрига обеспечивается как разгадыванием тайны преступления, так и описанием его процесса.

Аркадий, практически на протяжении всего романа, вынужден разгадывать, узнавать людей и скрытые от него события. Почти всегда он не успевает или отгадывает их неправильно, однако сама позиция человека, отгадывающего чужие секреты, однозначно указывает на функциональную модель, лежащую в основе его образа до трансформации сюжетной структуры романа, — это сыщик. Однако, в нарушение традиции, он постоянно терпит неудачу, ничего не предотвращает, хотя он неглуп, по-своему деятелен и в достаточной степени наблюдателен. Неслучайно роль «открывателя» тайн регулярно ставит Аркадия в смешные положения, за что его нещадно ругает тетка Татьяна Павловна.

Эта неудачливость объясняется именно сдвигом ракурсов: «узнавать» и «отгадывать этот «сыщик» вынужден самого себя и новую для себя жизненную правду. Интрига в «Подростке» переходит из авантюрно-криминальной сферы в плоскость психологии героя и философии автора.

Исходный же авантюрно-криминальный сюжет в «Подростке» уходит на второй план.

Таким образом, «сильные впечатления», пережитые писателем «действительно» (Д30; 16: 10), сопряглись в его воображении с другими творческими импульсами, что обеспечило в итоге контаминацию в романе «Подросток» историко-биографического нарратива и литературной традиции, причудливым образом наложившихся друг на друга.

Образец подобного сопряжения представила Достоевскому сама жизнь, в которой французская сага о Рокамболе послужила моделью поведения для российских «червонных валетов». Думается, писатель не мог не обратить внимания на своеобразный «эстетический» диалог героев Понсон дю Террайля: «Ну, — прервал Рокамболь, — история становится романтической. — Роман есть история жизни, мой дорогой сын, — возразил ему серьезно баронет (главарь «Клуба червонных валетов». — В. Б., С. III.)» [Понсон дю Террайль, 1993: 115].

Так роман стал «историей жизни», а «история жизни» стала «романом».

Примечания

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 18-012-90013 Достоевский («Дело о куманинском наследстве» в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского).

- ¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1975. Т. 13. С. 322. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения Д30, указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках.
- ² Законы уголовные // Сводъ законовъ Россійской имперіи: в 34 т. СПб.: Изд-во Тип. Второго Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии. 1857–1868. Т. 15. 1857. С. 1–964.
- ³ Путеводитель по окрестностям Москвы / сост. В. Долг-ой. М.: Издание редакции «Путеводителя по России» (В. Г. кн. Долгорукого и В. И. Анофриева), 1872. 506 с. На титульном листе издания поставлены инициалы «В. Г.», не соответствующие настоящим инициалам Долгорукова. Опечатка это или сознательный маневр редакции — нам неизвестно.
- ⁴ См. об этом: [Михневич: 271, 276–277, 280–283, 286–287, 330–331]. Здесь указаны виды преступлений, совершенные «червонными валетами».
- ⁵ Там же. С. 282
- ⁶ Лохвицкий А. В. Уголовные романы (О «Преступлении и наказании») // «Судебный вестник». — 1869. — № 83.
- ⁷ В комментариях к роману предположительно отмечается аналогия «с именем известной в 1870-е годы в Петербурге французской шансонетки Альфонсины. Имя ее часто встречалось в газетах и употреблялось как нарицательное» (Д30, 17: 383).
- ⁸ Понсон дю Террайль. Клуб червонных валетов // Понсон дю Террайль. Полные похождения Рокамболя: в 2 т. М.: Терра, 1993. Т. 1. С. 228.
- ⁹ Там же. С. 104.
- ¹⁰ Понсон дю Террайль. Тайны Парижа. М.: Рипол, 2016. С. 380.
- ¹¹ Там же. С. 6.

Список литературы

1. Алексеев М. П. Об одном эпиграфе у Достоевского // Проблемы теории и истории литературы. — М., 1971. — С. 367–373.
2. Белов С. В. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Комментарий. — 4-е изд. — М.: Либроком, 2011. — 240 с.
3. Блейк Сара. Долгоруковы. Высшая российская знать. — М.: Рипол Классик, 2014. — 251 с.
4. Борисова В. В. «Червонный валет» А. Т. Неофитов из окружения Ф. М. Достоевского // Неизвестный Достоевский. — 2020. — № 1. — С. 156–167 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1587666726.pdf (30.04.2020). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4481
5. Всеволод Алексеевич Долгоруков: сб. материалов / сост. В. М. Костин, А.В. Яковенко. — Томск. — 2013. — 240 с.
6. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1972–1990.
7. Долинин А. С. Последние романы Достоевского. Как создавались «Подросток» и «Братья Карамазовы». — М.; Л.: Сов. писатель, 1963. — 344 с.
8. Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский. Очерк творчества. — М.: Индрик, 2013. — 456 с.
9. Клуб червонных валетов. Уголовный процесс. — М.: тип. М. Н. Лаврова и К°, 1877. — 593 с. [Электронный ресурс]. — URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003607591#?page=1> (30.04.2020).
10. Лукашкин А. С. «Рокамболь, государственный человек»: фигура И. М. Манасевича-Мануйлова в предреволюционной России // Имагология и компаративистика. — 2019. — № 11. — С. 121–139. DOI: 10.17223/24099554/11/5
11. Мелетинский Е. М. Заметки о творчестве Достоевского. — М.: РГГУ, 2001. — 190 с.
12. Михневич В. О. Исторические этюды русской жизни: в 3 т. — С.-Петербург: Тип. Ф. С. Сушинского, 1886. — Т. 3: Язвы Петербурга. — [6], XXX, [2], 542 с.
13. Назиров Р. Г. Творческие принципы Достоевского. — Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1982. — 160 с.
14. Назиров Р. Г. Равноправие автора и героя в творчестве Достоевского (к концепции полифонического романа) // Назиров Р. Г. Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: сб. ст. — Уфа: РИО БашГУ, 2005. — С. 134–149.
15. Орнатская Т. И. «Крокодил». «Подросток» (Дополнение к комментарию) // Достоевский. Материалы и исследования. — Л., 1987. — Вып. 7. — С. 169–172.
16. Пустыгина Н. Г. О фамилии Долгоруков в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» // Ученые записки Тартуского ун-та. Труды по русской и славянской филологии. — 1985. — Вып. 645. — С. 37–53.
17. Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание в современном прочтении: книга-комментарий. — 2-е изд. испр. и доп. — СПб.: Серебряный век, 2016. — 560 с.
18. A Dostoevsky Companion: Texts and Contexts / ed. by Katherine Bowers, Connor Doak and Kate Holland. — Boston: Academic Studies Press, 2018. — 535 p.

Valentina V. Borisova

M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University

(Ufa, Russian Federation)

borisova@ufacom.ru

Sergey S. Shaulov

Vladimir Dahl Russian State Literary Museum

(Moscow, Russian Federation)

sschaulov@gmail.com

“The Jack of Hearts Club” in F. M. Dostoevsky’s Novel *The Raw Youth*

Acknowledgments. The reported study was funded by Russian foundation for basic research (RFBR) according to the research project number 18-012-90013 Dostoevsky.

Abstract. The article examines the criminal storyline in *The Raw Youth* by F. M. Dostoevsky as part of real-life and historical and literary commentary on the novel. The matter has significant links to the facts and persons associated with the “Kumanin inheritance case.” It turned out to be “unfortunate” and “haunted” because of the initial criminal background associated with the activities of the famous criminal community of the 1870s, namely, “The Jack of Hearts Club”. Among its members was Alexander Timofeevich Neofitov, the first executor of the will of A. F. Kumanina. We can presume that he became the prototype of the leader of the “gang,” which included Lambert, Stebelkov and other “cunning scammers” depicted in the novel. Vsevolod Alekseevich Dolgorukov, a prince and tradesman, was also one of the “red jacks,” which could have led Dostoevsky to endow the hero of his novel with a similar surname. The article provides new facts confirming that the typical features of V. A. Dolgorukov are reflected in the characteristics of the young prince Sokolsky. Secondly, two previously unrecognized literary sources of Dostoevsky’s work, namely, novels by the French writer Ponson du Terrail, *The Jack of Hearts Club* and *Secrets of Paris*, which were popular in Russia at that time. Their characters, Mrs. St. Alphonse, or Alfonsina, involved in scheming with incriminating papers, and Captain Lambert, depicted as the embodiment of all human vices, are the prototypes of the namesake heroes in Dostoevsky’s novel. All of the above made it possible to conclude that intentional artistic contamination of the historical and biographical narrative, criminal chronicle and literary tradition occurred in *The Raw Youth*.

Keywords: F. M. Dostoevsky, *The Raw Youth*, real and historical literary commentary, *The Jack of Hearts Club*, A. T. Neofitov, V. A. Dolgorukov, Ponson du Terrail

About the authors: *Borisova Valentina V.* — Doctor of Philology, Professor, Head of the Russian Literature Department, M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University (ul. Oktyabrskoy Revolyutsii 3/a, Ufa, Bashkortostan, 450008, Russian Federation); *Shaulov Sergey S.* — PhD in Philology, Head of the House-Museum of M. Yu. Lermontov, Vladimir Dahl Russian State Literary Museum (ul. Malaya Molchanovka 2, Moscow, Russian Federation)

Received: May 5, 2020

Date of publication: September 30, 2020

For citation: Borisova V. V., Shaulov S. S. “The Jack of Hearts Club” in F. M. Dostoevsky’s Novel “The Raw Youth”. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 3, pp. 149–165. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4781 (In Russ.)

References

1. Alekseev M. P. About an Epigraph in Dostoevsky. In: *Problemy teorii i istorii literatury* [Problems of Theory and History of Literature]. Moscow, 1971, pp. 367–373. (In Russ.)
2. Belov S. V. Roman F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie». Kommentariy [Fedor Dostoevsky's Novel "Crime and Punishment". A Comment]. Moscow, Librokom Publ., 2011. 240 p. (In Russ.)
3. Blake Sarah. Dolgorukovy. Vysshaya rossiyskaya znat' [The Dolgorukovs. Higher Russian Nobility]. Moscow, Ripol Klassik Publ., 2014. 251 p. (In Russ.)
4. Borisova V. V. "Jack of Hearts" A. T. Neofitov from the Circle of F. M. Dostoevsky. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy* [The Unknown Dostoevsky], 2020, no. 1, pp. 156–167. Available at: https://www.unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1587666726.pdf (accessed on April 30, 2020). DOI: 10.15393/j10.art.2020.4481 (In Russ.)
5. Vsevolod Alekseevich Dolgorukov: sbornik materialov [Vsevolod Alekseevich Dolgorukov: Collection of Materials]. Tomsk, 2013. 240 p. (In Russ.)
6. Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh [The Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
7. Dolinin A. S. Poslednie romany Dostoevskogo. Kak sozdavalis' «Podrostok» i «Brat'ya Karamazovy» [Last Novels of Dostoevsky. How "The Raw Youth" and "The Brothers Karamazov" Were Created]. Moscow, Leningrad, Sovetskiy pisatel' Publ., 1963. 344 p. (In Russ.)
8. Zakharov V. N. Imya avtora — Dostoevskiy. Ocherk tvorchestva [The Author's Name Is Dostoevsky. An Essay on Creative Works]. Moscow, Indrik Publ., 2013. 456 p. (In Russ.)
9. Klub chervonnykh valetov. Ugolovnyy protsess [The Jack Hearts Club. Criminal Trial Process]. Moscow, tipografiya M. N. Lavrova i K° Publ., 1877. 593 p. Available at: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003607591#?page=1> (accessed on January 18, 2020). (In Russ.)
10. Lukashkin A. S. "Rocambole, The Statesperson": The Figure of Ivan Manasevich-Manuylov in the Pre-revolutionary Russia. In: *Imagologiya i komparativistika* [The Imagology and Comparative Studies], 2019, no. 11, pp. 121–139. (In Russ.)
11. Meletinskiy E. M. Zametki o tvorchestve Dostoevskogo [Notes on the Works of Dostoevsky]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2001. 190 p. (In Russ.)
12. Mikhnevich V. O. Istoricheskie etyudy russkoy zhizni: v 3 tomakh [Historical Studies of Russian Life: in 3 Vols]. St. Petersburg, F. S. Sushchinsky Printing House, 1886, vol. 3. 542 p. (In Russ.)
13. Nazirov R. G. Tvorcheskije printsipy Dostoevskogo [Creative Principles of Dostoevsky]. Saratov, Saratov State University Publ., 1982. 160 p. (In Russ.)
14. Nazirov R. G. Equality of the Author and the Hero in the Works of Dostoevsky (to the Concept of a Polyphonic Novel). In: Nazirov R. G. *Russkaya klassicheskaya literatura: sravnitel'no-istoricheskiy podkhod. Issledovaniya raznykh let: sbornik statey* [Nazirov R. G. Russian Classical Literature: Comparative Historical Approach. Studies of Different Years: Collection of Articles]. Ufa, Bashkir State University Publ., 2005, pp. 134–149. (In Russ.)
15. Ornatskaya T. I. "Crocodile". "The Raw Youth" (Addition to the Comment). In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. Leningrad, Nauka Publ., 1987, issue 7, pp. 169–172. (In Russ.)
16. Pustygina N. G. About the Surname Dolgorukov in the Novel by F. M. Dostoevsky "The Raw Youth". In: *Uchenye zapiski Tartuskogo universiteta. Trudy po russkoy i slavyanskoy filologii* [Tartu riikliku likooli toimetised], 1985, issue 645, pp. 37–53. (In Russ.)

17. Tikhomirov B. N. «Lazar’! gryadi von». *Roman F. M. Dostoevskogo «Prestuplenie i nakazanie v sovremennom prochtenii: kniga-kommentariy* [“Lazarus! Ridge over there”. *Dostoevsky’s Novel “Crime and Punishment” in Modern Interpretation: The Commentary*]. St. Petersburg, Serebryanny vek Publ., 2016. 560 p. (In Russ.)
18. *A Dostoevsky Companion: Texts and Contexts*. Boston, Academic Studies Press Publ., 2018. 535 p. (In English)

DOI: 10.15393/j10.art.2020.4561

УДК 821.161.1+17.81.31

Б. Н. Тихомиров

*Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского**(Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

btikhomirov@rambler.ru

«Истерические взвизги херувимов»**(Об одном текстологическом казусе в истории текста романа
«Братья Карамазовы»)***

Аннотация. В статье рассматривается текстологический казус, возникший в истории публикации главы «Черт. Кошмар Ивана Федоровича» из романа «Братья Карамазовы». Отсылая в «Русский вестник» рукопись главы для публикации, Ф. М. Достоевский в сопроводительном письме Н. А. Любимову выразил опасение, не покажутся ли редакции журнала нецензурными слова в реплике черта «истерические взвизги херувимов». Писатель настаивал на абсолютной художественной оправданности такого выражения в устах его inferнального персонажа, умоляя Любимова оставить этот вариант в печати, но, предвидя цензурные затруднения, предложил запасной вариант на замену («если уж никак нельзя»): «радостные крики херувимов», добавив с сожалением, что он будет звучать стилистическим диссонансом. В итоге в журнальной публикации был воспроизведен сконструированный Любимовым компромиссный вариант «радостные взвизги херувимов». Несмотря на то что в письме Достоевский вполне определенно выразил свое отношение к «запасным» вариантам, в отдельном издании, выпущенном сразу же по завершении журнальной публикации, он тождественно воспроизвел вариант реплики черта, как он был напечатан в «Русском вестнике». В академическом Полном собрании сочинений Достоевского печатный вариант был «канонизирован» как выражение последней авторской воли писателя. В статье оспаривается такое текстологическое решение и обосновывается необходимость возвращения к варианту, содержавшемуся в наборной рукописи, как он реконструируется по письму Достоевского к Любимову: «истерические взвизги херувимов».

Ключевые слова: Достоевский, текстология, «Братья Карамазовы», «Русский вестник», отдельное издание романа, цензура, автоцензура, последняя творческая воля

Об авторе: Тихомиров Борис Николаевич — доктор филологических наук, президент Российского общества Достоевского, заместитель директора по научной работе, Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского в Санкт-Петербурге (Кузнечный пер., 5/2, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 191002)

Дата поступления: 22.05.2020

Дата публикации: 30.09.2020

Для цитирования: Тихомиров Б. Н. «Истерические взвизги херувимов» (Об одном текстологическом казусе в истории текста романа «Братья Карамазовы») // *Неизвестный Достоевский*. — 2020. — № 3. — С. 166–174. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4561

Как известно, ни беловая, ни наборная рукописи романа «Братья Карамазовы» до нас не дошли. Беловая рукопись в двух переплетенных томах общим объемом свыше 900 страниц, хранившаяся у вдовы писателя А. Г. Достоевской, пропала после ее смерти в Ялте 9/22 июня 1918 г.¹ Известна лишь одна, последняя страница, воспроизведенная фототипически, которую в качестве иллюстрации-вклейки А. Г. Достоевская поместила

в одном из томов Полного собрания сочинений Достоевского 1886 г.² От наборной рукописи чудом сохранились два листка, содержащие текст начала и самого конца Книги девятой главы IX «Увезли Митю» (РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 6. № 319; ОР РГБ. Ф. 93.I.2.1/14). Кроме того, исследователи располагают корректурными листами в гранках журнала «Русский вестник» (14 полос), содержащими почти полный текст Эпилога (без последней полосы) с правкой Достоевского (РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 6. № 160; Ф. 100. № 29447). Таким образом, для основного корпуса романа единственными источниками, на которых базируются современные научные публикации текста «Братьев Карамазовых», являются два прижизненных издания — журнальное (Русский вестник. 1879. № 1–2, 4–6, 8–11; 1880. № 1, 4, 7–11) и напечатанное сразу же по его завершении — отдельное: Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы: Роман в четырех частях с эпилогом. Т. 1–2. СПб., 1881 (фактический выход в свет: 9 декабря 1880 г.³).

Однако при научной подготовке критически выверенного текста «Братьев Карамазовых» также оказываются исключительно значимыми сопроводительные письма, которые Достоевский посылал соредактору М. Н. Каткова по изданию журнала «Русский вестник» Н. А. Любимову, отправляя в Москву очередную часть рукописи романа для публикации в журнале. В этих письмах автор «Братьев Карамазовых» не однажды обсуждал с Любимовым те или иные места текста, которые могли вызвать при публикации определенные цензурные затруднения. При текстологической подготовке главы IX «Черт. Кошмар Ивана Федоровича» Книги одиннадцатой «Братьев Карамазовых» чрезвычайно важным оказывается комментарий писателя к одному из пассажей inferнального собеседника Ивана Карамазова. Достоевский писал Любимову 10 августа 1880 г.:

«Не думаю <...> чтобы хоть что-нибудь могло быть нецензурно, кроме разве двух словечек: *истерические взвизги херувимов*». Умоляю, пропустите так: это ведь *Черт* говорит, он не может говорить иначе. Если же никак нельзя, то вместо *истерические взвизги* — поставьте: *радостные крики*. Но нельзя ли *взвизги*? А то будет очень уж прозаично и не в тон»⁴.

Не известно, продолжили ли Достоевский и Любимов обсуждение того, как печатать эту ерническую реплику черта. Ответное письмо корреспондента писателя от 19 августа 1880 г., которое еще в 1930-е гг. хранилось в Рукописном отделе Пушкинского Дома, в настоящее время утрачено⁵. Не известно также, когда Достоевский держал корректуру этой главы (о своевременной присылке которой он напоминал Любимову в письме от 10 августа) и писал ли что-нибудь издателям «Русского вестника», возвращая корректуру. Но 1 сентября 1880 г. августовский номер журнала с главой «Черт. Кошмар Ивана Федоровича» вышел в свет. Обсуждаемый пассаж в журнальной публикации выглядел так:

«Я былъ при томъ когда умершее на крестѣ Слово восходило на небо, неся на персяхъ своихъ душу распятаго одесную разбойника, я слышалъ **радостные взвизги херувимовъ** поющихъ и вопіющихъ “осанна”...»⁶.

Итак, в наборной рукописи Достоевского, как следует из его письма к Любимову, стояло: «**истерические взвизги херувимовъ**»; в журнальном тексте напечатан вариант: «**радостные взвизги херувимовъ**». Этот печатный текст однозначно противоречит *творческой* воле писателя, недвусмысленно и весьма эмоционально выраженной в письме от 10 августа 1880 г. По поводу слов «**истерические взвизги херувимовъ**» Достоевский писал Любимову (повторю еще раз): «**Умоляю, пропустите так**». И формулировал обоснование художественной необходимости такого варианта: «...это ведь Черт говорит, **он не может говорить иначе**».

Великий художник выразил в этих словах свою творческую волю. Однако, предвидя возможность *внешнего препятствия* своему художественному решению, Достоевский с полным сознанием, что это влечет за собой разрушение стилистического единства эпизода («будет очень уж прозаично и не в тон»), наступая на горло собственной песне, подыскивает *цензурно приемлемый* вариант: «**радостные крики херувимовъ**». С надеждой хотя бы частично сохранить разрушаемое извне творческое решение, он с ощутимым мучением вопрошает: «Но нельзя ли *взвизги*?»

Повторюсь: не известно, как Достоевский отреагировал на появившийся, очевидно, в корректуре *избранный Любимовым* компромиссный вариант: «**радостные взвизги херувимовъ**». Но в любом случае это было *вынужденное* согласие, подчинение гения диктату чужой *нетворческой* воли.

В письме от 10 августа 1880 г. Достоевский вслед за пассажем о «взвизгах херувимовъ» комментировал и еще один эпизод из главы «Черт. Кошмар Ивана Федоровича»:

«Не думаю, чтобы что-нибудь из того, что мелет мой черт, было нецензурно. — Два же рассказа о *исповедальных будочках*, хотя и легкомысленны, но уж вовсе, кажется, не сальны. То ли иногда врет Мефистофель в обеих частях “Фауста”» (ДЗ0; 30₁: 205).

По поводу двух приведенных обращений писателя к Н. А. Любимову в статейных примечаниях академического Полного собрания сочинений (ПСС) сделано заключение: «Редакция («Русского вестника». — Б. Т.) согласилась с доводами Достоевского и сохранила в тексте выражения, судьба которых вызывала его беспокойство» (ДЗ0; 15: 450). Заключение это представляется странным. Не буду сейчас касаться рассказов «о *исповедальных будочках*»⁷. Но где же в первом случае согласие с *доводами* Достоевского? С его обоснованием художественной оправданности выражения «**истерические взвизги херувимовъ**»? С его указанием на серьезное разрушение стиля и «тона» фразы при цензурной замене слов? И можно ли говорить,

что редакция **«сохранила»** в тексте выражения, судьба которых вызывала беспокойство» писателя, если в конечном счете утверждён *компромиссный* вариант, хотя автор «Братьев Карамазовых» умолял Н. А. Любимова о противном? И это при том, что **«истерические взвизги»** и **«радостные взвизги»** различаются не только стилистически, но и *семантически*!

Дело, однако, не в некорректности приведенного заключения комментаторов ПСС в статейных примечаниях, а в том, что при такой позиции в научно подготовленном тексте академического издания естественно сохранён *любимовский* вариант, *вынужденно* согласованный Достоевским. В то время как проведенный анализ всемерно свидетельствует, что *свободной творческой воле* писателя соответствует лишь исходный вариант: **«истерические взвизги херувимов»**.

Это, впрочем, лишь одна сторона текстологического казуса, о котором идет речь в настоящей статье. Вторая же, колоссально осложняющая ситуацию, заключается в том, что по завершении журнальной публикации Достоевский, как уже сказано, сразу же печатает отдельное издание «Братьев Карамазовых». И — в главе IX «Черт. Кошмар Ивана Федоровича» Книги одиннадцатой романа *тождественно воспроизводит* компромиссный вариант журнальной публикации: **«радостные взвизги херувимов»**⁸. Сторонники решения, принятого текстологами ПСС, посчитают данное обстоятельство определяющим фактором, заключив, что *тем самым* Достоевский *авторизовал* здесь согласованный с редакцией «Русского вестника» вариант. Надо признать, что с *формальной* точки зрения в такой позиции есть определенная правота.

Да, в современной текстологии при подготовке академических изданий классиков в качестве основного, как правило, принимается текст последнего прижизненного издания. Но — лишь в том случае, если может быть доказано, что он во всех своих моментах соответствует *последней авторской творческой воле* и не обусловлен какими-либо нетворческими факторами (см.: [Рейсер: 14–22]). О том, что применительно к журнальной публикации вариант **«радостные взвизги херувимов»** не отвечает свободной творческой воле писателя, уже сказано достаточно. Но, может быть, при работе над отдельным изданием творческая воля автора изменилась? Такое, конечно, бывает, и нередко. Но в данном случае это более чем сомнительно, поскольку у нас есть документ — письмо Достоевского от 10 августа 1880 г., которое заставляет говорить, что в таком случае должны были бы измениться и высказанное писателем представление о своих художественных принципах («*Черт <...>* не может говорить иначе»), и присущее ему чувство стиля («будет очень уж прозаично и не в тон»), и эмоциональное отношение к своему творческому решению («Умоляю, пропустите так»).

Но как же в таком случае объяснить сохранение Достоевским в отдельном издании «Братьев Карамазовых» *испорченного* оглядкой на цензуру варианта? Тут может быть несколько ответов. Возможно, высказанное в письме

к Любимову *опасение*, что выражение «истерические взвизги херувимов» *нецензурно*, сохраняло свою силу над автором и в процессе подготовки отдельного издания, и в таком случае мы имеем дело с *автоцензурой*. Поскольку у нас есть документально зафиксированное в письме к Любимову выражение *творческой воли* Достоевского, автоцензура в данном случае должна быть квалифицирована как фактор *нетворческий*. И тогда по всем эдичионным правилам текстолог должен избрать единственный вариант, который отвечает *свободной авторской воле*: «**истерические взвизги херувимов**».

Но, может быть, ситуация одновременно и более простая, и более сложная. При обращении к истории авторских переизданий произведений Достоевского исследователи не однажды сталкивались с парадоксальными ситуациями, которые можно условно квалифицировать как случаи своеобразного «творческого безволия» писателя⁹.

Один из самых показательных примеров — переиздание в 1865 г. повести «Записки из подполья». Когда в начале 1864 г. «Записки...» проходили цензуру в составе сдвоенного № 1/2 петербургского журнала «Эпоха», Достоевский находился в Москве, у одра умирающей жены Марии Дмитриевны. Цензура обезобразила одну из глав первой части «Записок...», но, поскольку писатель не держал корректур и все издание готовил его брат Михаил, Достоевский познакомился с изуродованным текстом только по выходе журнала из печати. 26 марта 1864 г., получив отпечатанный номер «Эпохи», он писал брату:

«Пожалуюсь и за мою статью; **опечатки ужасные** и уж **лучше было совсем не печатать** предпоследней главы (самой главной, где самая-то мысль и высказывается), **чем печатать так, как оно есть**, то есть с надерганными фразами и **противуреча самой себе**. Но что ж делать! Свиньи цензора, там, где я глумился над всем и иногда богохульствовал *для виду*, — то пропущено, а где из всего этого я вывел потребность веры и Христа — то запрещено. Да что они, цензора-то, в заговоре против правительства, что ли?» (ДЗ0: 28₂: 73).

«...Лучше было совсем не печатать предпоследней главы <...> чем печатать так, как оно есть <...> противуреча самой себе», — запоздало сетует Достоевский. И что же? Через год с небольшим писатель перепечатывает «Записки из подполья» в составе второго тома Полного собрания своих сочинений и в X главе первой части, «самой главной, где самая-то мысль и высказывается», которая столь пострадала от цензуры, *не меняет ни одной запятой*¹⁰.

Второй пример — более элементарный, но, может быть, еще более показательный. Он также касается соотношения текстов журнальной публикации и отдельного издания «Братьев Карамазовых». В письме Н. А. Любимову от 7/19 августа 1879 г. из Эмса, после просмотра опубликованной в № 7

«Русского вестника» главы V «Великий инквизитор» Книги пятой романа, Достоевский сетовал, что большая часть монолога Инквизитора набрана крайне невнимательно — без авторской разбивки на абзацы. Он писал:

«Здесь вставляю ропщущее NBene: в июньской книге, в главе “Великий инквизитор”, не только нарушены мои рубрики, но даже всё напечатано сплошь, страниц 10 сряду, без перенесения *на другую строчку* даже. Это очень меня огорчило, и на это приношу Вам мою сердечную жалобу» (ДЗ0; 30₁: 103).

Однако вновь, готовя в конце 1880 г. отдельное издание «Братьев Карамазовых», Достоевский отнюдь не исправил указанную погрешность журнального набора, в свое время столь огорчившую его, — не восстановил разбивку монолога Великого инквизитора на абзацы. В журнальном формате монолог занимал девять с половиной страниц сплошного текста, в книжном формате — двенадцать с четвертью¹¹.

Чем объяснить это «творческое безволие» писателя, не однажды проявлявшееся в том, что при переиздании своих произведений он оставлял без исправления такие искажения в тексте прежних изданий, которые сам ранее отмечал и о которых сам сокрушался? На этот вопрос трудно ответить однозначно. Но не исключено, что здесь могли иметь место провалы в памяти Достоевского, которые были следствием приступов эпилепсии и в которых он сам не однажды признавался¹².

Не исключено, что и в случае с сохранением компромиссного журнального варианта: «**радостные** взвизги херувимов» — в тексте отдельного издания «Братьев Карамазовых» также имело место описанное «творческое безволие» писателя, аналогичное двум приведенным примерам (один из которых, кстати, связан с подготовкой текста главы «Великий инквизитор» из того же романа). Эмоциональный пассаж в защиту исходного варианта реплики черта, содержащийся в письме к Н. А. Любимову от 10 августа 1880 г., делает такое допущение вполне вероятным. Так же как и в случае автоцензуры, подобное объяснение данного текстологического казуса делает возвращение к исходному, художественно мотивированному авторскому варианту, содержавшемуся в не дошедшей до нас наборной рукописи «Братьев Карамазовых», более чем предпочтительным.

В точном соответствии с вербально выраженной в письме от 10 августа 1880 г. авторской творческой волей реплику черта необходимо печатать так:

«Я был при том, когда умершее на кресте Слово восходило на небо, неся на персях своих душу распятого одесную разбойника, я слышал **истерические взвизги херувимов**, поющих и вопиющих “осанна”...»

Примечания

- * Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 18-012-90028 («Рукописное наследие Ф. М. Достоевского: систематизация, исследование, описание»).
- ¹ Подробнее о судьбе пропавших рукописей романа «Братья Карамазовы» см.: [Тихомиров: 406–436].
 - ² См.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 6 т. СПб., 1886. Т. 1.
 - ³ См.: [Летопись, 3: 506].
 - ⁴ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1988. Т. 30. Кн. 1. С. 205. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Д30*, указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках. Курсивные выделения в цитатах принадлежат Достоевскому, полужирные — автору статьи.
 - ⁵ См.: [Летопись, 3: 466], [Гроссман: 307].
 - ⁶ Русский вестник. 1880. № 8. С. 744.
 - ⁷ Хотя нельзя не заметить, что, поскольку, как уже отмечено, в распоряжении исследователей нет ни наборной рукописи, ни корректур этой главы, говорить и применительно к пассажиру черта об исповедальных будочках, что редакция «Русского вестника» согласилась с доводами Достоевского, не представляется возможным. Да, в тексте оставлен названный эпизод, но была ли или нет какая-то редакционная правка «выражений», остается неизвестным.
 - ⁸ Братья Карамазовы: Роман в четырех частях с эпилогом. Ф. М. Достоевского: в 2 т. СПб.: Тип. братьев Пантелеевых, 1881. Т. 2. С. 498.
 - ⁹ С. А. Рейсер пользуется другим термином с синонимическим значением, определяя такие случаи как «своего рода абулию». Перечисляя ряд факторов, ограничивающих механическое применение принципа абсолютизации текста последнего прижизненного издания, авторитетный текстолог указывает и такой случай: «Автор страдает своего рода абулией — он равнодушен к переиздающимся текстам и фактически их не ведет. Таков, например, был поздний Толстой или Тютчев» [Рейсер: 18]. Парадокс ситуации Достоевского, однако, заключается в том, что во всех приводимых примерах он не «равнодушен», а, напротив, горячо, эмоционально реагирует на нарушения своей творческой воли и — ничего не предпринимает при переизданиях данных произведений.
 - ¹⁰ Ср.: Эпоха: Журнал литературный и политический, издаваемый под редакцией М. Достоевского. 1864. № 1/2. С. 524–526 / Полное собрание сочинений Ф. М. Достоевского. Вновь просмотренное и дополненное самим автором издание. Издание и собственность Ф. Стелловского: [в 4 т.]. СПб., 1865. Т. 2. С. 204–205.
 - ¹¹ Ср.: Русский вестник. № 7. С. 744–753 / Братья Карамазовы: Роман в четырех частях с эпилогом. Ф. М. Достоевского. Т. 1. С. 397–409.
 - ¹² В таком случае возникает чрезвычайно любопытный вопрос: а если бы вдруг были найдены цензурная рукопись «Записок из подполья» или наборная рукопись главы «Великий инквизитор», — неужели и в этом случае текстологи должны были бы, публикуя «Записки...», печатать вычеркнутые цензором места в разделе «Варианты» и пренебречь авторской разбивкой монолога Инквизитора на абзацы, мотивируя такое решение тем, что в собрании Стелловского или в отдельном издании «Братьев Карамазовых» Достоевский «авторизовал» заведомо испорченный текст?

Список литературы

1. Гроссман Л. П. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского: биография в датах и документах. — М.; Л.: Academia, 1935. — 382, [1] с.
2. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1972–1990.
3. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: в 3 т. — СПб.: Академический проект, 1993–1995.
4. Рейсер С. А. Основы текстологии. — 2-е изд. — Л.: Просвещение, 1978. — 176 с.
5. Тихомиров Б. Н. «...Я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком»: статьи и эссе о Достоевском. — СПб.: Серебряный век, 2012. — 501 с.

Boris N. Tikhomirov

The F. M. Dostoevsky Literary-Memorial Museum

(Saint Petersburg, Russian Federation)

btikhomirov@rambler.ru

“Hysterical Shrieks of the Cherubim” (Concerning a Textual Incident in the History of the Text of *The Brothers Karamazov*)

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR, project no. 18-012-90028 Dostoevsky.

Abstract. The article deals with a textual incident that occurred in the history of the publication of the chapter “Hell. Ivan Fedorovich’s nightmare” from the novel *The Brothers Karamazov*. When sending the manuscript of the chapter to “Russkiy Vestnik” (“Russian Bulletin”) for publication, in the cover letter to N. A. Lyubimov Dostoevsky expressed concern that the journal’s editorial staff might find the words “hysterical shrieks of the cherubim,” pronounced by the devil, obscene. The writer insisted on the absolute artistic justification of such an expression coming from the lips of his infernal character, begging Lyubimov to leave this version in print. However, he foresaw censorship difficulties and offered a backup version to replace the line (“if you can’t”): “joyous cries of the cherubim,” adding with regret that it will sound stylistically dissonant. As a result, the journal published the compromise version devised by N. A. Lyubimov, namely “joyful shrieks of the cherubim.” Although Dostoevsky’s letter clearly expressed his attitude to the “backup” versions, in a separate edition, which was published immediately after the magazine, he reproduced the devil’s remark exactly as it was printed in the “Russkiy Vestnik”. In the academic *Complete Works of Dostoevsky*, the printed version was “canonized” as an expression of the last author’s will of the writer. The article challenges this textual decision and justifies the need to revert to the version contained in the typeset manuscript, as it is reconstructed from Dostoevsky’s letter to Lyubimov: “hysterical shrieks of the cherubim”.

Keywords: Dostoevsky, textual criticism, *The Brothers Karamazov*, “Russkiy Vestnik”, separate edition of the novel, censorship, self-censorship, last creative will

About the author: *Tikhomirov Boris N.* — Doctor of Philology, Deputy Director of Academic Affairs, The F. M. Dostoevsky Literary-Memorial Museum in St. Petersburg, the President of the Russian Dostoevsky Society (per. Kuznechnyy 5/2, St. Petersburg, 191002, Russian Federation)

Received: May 22, 2020

Date of publication: September 30, 2020

For citation: Tikhomirov B. N. “Hysterical Shrieks of the Cherubim”: Concerning a Textual Incident in the History of the Text of “*The Brothers Karamazov*”. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 3, pp. 166–174. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4561 (In Russ.)

References

1. Grossman L. P. *Zhizn' i trudy F. M. Dostoevskogo: biografiya v datakh i dokumentakh* [Life and Works of F. M. Dostoevsky: Biography in Terms of Dates and Documents]. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1935. 382 p. (In Russ.)
2. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [Dostoevsky F. M. The Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
3. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo: v 3 tomakh* [The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works: in 3 Vols]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1993–1995. (In Russ.)
4. Reyser S. A. *Osnovy tekstologii* [The Basics of Textual Criticism]. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1978. 176 p. (In Russ.)
5. Tikhomirov B. N. «...Ya zanimayus' etoy taynoy, ibo khochu byt' chelovekom»: stat'i i esse o Dostoevskom [“...I Deal with this Mystery Because I Want to Be Human”. Articles and Essays on Dostoevsky]. St. Petersburg, Serebryanny vek Publ., 2012. 501 p. (In Russ.)

DOI: 10.15393/j10.art.2020.4901

УДК 930.25+929

Т. В. Панюкова

*Петрозаводский государственный университет**(Петрозаводск, Российская Федерация)*

aurinko75@mail.ru

«Редкое существо, по уму, по сердцу, по характеру» (родственница Достоевского из Сибири)*

Аннотация. В статье представлены неизвестные факты из биографии людей, принадлежавших к семейному окружению Ф. М. Достоевского: его свояченицы Ольги Кирилловны Сниткиной и ее матери Надежды Ивановны Образцовой. Начальное знакомство с ними относится к дрезденскому периоду жизни писателя (1869–1870). Известные до сих пор немногочисленные сведения об их жизни были почерпнуты в основном из переписки Достоевского с женой и относятся к более позднему периоду. На основании системного анализа сохранившейся переписки семейства Сниткиных (родственников писателя со стороны жены), мемуарных свидетельств современников, генеалогических и краеведческих материалов, а также архивных разысканий была проведена реконструкция их биографии; введены в научный оборот несколько неизвестных документальных источников, хранящихся в фонде Департамента герольдии Российского государственного исторического архива и в фонде Петербургской духовной консистории Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга; установлены неизвестные до этого точная дата и место рождения одного из племянников Анны Григорьевны Достоевской — Вани Сниткина (17 мая 1873 г.), а также девичья фамилия его матери Ольги Кирилловны (урожденной Марьиной). Исследование показало, что род О. К. Сниткиной и Н. И. Образцовой ведет происхождение из Сибири и включает в себя представителей нескольких известных в середине XIX в. купеческих династий. В Приложении к статье приводится краткое текстологическое описание сохранившейся переписки этой ветви семейства Сниткиных с семьей Достоевских.

Ключевые слова: Достоевские, Сниткины, Марьины, Образцовы, Хаминовы, Пахолковы, Дрезден, Иркутск, Кяхта, сибирское купечество, потомственное почетное гражданство, Российский государственный исторический архив, Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга, архивный поиск, биография

Об авторе: Панюкова Татьяна Викторовна — ведущий редактор Издательства, Петрозаводский государственный университет (пр. Ленина, 33, Петрозаводск, Российская Федерация, 185910)

Дата поступления: 01.07.2020

Дата публикации: 30.09.2020

Для цитирования: Панюкова Т. В. «Редкое существо, по уму, по сердцу, по характеру» (родственница Достоевского из Сибири) // Неизвестный Достоевский. — 2020. — № 3. — С. 175–200. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4901

Петербургский филокартист А. Г. Сочагин, исследуя историю одной открытки из своей коллекции (речь идет о небольшом «открытом письме», адресованном Любови Федоровне Достоевской и отправленном, согласно почтовому штемпелю, 31 декабря 1909 г. из Царского Села Екатериной Владиславовны Ячевской, внучкой небезызвестного Ф. В. Булгарина), задумался над тем, когда и при каких обстоятельствах могли завязаться

дружеские связи между семьями Булгариных и Достоевских. Не найдя точного ответа, он высказал предположение: «Семейные связи по линии самих Достоевских довольно хорошо изучены. Поэтому, возможно, что тем мостом, через который произошло сближение семейств Достоевских и Булгариных, может являться кто-то из представителей рода Сниткиных. **Так, например, довольно загадочной фигурой является жена брата Анны Григорьевны — Ольга Кирилловна Сниткина** (выделено мной. — Т. П.). И если удастся установить, что либо она, либо кто-то другой пересекался где-то на родственном уровне с семьей Булгариных, то вся конструкция взаимоотношений дочери Достоевского — Любви Федоровны и внучки Булгарина — Екатерины Владиславовны Ячевской станет логичной и понятной» [Сочагин].

Имена сестер Булгариных: Екатерины Владиславовны (в замужестве Ячевской) и Ольги Владиславовны (в замужестве Тыртовой) — часто встречаются на страницах писем Любви Федоровны Достоевской к матери¹. Сохранилось также по одному письму каждой из них к Анне Григорьевне Достоевской [Андрианова: 184, 190]². Гипотеза А. Г. Сочагина вполне имела право на существование: практически отсутствовали какие-либо достоверные данные об этой дальней родственнице писателя (Ольга Кирилловна была невесткой Достоевского, женой Ивана Григорьевича Сниткина — любимого шурина писателя, единственного брата Анны Григорьевны Достоевской, урожденной Сниткиной). Большая часть известных о ней сведений почерпнута из переписки супругов Достоевских и касается времени ее замужества, включая сложный период разлада в семейной жизни Сниткиных и даже недолгого ухода молодой супруги и матери из дома³. Дополняют эти данные нечастые упоминания ее имени на страницах дневника 1867 года, воспоминаний и неопубликованных записных книжек А. Г. Достоевской, а также сохранившаяся переписка с Анной Григорьевной ее брата, Ольги Кирилловны и племянников [Андрианова: 119–120, 130, 177–178]. Почти ничего не было известно о раннем, до встречи с Иваном Григорьевичем, периоде жизни будущей невестки Достоевского и ее происхождении: в одном из писем к любимой племяннице Софье Александровне Ивановой Достоевский рассказывает о том, что невеста Ивана Григорьевича, с которой тот познакомился в Дрездене, юна и страшно богата, находится под опекой матери и отчима, что создает дополнительные препятствия к планировавшемуся браку влюбленных. При этом он не сообщает никаких сведений, которые могли бы пролить свет на то, из какой семьи происходила Ольга Кирилловна, какова была ее девичья фамилия, место и точное время рождения. Однако обнаруженные нами в Российском государственном историческом архиве несколько дел, дополненные фактами из метрической записи о рождении младшего племянника Анны Григорьевны — Ивана Ивановича Сниткина, а также некоторыми деталями из переписки с Анной Григорьевной ее старшего племянника — Григория Ивановича Сниткина,

вполне точно разрешают этот вопрос: никакого отношения к остзейским губерниям Российской империи и к семейству Булгарина ни сама Ольга Кирилловна, ни ее родственники никогда не имели. Место ее появления на свет — Сибирь; в ее роду — представители нескольких известных сибирских купеческих династий.

Знакомство с семьей будущей невесты завязалось в Дрездене, куда — к матери, сестре и зятю — в октябре 1869 г. из Москвы приехал Иван Григорьевич Сниткин. В октябре следующего 1870 г. он вернется в Россию, поддерживая связь с Ольгой Кирилловной через переписку [Летопись; т. 2: 222, 257], [ЛН: 416]. Ф. М. Достоевский, с самого начала знакомства с шурином относившийся к нему с большой симпатией, принял горячее участие в судьбе влюбленных и даже выступил посредником в деле денежного займа между Иваном Григорьевичем и своей дальней родственницей со стороны сестры Еленой Павловной Ивановой. Подробности подготовки к браку содержатся в упомянутом опубликованном письме Достоевского к С. А. Ивановой, отправленном им из Дрездена 29 марта (10 апреля) 1871 г., — напомним их:

«А теперь, другъ мой, я заговорю объ одномъ чрезвычайно щекотливомъ дѣлѣ, касающемся другаго лица, по его просьбѣ. Пишу подѣ большимъ секретомъ. Къ Вамъ просьба моя чрезвычайная содѣйствовать, если можете, {одному} дѣлу. Если можете {не} отказать, — {то} не откажите. Если любите меня, то сдѣлайте что нибудь.

Вотъ въ чемъ дѣло:

Весь прошедшій годъ проживалъ здѣсь въ Дрезденѣ Иванъ Григорьевичъ Сниткинъ, мой шуринокъ. Вы объ этомъ знаете, онъ былъ у Васъ по возвращеніи. Онъ здѣсь влюбился. Здѣсь бездна скитающихся русскихъ и между прочими одно богатое семейство, изъ бывшихъ купцовъ. Въ этомъ то богатомъ и многочисленномъ семействѣ есть одна дѣвушка — рѣдкое существо, по уму, по сердцу, по характеру. (Я не знакомъ по домамъ, такъ какъ самъ избѣгаю знакомствъ, но мы радушно встрѣчаемся). Иванъ-же Григорьевичъ въ домъ былъ близокъ. Кончилось пламенною любовью, дѣвушка влюбилась въ него, а онъ въ нее. Оба поклялись другъ другу навѣки и теперь секретно и поминутно переписываются. Родители ничего не знаютъ. Вся бѣда въ томъ, что невеста — чрезвычайная богачка, а женихъ, сравнительно съ нею, совершенно бѣденъ. Хоть его и любили въ семействѣ родители дѣвушки и принимали радушно, но елибѣ онъ только заикнулся о предложеніи, то ему навѣрно бы (и безвозвратно) отказали. Напротивъ ее хотятъ выдать за одного знакомаго имъ въ Россіи купца. Ей еще только 18 лѣтъ, но черезъ годъ или раньше это сбудется надъ нею и она — погибла. Она такъ любитъ Ивана Григорьевича что готова на все, т. е. обвиняться тайно. Объ этомъ-то теперь и хлопочетъ Ив<анъ> Григорьевичъ (Еще разъ предупреждаю, что пишу Вамъ въ чрезвычайномъ секретѣ; не погубите его).

Вся бѣда въ деньгахъ. Онъ хотѣ и могъ бы рассчитывать на помощь отъ матери, (которая живетъ теперь вмѣстѣ съ нами), но у ней петербургскій домъ ея въ процессѣ. Процессъ навѣрно кончится въ ея пользу, но покамѣстъ она ничего не можетъ дать ему, хотя спитъ и видитъ какъ-бы помочь ему. Время-же не терпитъ.

Двѣ недѣли назадъ Ив<анъ> Григорьевичъ писалъ сюда женѣ, что онъ говорилъ съ Еленой Павловной и не объясняя ей причины, разомъ попросилъ у нея займы двѣ тысячи. Она ничего ему не сказала утѣшительнаго. А такъ какъ онъ сильно рассчитывалъ занять у ней, то и проситъ теперь меня написать Вамъ и попросить Васъ (отъ меня) поддержать его просьбу у Елены Павловны. Я потребовалъ, чтобъ онъ позволилъ мнѣ рассказать Вамъ всю причину и изложить всю истину. Третьяго дня онъ отвѣтилъ согласіемъ, прибавивъ при этомъ разсужденіе что “такимъ, которые женятся на богатыхъ не помогаютъ, а могутъ заинтересоваться только бѣдными”.

Вслѣдствіе его позволенія я и пишу теперь къ Вамъ Сонечка. Все чего онъ трепещетъ теперь это то, что узнаютъ что онъ женится на богатой. Ему стыдно, напримѣръ, если Вы узнаете. Тутъ чистота сердца и невинность первоначальныя. Когда они полюбили другъ друга онъ еще и не зналъ, что она такъ богата. Когда же узналъ что за нею 150,000∞ приданаго, то это его сразило. Все объ чемъ они взаимно плачутъ, — это то что у ней столько денегъ. Все это буквально такъ; я ничего не преувеличиваю, и — ужъ конечно не смѣюсь надъ этимъ.

Одно скажу, она дѣлнѣе его. Мало того — она рѣшительно высокихъ качествъ дѣвушка и необыкновеннаго характера⁴. Я въ дѣлѣ не участвую и съ нею не въ сношеніяхъ, но я многое слышалъ. Между прочимъ она очень страдаетъ. Отчимъ гонитъ ее, и именно за то, что она все отказывается выйти за мужъ за его знакомаго купца. Отчимъ съ ея матерью дѣлаетъ все что угодно и въ семействѣ всевластенъ. (Въ семействѣ только дочери; ихъ кажется пять. Невѣста Ив<ана> Григорьевича изъ самыхъ старшихъ)<.>

Теперь Вы видите въ чемъ дѣло, Сонечка. Скажу Вамъ мое мнѣніе искренно и ни мало не вилля душой: Съ Ив<аномъ> Григорьевичемъ мы прожили здѣсь весь прошлый годъ; я видѣлъ его каждый день. Какъ онъ ни молодъ, но въ немъ ужъ и теперь ясно виденъ будущій честный, твердый, дѣльный человѣкъ. Онъ конечно слишкомъ наивнаго, увлекающагося благородства, но на вещи онъ уже и теперь смотритъ ясно и разсудительно и безразсудства не сдѣлаетъ. Ее онъ ставитъ самъ выше себя. А она не по лѣтамъ съ характеромъ и къ тому же остроумна. Любитъ его ужасно. И такъ мое мнѣніе — бракъ этотъ принесетъ только имъ взаимное счастье. Если разстроится, то дѣвушка по крайней мѣрѣ будетъ крайне несчастна. Не подумайте (да вы и не подумаете) что я хлопочу тутъ {лишь для того}, чтобъ доставить Ив<ану> Григорьевичу богатство. Мнѣ просто ихъ жалко; но признаюсь Вамъ совершенно откровенно, что и богатствомъ я вовсе не пренебрегаю въ моемъ взглядѣ на это дѣло. Изъ Ив<ана> Григорьевича непременно выйдетъ весьма

дѣльный человѣкъ, а съ такими средствами въ самомъ началѣ онъ только расширитъ себѣ кругъ полезной дѣятельности. (Онъ искренно готовитъ себя на всю жизнь къ сельскому хозяйству.)

Скажу Вамъ что возможность обвиняться увозомъ (надо же выговорить слово) совсѣмъ почти не мечта и можетъ дѣйствительно осуществиться. Но для этого ему надо деньги, а онъ не можетъ ихъ занять теперь ни откуда, кромѣ какъ у Елены Павловны. А между тѣмъ драгоценное время уходитъ. Онъ кажется очень неловко спросилъ у Елены Павловны 2000[∞] (по моему и не надо столько денегъ, можно бы и меньше). Замѣтьте, что та ему не совсѣмъ отказала. Замѣтьте еще что возвратъ денегъ Еленѣ Павловнѣ по моему совершенно вѣренъ. Невѣсту не можетъ никто лишить ея имѣнія (состоящаго въ чистыхъ деньгахъ). Оно имъ оставлено отъ покойника отца; надъ ними опека; а мать замужемъ въ другой разъ.

Кромѣ того у матери Ив<ана> Гр<игорьевича> домъ и еслибы даже и проигрался ея процессъ (а онъ будетъ выигранъ) то все таки домъ можетъ быть проданъ за такую сумму, что не только долги (о которыхъ идетъ процессъ) будутъ заплачены, но и выручится нѣсколько тысячъ сверхъ-того, стало быть будетъ чѣмъ заплатить, даже и въ случаѣ неудачъ совсѣхъ сторонъ. <...>

И такъ если Ваше ходатайство и совѣтъ {могутъ} что нибудь значить для Елены Павловны, то не откажите помочь. Если надо будетъ изложите ей дѣло подъ секретомъ. Впрочемъ кромѣ изложенія данныхъ по этому дѣлу болѣе вѣдь ничего и не нужно. Конечно лучше бы было не говорить Еленѣ Павловнѣ о подробностяхъ. Напомните Еленѣ Павловнѣ обо мнѣ и поклонитесь ей отъ меня.

Письмо мое вручитъ Вамъ самъ Ив<анъ> Григорьевичъ⁵».

Протекция Ф. М. Достоевского помогла: Елена Павловна одолжила необходимую для организации «увоза» невесты и тайного венчания сумму. Об этом 16 июля 1871 г., уже из Петербурга в Дрезден, писал Ф. М. Достоевский к теще А. Н. Сниткиной: «Сегодня Аня получила письмо от Ивана Григорьевича. Пишет, что *деньги получил* и через два дня будет в Петербурге у нас, проездом в Дрезден. Обо всем переговорим. Итак, ждите Ивана Григорьевича» (ДЗ0; т. 29₁: 217–218, № 429). Надо отметить, что участие Елены Павловны в судьбе Ивана Григорьевича не ограничилось только этой разовой материальной помощью. В июле 1875 г. во время семейного разлада Сниткиных она с искренним сочувствием и сопереживанием пишет Достоевскому: «...жизнь его какъ видно совершенно разбита, а три года назадъ казалось что счастье такъ улыбалось ему во всемъ, по отъѣздѣ своемъ онъ на долго навѣялъ на меня самое грустное расположеніе духа. Я живу еще надеждою что все это еще поправимо, такъ какъ изъ его словъ поняла что онъ сильно любитъ Ольгу Кирил<ловну>»⁶. А двумя годами ранее, в 1873 г., Елена Павловна даже выступила в роли крестной матери у второго сына Ивана Григорьевича и Ольги Кирилловны, Вани Сниткина.

Венчание молодых влюбленных произошло в конце лета — начале осени 1871 г. — точная дата неизвестна, т. к. документ, зафиксировавший брак, пока не обнаружен. Некоторые подробности находим в воспоминаниях Анны Григорьевны и в ее примечании к письму Ф. М. Достоевского от 29 апреля 1871 г.

«Первое время после возвращения в Россию я <...> с нетерпением ждала возвращения из Дрездена моей матери, уехавшей на свадьбу сына» [Достоевская: 268].

«Иванъ Григорьевичъ — мой братъ, у котораго Ѳ. М. предполагалъ взять взаймы 4000 руб. Эти деньги достались Ив<ану> Гр<игорьевичу> послѣ отца и онъ давно предлагалъ ихъ Ѳ. М., но до совершеннолѣтія самъ не могъ ихъ получить. Но въ этомъ же году {осенью} Иванъ Григорьевичъ увезъ изъ Дрездена свою будущую жену, Ольгу Кириловну, въ Вѣну и тайкомъ обвѣнчался съ нею у Греческаго Митрополита. Увозъ и тайное вѣнчаніе стоили [большихъ] {громадныхъ} денегъ, такъ что онъ могъ ссудить насъ лишь небольшою суммою. Чтобы разсѣять опасенія матери своей будущей жены И<ванъ> Гр<игорьевичъ> рѣшился уѣхать на 2–3 мѣс<яца> въ Россію и хотѣлъ поселиться въ Царск<омъ> селѣ у товарища» (РГАЛИ. Ф. 212.1.152. С. 148; ср.: Д30; т. 29₁: 468).

Итак, сведения, которые можно получить из скурых упоминаний об этих событиях, сводятся к следующим: невесту звали Ольга Кирилловна, происходила она из купеческого сословия (причем из купечества богатого), отец ее к 1869 г. уже умер, а мать вышла замуж во второй раз. Фамилия отчима (Образцов) упоминается в нескольких письмах лета 1873 г.⁷ Ольга Кирилловна — старшая из нескольких («кажется, пять») дочерей от первого брака, на начало 1871 г. ей было 18 лет. Нигде не указана ее (а, значит, и ее умершего отца-купца) фамилия. Не называется также и имя ее матери, что вынуждает комментаторов прибегать к описательным конструкциям: «мать О. К. Сниткиной, жена Образцова» (Д30; т. 29₁: 510). В одном из писем Федора Михайловича к жене о ней говорится так: «...сама [она] **старуха** (выделено мной. — Т. П.) прислала письмо на В. и опять белья в подарок» [Переписка: 80] (забегая вперед, скажем, что «старухе» на тот момент было всего 39 лет). Подобные немногочисленные исходные данные об этой родственнице писателя не представляли возможности поиска каких-либо сведений о ее происхождении. Необходимо было их дополнить.

Имя матери Ольги Кирилловны обнаружилось в сохранившейся обширной переписке ее старшего сына Григория Ивановича Сниткина со своей теткой, Анной Григорьевной. Рассказывая там обо всех семейных событиях, он несколько раз поминает и обеих бабушек, как со стороны отца (почти постоянно жившую с ними в имении Малый Прикол Анну Николаевну Сниткину), так и со стороны матери («...бабушка Надежда Ивановна»⁸) —

последнее упоминание о ней содержится в письме от февраля 1901 г. Итак, *Надежда Ивановна Образцова* — теща Ивана Григорьевича Сниткина.

В этой же переписке нашлось и второе указание, явно отсылающее к родственному кругу. В письме к Анне Григорьевне, отправленном из Киева 30 июля 1899 г., ее старший племянник сообщал: «*Мама (Ольга Кирилловна. — Т. П.) перестала мнѣ помогать. Она на меня сердится []({не знаю за что}) и даже мнѣ не пишетъ. Ваня былъ у насъ въ Кіевъ въ Іюнь и говорилъ, что тутъ замѣшаны **Пахолковы и Образцовы** (выделено мной. — Т. П.), которые будто бы настроили ее противъ моей женитьбы*»⁹. Старший сын повторил судьбу своей матери, тоже женившись, вопреки желанию родных, не по расчету (вспомним планы семьи выдать Ольгу Кирилловну за знакомого купца), а по любви, на девушке небогатой. Мать, поддавшись влиянию семьи, на некоторое время прекратила всякое общение с сыном и всякую ему поддержку. Из двух названных в письме фамилий — вторая принадлежит отчиму Ольги Кирилловны, родне со стороны ее матери Надежды Ивановны, а вот первая отсылает к достаточно известному в истории сибирского предпринимательства купеческому семейному клану, представителем которого были в XIX в. крупными кяхтинскими, нерчинскими и иркутскими купцами. Семейные узы связывали Пахолковых также с другими крупными сибирскими купеческими фамилиями: Немчиновых, Котельниковых, Колыгиных, Лаврентьевых, Верхотиных, Хаминовых.

Основателем фамилии, как указывается в «Энциклопедическом словаре по истории купечества и коммерции Сибири», был великоустюжский (Вологодская губ.) купец Иван Андреевич Пахолков, бывший сначала в 3-й гильдии, а с начала 1836 г. перешедший в 1-й гильдию; в 1840 г. по торговым делам перевелся по той же 1-й гильдии в кяхтинское купечество (Иркутская губ.; прошение в Иркутскую казенную палату от 1839 г.), в котором и состоял до своей смерти в 1844 г.¹⁰ Похоронен на территории Чикойского Иоанно-Предтеченского монастыря, куда неоднократно жертвовал и которому завещал капитал в 50 тыс. руб. Называются и члены его семьи — жена Александра Андреевна и дети: Авдотья (род. 1826; в замужестве Хаминова), Андрей (род. 1828), Вера (род. 1829; в замужестве Тюляева), Николай (род. 1830), Иван (род. 1831), Прокопий (род. 1835), Феодосий (род. 1838) и, наконец, **Надежда Ивановна Пахолкова** (род. 1834; в замужестве **Образцова**) — мать Ольги Кирилловны Сниткиной (!) [Зуева, Жиров, Гаврилова], [Зуева]. Подтверждая, таким образом, происхождение матери из известной купеческой семьи и проясняя место ее рождения, никаких дополнительных сведений об этой младшей дочери Ивана Пахолкова, в т. ч. и об ее первом браке, энциклопедия, к сожалению, не содержит.

О ее братьях и сестрах (тетках и дядьях Ольги Кирилловны) известно больше. Из пятерых братьев старший, *Андрей*, избрал военную часть, дослужившись до звания майора; второй, *Николай*, рано умер (в завещании сестры Евдокии выделена часть средств на его поминание); третий, *Иван*,

был поручителем на венчании своей сестры Надежды. Два младших брата Прокопий и Феодосий пошли по стопам отца и добились значительных успехов в предпринимательской деятельности. *Прокопий Иванович Пахолков* (1835–1914) был нерчинским и иркутским коммерсантом, участником экспедиций на Амур в сер. XIX в., пароходовладельцем (в 1872 г. для плаванья по Амуру построил пароход «Купец»). К нему, как к опытному специалисту, обращался за консультациями по организации пароходства по р. Лене его родственник, знаменитый тарский, верхнеудинский и кяхтинский купец 1-й гильдии, коммерции советник, действительный статский советник, потомственный почетный гражданин Я. А. Немчинов, считавшийся одним из самых богатых людей Сибири XIX в. (только официально объявленный им капитал составлял 17 млн. рублей серебром). Последние 14 лет жизни Прокопий Иванович прожил в Висбадене. 18 августа 1914 г. был найден выпавшим из окна частной московской лечебницы Рукавишников — причиной гибели некоторые считали финансовые неприятности, вызванные Первой мировой войной [Смерть П. И. Пахолкова]. *Феодосий Иванович Пахолков* (1838–1887?), кяхтинский, затем иркутский купец 1-й и 2-й гильдии, потомственный почетный гражданин. Женившись на дочери кяхтинского миллионера Якова Андреевича Немчинова Александре (?), получил за женой в приданое 500 тысяч рублей. В 1872 г. вошел в члены «Бодайбинской золотопромышленной компании». В рамках фирмы «Кузнецов и Пахолков» осуществлял торговлю вином и бакалеей, имел в Иркутске ряд винных магазинов и ренсковых погребов. Расцвет его торгово-промышленной деятельности пришелся на 1890-е гг. В октябре 1899 г. открыл в Иркутске карамельную фабрику «Пахолков и Васильев» (закрыта в 1900) и магазин по продаже ее изделий. Занимался также мелким кредитованием. Имел в Иркутске каменные дома. Исполнял ряд общественных служб (гласный городской думы, директор театра, член Попечительного совета сиропитательного дома Е. Медведниковой, член Пожарного общества). Как он, так и его жена участвовали в благотворительности [Зуева, Жиров, Гаврилова]. Одна из сестер *Вера Ивановна* была замужем за богородским купцом 2-й гильдии, потомственным почетным гражданином Иваном Онисимовичем Тюляевым (1822–1897). Проживали они в Москве в Яузской части, 4-го квартала, в приходе церкви св. Симеона Столпника, на Николо-Ямской улице, в собственном доме. Но, пожалуй, наиболее известной, благодаря своему браку, стала старшая сестра, *Евдокия Ивановна*. 31 января 1845 г. в Воскресенской церкви родной Кяхты 18-летняя Евдокия была обвенчана с выходцем из Сольвычегодска иркутским купцом 3-й гильдии *Иваном Степановичем Хаминовым*¹¹ (1817–1884), в будущем — одним из ведущих предпринимателей Сибири [Гаврилова, 2011], [Гаврилова, 2012], [Гаврилова, Хаминов].

Остановимся на этом имени. Оно встретится нам как имя одного из крестных в метрической записи о рождении второго сына Ивана Григорьевича и Ольги Кирилловны Сниткиных — Ивана (вспомним, что крестными чаще всего выбирались люди из ближайшего родственного окружения ребенка).

Званіе, имя, отчество и фамилія воспріемниковъ: *Иркутскій первостатейный 1^й гильдіи Купецъ, потомственный Почетный Гражданинъ и Кавалеръ Иванъ Степановъ Хаминовъ и вдова умершаго Коллежскаго Ассесора Елена Павлова Иванова.*

Кто совершалъ таинство крещенія: *Священникъ Іоаннъ Мизеретскій съ Псаломщикомъ Васильемъ Лѣсковымъ.*

Рукоприкладство свидѣтелей записи по желанію:

Выдано свидѣтельство о рождѣніи и крещеніи младенца Іоанна сего 1873 года Августа 7 дня за № 14»¹².

Приведем более подробные данные об этом родственнике Ольги Кирилловны Сниткиной, оставившем заметный след в истории предпринимательства Восточной Сибири. Иван Степанович Хаминов был уроженцем небольшого уездного города Вологодской губернии Сольвычегодска; первые упоминания о его предках на этой земле известны с сер. XVII в. Подростком, в конце 1820-х — начале 1830-х гг., вместе с братом Иваном он был отправлен для помощи в торговых делах в крупный товаро-распределительный и административный центр Восточной Сибири Иркутск, к своему родственнику Прокопию Верхотину, сольвычегодскому, позже иркутскому купцу 2-й гильдии, активно занимавшемуся розничной мануфактурной торговлей и казенными подрядами. Начав с должности приказчика у П. Верхотина, к 1845 г. он завел самостоятельное дело. Подъему и формированию первоначального капитала способствовали два обстоятельства: опека над детьми умершего хозяина и удачная женитьба на дочери богатого забайкальского купца (Евдокии Пахолковой). Иркутский купец 3-й (1845), 2-й (1849), 1-й гильдии (1850), кавалер орденов Св. Станислава всех трех степеней, Св. Анны 2-й и 1-й ст., Св. Владимира 4-й и 3-й ст. и др. знаков отличия; трижды избирался на должность городского головы Иркутска (1859–1865, 1868–1871), гласный городской думы (1872–1882), потомственный почетный гражданин (1863), коммерции советник (1879), тайный советник (1882), почетный гражданин города Иркутска (1883). Был записан также кяхтинским купцом, вел чайную торговлю с Китаем. Доверенными лицами его выступали П. А. Пономарев и М. Ф. Немчинов. Получив в 1867 г. дозволительное свидетельство на поиск золота в Восточной Сибири, приобрел ряд приисков в Болайбо. Пароходовладелец: его суда ходили по Байкалу, Лене, Селенге; на паях с сибирскими купцами Марбиным, Кондинским, Тецковым основал компанию «Опыт» для перевозки грузов между Томском и Тюменью. На восток доставлялись грузы с Ирбитской ярмарки (чугун, железо, изделия уральских заводов), на запад везли чай, медь, олово, свинец с Алтайских заводов. Компаньон объединений пароходовладельцев «Польза», «Комиссионерство сибирского буксирного пароходства», «Комиссионерство сибирского пароходства» Западной Сибири. Крупный оптовик. Вел торговые дела в Кяхте, Нерчинском округе, Верхнеудинске, Иркутске, Якутске, на Лене, совершал

крупные сделки на Нижегородской и Ирбитской ярмарках, в Москве (сбыт пушнины), в Гамбурге. Торговый ассортимент включал мануфактурные, бакалейно-гастрономические изделия, вина, хлеб, чай (владел крупными чайными плантациями в Китае, откуда делал поставки чая в Россию). Занимался ростовщическим кредитом (за неправомочные действия в области коммерции даже привлекался к уголовной ответственности и получил среди горожан клички «Хам» и «Козел очищения»). Активно привлекался властями к работе различных компаний по экономическим вопросам. Известен широкой благотворительной и общественной деятельностью¹³ [Гаврилова, 2011], [Гаврилова, 2012], [Гаврилова, Хаминов].

При огромном состоянии (капитал его на 1884 г. оценивался в 5, по др. данным — в 7 млн. руб.) — не имел прямых наследников (брак был бездетным) и умер, не оставив завещания. «Это событие вызвало в Иркутске значительный резонанс, став предметом пристального внимания и обсуждений. К этому времени традиции благотворительности, в том числе и крупных пожертвований в пользу города по завещаниям, были в Иркутске весьма устойчивы (завещания Е. М. Медведниковой, Е. А. Кузнецова, П. И. Катышевцева, И. И. Базанова, И. Н. Трапезникова и др.). Случай же с И. С. Хаминовым, пожалуй, стал одним из немногих, если не единственным за весь XIX в. событием в Иркутске, повлекшим за собой неопределенность назначения столь крупных капиталов» [Гаврилова, 2012]. Весь капитал его был раздроблен между многочисленными дальними родственниками в Томске и Сольвычегодске. Четвертую часть движимого имущества и седьмую часть недвижимого унаследовал вдова, Евдокия Ивановна Хаминова, родная тетушка Ольги Кирилловны.

Прожив только первые несколько лет брака с мужем, Евдокия Ивановна осталась фактически одна, семейная жизнь ее не состоялась. «Ко времени моего появления въ Иркутскъ, — вспоминал один из современников Ивана Степановича, — онъ уже не жилъ съ женой, при чемъ всѣ близко стоявшіе къ Хаминову, да и самъ онъ порой, не обвиняли жены: на столько невыносимъ былъ его характеръ и образъ его жизни. <...> вначалѣ онъ любилъ покутить, и подъ хмелькомъ самодурствовалъ...» [Милютин: 358]. Евдокия Ивановна практически постоянно жила за границей. Возможно, именно для встречи с сестрой за границу в конце 1860-х приехала овдовевшая и вновь вышедшая замуж ее младшая сестра Надежда Ивановна вместе со своими дочерьми.

Евдокия Ивановна умерла 29 марта 1890 г. 23 октября этого же года домашнее духовное завещание вдовы тайного советника Евдокии Ивановны Хаминовой, составленное через год после смерти мужа, в 1885 г., было утверждено публичным заседанием московского окружного суда. Текст завещания был опубликован в 1891 г. в «Известиях Иркутской городской думы» и известен исследователям истории сибирского предпринимательства. В нем мы опять встречаем знакомые нам имена из семейства Сниткиных.

Исполнителями завещания назначались муж средней сестры, Веры Ивановны, Иван Онисимович Тюляев, и старший брат Андрей. По распоряжению завещательницы часть ее имущества, унаследованного от мужа, была направлена на благотворительность, часть, достаточно большая, завещана ее крестнице и воспитаннице Лидии Зибинской. Были упомянуты в завещании и две младших сестры (мать и тетка Ольги Кирилловны — Надежда Ивановна Образцова и московская купеческая жена Вера Ивановна Тюляева), а также все племянники и племянницы. Так обеим сестрам были оставлены все «Св. иконы, серебро, японскія и другія цѣнныя вещи», в т. ч. «фамильныя иконы» из трех принадлежавших завещательнице домов в Иркутске (сами дома со всем движимым в них имуществом были подарены городу) [Завещание: 263]. Сестре Надежде было поручено также «принять къ себѣ Лидію Зибинскую», «которую она хорошо знаетъ, а также и гдѣ она находится», «какъ родную; воспитывать ее въ духѣ нашей православной религіи и нравственности; дать ей хорошее, серьезное образование» [Завещание: 263]. Обеим сестрам, а также всем племянникам и племянницам «въ числѣ 19 лицъ» (не называя каждого поименно) была завещана половина «изъ девяноста трехъ билетовъ 1-го внутр. съ выигр. займа и пятидесяти трехъ 2-го внутр. съ выигрышами займа» — причитающаяся каждому часть не превышала 1000 р. [Завещание: 266, 269]. Трем племянницам: дочерям брата Андрея Александре и Вере Андреевне Пахолковым, а также второй дочери сестры Надежды — Вере Кирилловне Валицкой (младшей сестре Ольги Кирилловны) достались билеты Государственного банка. Двум сыновьям еще одной племянницы, Ольги Кирилловны, проживающей в Харькове, «Ивану и Григорію Сниткинымъ» (племянникам Анны Григорьевны Достоевской), были завещаны «тринадцать билетовъ 6 % харьковского поземельнаго банка, каждый по сто рублей (1,300 р.)», беспошлинно [Завещание: 266, 269].

Все вышеозначенные подробности о купеческих династиях Пахолковых и Хаминовых, проясняя родственные связи матери Ольги Кирилловны (также входившей в окружение Ф. М. Достоевского), не давали однако же разгадки о происхождении самой Ольги Кирилловны: по-прежнему была неизвестна ее девичья фамилия и в целом оставалась неустановленной личность ее отца, первого мужа Надежды Ивановны (было понятно только, что его звали Кириллом и что он также принадлежал к купеческим династиям — вероятнее всего, Сибири). В переписке со мной исследовательница истории сибирского предпринимательства, купечества и меценатства Наталья Игоревна Гаврилова, основываясь на том, что к середине XIX в. купеческие сибирские кланы отличались завидной устойчивостью и браки, как правило, заключались в значительной степени исходя из целей и задач коммерческих дел, а представители породнившихся фамилий зачастую выступали компаньонами в тех или иных сферах предпринимательства, — сделала предположение (казавшееся фантастичным, но

впоследствии вполне подтвердившееся документами): анализируя деловые связи семейств Хаминовых и Пахолковых, она обратила внимание на имя одного из постоянных компаньонов Ивана Степановича Хаминова — томского купца Кирилла (!) Григорьевича Марьина (1822/1823–1860). Что, если он-то и был искомым отцом Ольги Кирилловны?¹⁴

Кирилл Григорьевич был одним из пяти сыновей пермского купца 3-й гильдии Григория Алексеевича Марьина, торговавшего в Перми и окрестных селах мануфактурными и продовольственными товарами. Все дети Григория Алексеевича, несмотря на домашнее образование, выросли людьми предприимчивыми и пошли по стопам отца: старший Гавриил был купцом 2-й гильдии, вел торговлю чаем и сахаром в собственном доме; Василий стал купцом 3-й гильдии, младший брат Иван — пермским купцом 1-й гильдии, торгуя мануфактурными товарами в гостином дворе, крупным пермским благотворителем, первым директором первого в губернском центре Пермского городского общественного Марьинского банка, основанного в 1863 г. на средства старшего брата Кирилла Григорьевича, завещавшего родному городу часть своего капитала (13 тыс. руб.). Выступая как финансово-кредитное учреждение под контролем городского общества, Марьинский банк пользовался заслуженной популярностью среди пермяков. Был еще один брат Андриан. Но самым известным и удачливым из братьев оказался Кирилл Григорьевич, решивший попытаться счастья в Забайкалье. Томский купец 3-й гильдии, с капиталом в 2,4 тыс. руб. сер. (1848). Селенгинский купец 1-й гильдии (с 1849). Основное занятие — торговля чаем. Оборот его торговых операций в Кяхте (главном центре русско-китайской торговли, почти столетие снабжавшем чаем всю Россию и Западную Европу) составлял 112 тыс. руб. в 1850 г. и 375 тыс. — в 1860 г. Входил в число крупнейших поставщиков китайских товаров в Москву, на Ирбитскую и Макарьевскую ярмарки. По данным маклерской книги г. Иркутска за 1855 г., заключил 17 контрактов на доставку 15 тыс. пудов груза. Один из основателей пароходства на Оби и Иртыше. В 1853 г. вошел в пароходную компанию, владеющую пароходами «Ермак» и «Основа» (с 1857 г. она стала именоваться «Польза»). После ее распада в 1860 г. вместе с И. С. Хаминовым основал новую пароходную компанию «Опыт». Часть капитала вкладывал в золотодобычу, образовав в 1855 г. вместе с надворным советником И. С. Персиным, иркутскими купцами И. С. Хаминовым и М. В. Михеевым золотопромышленную компанию. Умер в 1860 г. в расцвете предпринимательской карьеры [Разгон, 1996], [Разгон, 2013], [Шилов], [Верхоланцев], [Баяндина]¹⁵.

О семейном положении К. Г. Марьина и об имени его жены (если он был женат) источники не сообщали. Однако, помимо совпадения имени (не такого уж частотного), сама ситуация, когда родственники, мужья двух родных сестер, одновременно выступают и в роли компаньонов, представлялась вполне логичной и типичной. Оставалось с помощью документов либо подтвердить, либо отвергнуть данную гипотезу.

Илл. 2. Кирилл Григорьевич Марьин¹⁶

Fig. 2. Kirill Grigorievich Maryin

Поиски, по проторенному уже пути, шли в Российском государственном историческом архиве. Здесь в Департаменте герольдии хранятся дела об утверждении как в дворянстве, так и в потомственном почетном гражданстве — особом привилегированном классе городских обывателей, составлявшем небольшую прослойку между купечеством и дворянством. На получение этого звания имели право, среди прочих, купцы, долгое время состоявшие в 1-й гильдии. В фонде обнаружилось два дела, связанных с интересующей нас купеческой династией: в начале 1880 г. прошение о зачислении в потомственное почетное гражданство в Департамент герольдии было подано младшим братом Кирилла Григорьевича, пермским купцом 1-й гильдии Иваном Григорьевичем Марьиным¹⁷. Второе дело непосредственно относится к нашим поискам: «Правительствующаго Сената. Департамента герольдіи. По 1 столу 3 экспедиціи ДѢЛО. По прошенію купца Хаминова о возведеніи состоящихъ подъ его опекою дѣтей умершаго Селенгенскаго 1 гильдіи купца Кирилла Марьина въ потомственное почетное гражданство. Слушано 4го Декабря 1863»¹⁸. Простение было подано 19 июня 1863 г. одним из опекунов «надъ имѣніемъ и дѣтьми умершаго Селенгинскаго первой гильдіи купца Кирилла Григорьева Марьина» — «почетнымъ

гражданиномъ Иркутскимъ первой гильдіи купцомъ Иваномъ Степановымъ Хаминовымъ» и изъясняло права детей покойного, четырех дочерей, на возведение в звание потомственных почетных граждан, уже первыми же своими строками подтверждая верность заявленной гипотезы:

«Купецъ Кирилль Григорьевъ Марьянъ (нынѣ уже умершій) сряду и непрерывно состоялъ купцомъ первой гильдіи по городамъ Селенгинску и Кяхтѣ съ 1849 года по смерть свою до 1861 года 12 лѣтъ, каковымъ состояніемъ въ гильдіи и небытностію во все это время подѣ несостоятельностью и подѣ судомъ, приобрѣлъ право на Потомственное Почетное Гражданство, въ которое за смертію его и выходомъ въ замужество жены его Надежды Ивановой должны быть введены законные ихъ дѣти дочери: Ольга, Вѣра, Анна и Анастасія Кирилловы Марьяны перечисленные по смерти отца ихъ Марьяна на 1861 годъ изъ Селенгинскаго первой гильдіи купечества по этой же гильдіи въ купечество по городу Иркутску, гдѣ состояли они записанными въ купечествѣ первой гильдіи какъ въ 1861 и 1862 годахъ такъ и состоятъ записанными по 2 гильдіи и на сей 1863 годъ, и во время состоянія ихъ въ Иркутскомъ купечествѣ также не подпадали несостоятельности и не были опорооченными судебными приговорами, находившійся же въ семействѣ Марьяна еще сынъ его Григорій въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1861 года волею Божіею померъ...»¹⁹.

Итак — четыре дочери, старшая — Ольга Кирилловна Марьяна, в будущем Сниткина, умершій сын, вышедшая к моменту подачи прошения второй раз замуж мать Надежда Ивановна. К прошению, как и положено, были представлены установленные законом документы, подтверждающие право на получение просимого звания: копии всех четырех метрических свидетельств дочерей (выданы Иркутской духовной консисторией 23.08.1861, №№ 3066, 3067, 3068, 3069), копия свидетельства о первом браке Надежды Ивановны (Иркутская духовная консистория, 23.08.1861, № 3064), свидетельство о православном вероисповедании и непринадлежности к расколу или к скопческим сектам (выдано военным генерал-губернатором и гражданским губернатором г. Иркутска 5. 09.1862, № 4369); свидетельства о праве на получение звания — от Кяхтинской городской ратуши (22.03.1863, № 854), Селенгинского словесного суда (15.03.1863, № 351), Иркутской градской думы (6.06.1863, № 2825); свидетельство иркутского Сиротского суда об определении И. С. Хаминова опекуном (19.03.1863, № 542). Опекунство была учреждена иркутским Сиротским судом 10 октября 1860 г., вторым опекуном назначена мать детей, на тот момент уже вышедшая вторично замуж («**чиновница Образцова**»²⁰).

Сделав отступление, надо заметить, что опекунство над детьми умерших купцов, устанавливавшееся до достижения ими совершеннолетия, включало в себя «право на хозяйственное распоряжение вверявшегося опекунам в управление капитала и имущества» и было «распространенным источником получения кредитных средств»: как пишет исследователь сибирского

купечества В. Н. Разгон, «купцам, назначавшимся сиротским судом на роль опекунов, по закону разрешалось обращать в свою пользу до 5 % прибыли, получаемой от оборота капитала опекуемых, а поскольку самым распространенным способом оборота и приращения вверяемых в опекунское управление капиталов была раздача их в ссуду под проценты, то опекуны приобретали возможность получать значительную выгоду за счет использования вверенного им капитала для дополнительного кредитования собственных торговых операций» [Разгон, 1999: 254]. Вспомним, что первоначальный капитал тому же Ивану Степановичу в 1845 г. принесла не только выгодная женитьба на тетке опекаемых им теперь детей Марьиных, Евдокии Ивановне, но и опека над умершими детьми его хозяина, и что одним из видов его деятельности было как раз кредитование. Отчитываясь, со своей стороны, перед дочерью и зятем в 1873 г. по опеке над имуществом дочери, Надежда Ивановна писала, «что она не только сохранила, но и приумножила капитал, понимая свою обязанность» [Переписка: 80]²¹.

Из дальнейших документов дела проясняются некоторые детали биографии как самого Кирилла Григорьевича Марьина, так и его семьи. Перечислившись из томских купцов 3-й гильдии в 1-ю, Кирилл Григорьевич поочередно был селенгинским (1849–1853), кяхтинским (1853–1857) и опять селенгинским (1857–1860) купцом. Надежда Ивановна вступила в первый брак в 16 лет — 14 января 1851 г. В метрической книге Архангельской церкви г. Иркутска под № 1 записано:

«Января четырнадцатаго дня Селенгинскій 1^я гильдіи купецъ Кириллъ Григорьевъ Марьинъ, православнаго вѣроисповѣданія, 28 лѣтъ, вѣнчанъ первымъ законнымъ бракомъ съ Почетною Гражданкою двѣицею Надеждою Ивановою Пахолковою 16 лѣтъ, православнаго исповѣданія. Поручителями были Иркутской 2^я гильдіи купецъ Петръ Васильевъ Салдатовъ, Иркутскій 1^я гильдіи купеческій братъ Никандръ Мокъевъ Герасимовъ, отставной Титулярный Совѣтникъ Василій Аѳонасьевъ Умаровъ, Почетный Гражданинъ Иванъ Ивановъ Пахолковъ (брат невесты. — Т. П.), Почетный Гражданинъ Иванъ Ивановъ Пиленковъ и Лекаръ Иркутскаго военнаго Госпиталя Титулярный Совѣтникъ Іоаннъ Максимовъ Ступинъ<ъ>. Таинство брака совершалъ Протоіерей Василій Алексѣевъ Шастинъ при Діаконъ Прокопій Константиновъ Литвинцовъ и Дьячкъ Александръ Васильевъ Сизыхъ»²².

1 июня 1853 г. в семье родилась старшая дочь Ольга — будущая жена Ивана Григорьевича Сниткина и свояченица Достоевского. Запись о рождении находится в метрической книге Архангельской церкви г. Иркутска под № 2:

«Юня перваго дня у Кяхтинскаго 1 гильдіи купца Кирилла Григорьева Марьина и законной жены его Надежды Ивановой оба православнаго вѣроисповѣданія родилась дочь Ольга. Воспріемниками были Иркутскій 1^я гильдіи купецъ Иванъ

Стефановъ Хаминовъ и Иркутскаго мѣщанина Василья Петрова Солдатова жена Агрипина Петрова. Таинство Св. крещенія 6 Юня совершалъ Протоіерей Василій Алексѣевъ Шастинъ при Діаконъ Проконіи Константиновъ Литвинцовъ и Дьячкъ Александръ Васильевъ Сизихъ»²³.

Младшие сестры Ольги Кирилловны: Вера, Анна и Анастасия — родились также в Иркутске²⁴. В 1864 г. все они получили грамоту на присвоение им звания потомственных почетных гражданок.

В том же Департаменте герольдии хранится аналогичное прошение бабушки Ольги Кирилловны со стороны матери, кяхтинской 1-й гильдии вдовствующей купеческой жены Александры Андреевны Пахолковой от 30 мая 1846 г. После смерти в 1844 г. мужа вдова самостоятельно вела торговые дела, «объявив капитал» по той же 1-й гильдии, и прошение на введение себя и всех своих детей (пятерых сыновей и трех дочерей, одна из которых, Евдокия, была уже замужем) в потомственное почетное гражданство подавала уже от своего имени (она же, уже вдовой, выдавала замуж всех своих дочерей)²⁵. Грамота на просимое звание была выдана Александре Андреевне и всем ее детям 15 марта 1848 г.²⁶

Проведенное исследование выявило неизвестные архивные документы о жизни нескольких представителей родственного окружения Достоевского, позволившие установить точную дату и место рождения племянника Анны Григорьевны Достоевской, Вани Сниткина, и девичью фамилию его матери, Ольги Кирилловны, а также реконструировать ранний, до знакомства с писателем, период жизни этой его родственницы. Установленные биографические факты дополняют сведения о ближайшем семейном окружении Достоевского. Поиски в архивах, генеалогических базах данных, краеведческих источниках, анализ сохранившегося эпистолярия выявили «сибирский след» в происхождении свояченицы Достоевского: в ее роду представители нескольких крупнейших и богатейших купеческих династий XIX в. — первостатейных купцов, потомственных почетных граждан, предпринимателей, чаеоторговцев, пароходовладельцев, золотопромышленников, меценатов.

Примечания

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90028 («Рукописное наследие Ф. М. Достоевского: систематизация, исследование, описание»).

¹ См.: РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30355.

² Тыртова О. В. Письмо к Достоевской А. Г. 15.04.6. г. 1 п. 2 л. (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30306); Ячевская Е. В. Письмо к Достоевской А. Г. [08.12.1914]. 1 п. 1 л. (ОР РГБ. Ф. 93.П.10.31).

³ Подробнее об этом см.: [Белов; т. 2: 224].

⁴ Буквально через два-три года оценка Достоевским Ольги Кирилловны уже сменится на негодующе-негативную (в период ее разлада с Иваном Григорьевичем), позже отношения

- опять наладятся. Интересно сопоставить характеристику из данного письма писателя с близким по времени наблюдением его племянника, Александра Александровича Иванова, сделанным на именинах дядюшки в октябре 1872 г. Описывая в письме к матери Вере Михайловне (сестре Достоевского) гостей, он упоминает в т. ч. и о молодых супругах Сниткиных: «Тут же виделся с Иваном Григорьевичем, которого привела его **жена, у которой он, кажется, совсем под башмаком...**» ([ЛН: 418]; выделено мной. — Т. П.).
- ⁵ ОР РГБ. Ф. 93.I.6.18. Л. 13–14 об.; ср.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 29₁. С. 191–194. № 417. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Д30* и указанием тома (полутома — нижним индексом) и страницы в круглых скобках.
 - ⁶ РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 6. № 172. Л. 2; ср.: *Д30*; т. 29₂: 207.
 - ⁷ См. письма Достоевского к жене от 10, 12, 20, 26, 29 июля 1873 г. [Переписка: 73, 76, 77, 80, 83]. В комментариях он безосновательно назван купцом [Переписка: 415].
 - ⁸ РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30374. Л. 199 об.
 - ⁹ Там же. Л. 98–98 об.
 - ¹⁰ РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 3569.
 - ¹¹ Копия метрической записи хранится: РГИА. Ф. 1343. Оп. 39 (1830–1890). Д. 5152 («По прошению купца И. С. Хамина о возведении его с женою в потомственное почетное гражданство. 27.11.1861 — 28.11.1862»). Л. 5. Дело обнаружено и введено в научный оборот в изд.: [Гаврилова, 2011], [Гаврилова, 2012]. Оригинал записи должен храниться: Государственный архив Республики Бурятия. Ф. 177 (Воскресенская церковь г. Кяхты). Д. 403 (метрические книги за 1843–1856 гг.).
 - ¹² Метрическая книга, *данная изъ С. Петербургской Духовной Консисторіи Причту Салтыковской церкви для записи родившихся, бракомъ сочетавшихся и умершихъ на 1873 г.* (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 124. Д. 1085. Л. 87 об. — 88). Публикуется впервые. Крещение проходило в церкви, расположенной в дачной местности под Большой Охтой, на т. н. даче Сабурова, где Сниткины проводили летнее время 1872–1873 гг. Дата рождения И. И. Сниткина указана также в его послужном списке и аттестате (РГИА. Ф. 1343. Оп. 36. Д. 23385. Л. 3 об.; Ф. 1405. Оп. 545. Д. 12436. Л. 2).
 - ¹³ См. также фотопортрет И. С. Хамина, хранящийся в Архангельском краеведческом музее (<https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=18911296>).
 - ¹⁴ Автор выражает искреннюю благодарность к. и. н., доценту Иркутского национально-исследовательского технического университета Наталье Игоревне Гавриловой, без которой это исследование бы не состоялось, за консультации по истории сибирского купечества и возможность ознакомиться с малодоступными источниками; а также Екатерине Дмитриевне Маскевич (Санкт-Петербург), за помощь в архивной работе.
 - ¹⁵ См. также: [Спешилова Е. А.] Марьинский общественный банк // Купеческий двор. 2010. № 6 (35). С. 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://issuu.com/kdvor/docs/number35>
 - ¹⁶ Опубликовано: [Баяндина: 102]. См. также: Государственный архив Пермского края. Ф. Р-970. Оп. 1. Д. 154 (Марьин Кирилл Григорьевич, селенгинский купец 1-й гильдии. Фотопортрет). Данный портрет лежит в основе выпущенной в 2006 г. Кунгурским историко-архитектурным и художественным музеем-заповедником открытки (<https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=15620351>).

- ¹⁷ РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 2978. 17 л. По приложенным к прошению документам можно уточнить состав его семьи на момент подачи прошения: жена Прасковья Андреевна (брак 24.09.1845, в Свято-Троицкой церкви г. Перми, жениху — 21 год, невесте — 17 лет), дети: Иван 1-й (20.01.1851), Иван 2-й (20.01.1855), Раиса (30.08.1859), Стефаний (30.03.1864) — двоюродные братья и сестры по отцу Ольги Кирилловны Сниткиной.
- ¹⁸ РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 2979. 26 л.
- ¹⁹ Там же. Л. 1–1 об. Выделено мной. — Т. П.
- ²⁰ О втором муже Надежды Ивановны, заочном (а, может быть, и очном) знакомом Достоевского с конца 1860-х гг., также почти ничего не известно. В сохранившейся переписке упоминается только его фамилия — Образцов. Не располагая на сегодня документальными источниками, которые могли бы прояснить этот вопрос, можно все-таки сделать предположение, исходя из содержащихся в деле о причислении к почетному гражданству сведений: принадлежности его к классу чиновников и месте жительства на момент второго брака (1860–1861) самой Надежды Ивановны — г. Иркутск. В списках чиновничества Иркутской губернии находим коллежского асессора, заседателя Иркутского и Верхне-ленского окружных судов **Василия Николаевича Образцова** (Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в империи, и по главным управлениям в Царстве Польском и в Великом княжестве Финляндском на 1860–1861 г. СПб., 1860. Ч. 2. С. 447).
- ²¹ Письмо Достоевского жене от 26 июля 1873 г.
- ²² РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 2979. Л. 12–12 об. (Копия).
- ²³ Там же. Л. 14. (Копия).
- ²⁴ Там же. Лл. 15, 13, 12. (Копии). 1) 12 августа 1854 г., Крестовоздвиженская церковь, запись № 70, одна из крестных — бабушка, Александра Андреевна Пахолкова; 2) 12 декабря 1855 г., Крестовоздвиженская церковь, запись № 129, крестные — И. С. Хаминов (муж тетки), вдова А. А. Пахолкова (бабушка); 3) 19 /24 октября 1857 г., Архангельская церковь, запись № 13, крестные — И. С. Хаминов (муж тетки), А. А. Пахолкова (бабушка).
- ²⁵ РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 3569. 47 л.
- ²⁶ Там же. Л. 34.
- ²⁷ См. **Приложение**. В ответ на эту телеграмму, содержащую просьбу устроить встречу с сестрой по поводу семейного разлада с Ольгой Кирилловной, Анна Григорьевна в тот же день выехала в Петербург (см. письмо Ф. М. Достоевского к ней от 6 апреля и ответное письмо Анны Григорьевны от 8 апреля из Петербурга [Переписка: 162–163]).

Список литературы

1. Андрианова И. С. «Музей памяти Ф. М. Достоевского»: история и перспективы проекта. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. — 191 с.
2. Баяндина Н. П. Марьян Кирилл Григорьевич // Баяндина Н. П. Пермь купеческая. — 2-е изд., испр. и доп. — Пермь: Пушка, 2002. — С. 102–103.
3. Белов С. В. Ф. М. Достоевский и его окружение: энциклопедический словарь: в 2 т. — СПб.: Алетейя, 2001.
4. Верховланцев В. С. К. Г. Марьян // Верховланцев В. С. Город Пермь, его прошлое и настоящее (Краткий историко-статистический очерк). — Пермь: Электро-типография губернского земства, 1913. — С. 177.
5. Гаврилова Н. И. Храмостроительство в благотворительной деятельности И. С. Хаминова // Иркутский Кремль. — 2011. — № 2 (6). — С. 105–115.

6. Гаврилова Н. И. Сольвычегодские, иркутские и московские Хаминовы: штрихи к родословной купеческой фамилии // *Земля Иркутская*. — 2012. — № 1 (40). — С. 4–12.
7. Гаврилова Н. И., Хаминов Д. В. Хаминовы // *Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири*: в 2 т. / отв. ред. Д. Я. Резун; Рос. акад. наук, Сиб. отд-е, Ин-т истории. — Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2013. — Т. 2: М–Я. — С. 370–371.
8. Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846–1917 / вступ. ст., коммент. И. С. Андриановой, Б. Н. Тихомирова. — М.: Бослен, 2015. — 768 с.
9. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1972–1990.
10. [Завещание Е. И. Хаминовой] // *Известия Иркутской городской думы*. — Иркутск: Тип. К. И. Витковской, 1891. — Т. 1. — № 6. — 30 марта / ред. В. П. Сукачев. — С. 261–270 [Электронный ресурс]. — URL: https://i.irklib.ru/cgi/irbis64r_61/cgiirbis_64.exe?C21COM=F&I21DBN=HRONP_READER&P21DBN=HRONP&Z21ID=&Image_file_name=%5Cpdf%5Cj%5Cizvigd%5C1891%5Cizvigd%5F1891%5F006%2Epdf&mfn=1596027&FT_REQUEST=&CODE=47&PAGE=1 (01.06.2020).
11. Зуева Е. А. Русская купеческая семья Сибири конца XVIII — первой половины XIX в. — Новосибирск, 2007. — 219 с.
12. Зуева Е. А., Жиров А. А., Гаврилова Н. И. Пахолковы // *Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири*: в 2 т. / отв. ред. Д. Я. Резун; Рос. акад. наук, Сиб. отд-е, Ин-т истории. — Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2013. — Т. 2: М–Я. — С. 142.
13. *Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского, 1821–1881 гг.*: в 3 т. / под ред. Н. Ф. Будановой и Г. М. Фридлендера. — СПб.: Академический проект, 1993–1999.
14. Милютин Б. А. Генерал-губернаторство Н. Н. Муравьева в Сибири (Отрывок из воспоминаний) // *Исторический вестник*. — 1888. — Т. 34. — № 11. — С. 317–364.
15. [Нечаева В. С.] *Описание рукописей Ф. М. Достоевского* / под ред. В. С. Нечаевой. — М.: Изд-во АН СССР, 1957. — 589 с.
16. Разгон В. Н. Марьин Кирилл Григорьевич // *Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири*: в 4 т. / гл. ред. Д. Я. Резун, Д. М. Терешков. — Новосибирск, 1996. — Т. 3. — Кн. 1. — С. 84.
17. Разгон В. Н. Сибирское купечество в XVIII — первой половине XIX в.: региональный аспект предпринимательства традиционного типа. — Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 1999. — 657 с.
18. Разгон В. Н. Марьин Кирилл Григорьевич // *Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири*: в 2 т. / отв. ред. Д. Я. Резун; Рос. акад. наук, Сиб. отд-е, Ин-т истории. — Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2013. — Т. 2: М–Я. — С. 26.
19. Смерть П. И. Пахолкова // *Иркутская жизнь*. — 1914. — № 12. — 16 сентября. — С. 1.
20. Сочагин А. Г. Неизвестный корреспондент Любови Федоровны Достоевской // *Нева*. — 2006. — № 12 [Электронный ресурс]. — URL: <https://magazines.gorky.media/neva/2006/12/neizvestnyj-korrespondent-lyubovi-fedorovny-dostoevskoj.html> (01.06.2020).
21. Ф. М. Достоевский. А. Г. Достоевская. Переписка / изд. подгот. С. В. Белов, В. А. Туниманов. — Л.: Наука, 1976. — 483 с. [Переписка]
22. Ф. М. Достоевский. Новые материалы и исследования. — М.: Наука, 1973. — 790 с. (Литературное наследство; т. 86) [ЛН]
23. Шилов А. В. Марьин Кирилл Григорьевич // *Пермский край: энциклопедия* [электронный ресурс]. — URL: <http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1804013064&idParentObject=1804012946> (01.06.2020).

Приложение

Эпистолярный семейный Сниткиных

- Достоевский Ф. М. Письма к Сниткиной Анне Николаевне (теще). 9.07.1867. Из Баден-Бадена. В Петербург; 31.01.1880. Из Петербурга. В Петербург. 2 п. 3 л. (ОР РГБ. Ф. 93.1.6.43. Л. 1, 2–2 об.; на л. 1 об., 3–3 об. — приписки А. Г. Достоевской к брату и к матери) [Нечаева: 249].
- Достоевский Ф. М. Письмо к Сниткиной Анне Николаевне (теще). Список рукой А. Г. Достоевской; подлинник неизвестен. 18 (6).12.1867. Из Женевы. В Петербург. 1 п. 1 л. (РГАЛИ. Ф. 212.1.154. Л. 211–211 об.; ср.: Д30; т. 28₂: 237–238, № 328) [Нечаева: 249].
- Достоевский Ф. М. Письмо к Сниткиной Анне Николаевне (теще). 16.07.1871. Из Петербурга. В Петербург. 1 п. 2 л. (РГАЛИ. Ф. 212.1.47; ср.: Д30; т. 29₁: 217–218, № 429) [Нечаева: 249].
- Сниткина Анна Николаевна (теща). Письма к Достоевскому Ф. М. (приписки к письмам А. Г. Достоевской к Ф. М. Достоевскому). 15.07.[1876]. Из Старой Руссы. В Эмс. Поздравление с днем рождения сына; 30.05.1880. Из Старой Руссы. В Москву. 2 п., 3 л. (РО ИРЛИ. Р. 1. Оп. 6. № 170. Л. 9 об., 38 об.) [Нечаева: 373, 376, 484].
- Достоевская А. Г. Письмо к Сниткиной Анне Николаевне (матери; приписка к письму Ф. М. Достоевского к Сниткиной Анне Николаевне). 31.01.1880. Из Петербурга. В Петербург. 1 п. 1 л. (ОР РГБ. Ф. 93.1.6.43. Л. 3–3 об.) [Нечаева: 249].
- Достоевская А. Г. Письма к Сниткиной Анне Николаевне (матери). 07.02.1884. Из Старой Руссы. В Малый Прикол; 1.06.1889. Из Виши; 28.07.1890. Из Старой Руссы; 1.08.1890. Из Старой Руссы; 24.05 (5.06).1891. Из Дрездена. В Петербург; 7 (19).06.1891. Из Дрездена. В Петербург; 26.06.1891. Из Карлсбада. В Петербург; 15.07.1891. Из Старой Руссы. В Петербург; 23.07.1891. Из Старой Руссы. В Петербург; 24.08.1891. Из Старой Руссы. В Петербург. 10 п., 22 л. 7 конв. (РГАЛИ. Ф. 212.1.289) [Андрианова: 178].
- Сниткина Анна Николаевна (мать). Письма к Достоевской А. Г. 14-е письмо [начало августа 1878]; 18.07.1880. В Старую Руссу; 18.06.1881. В Карлсбад; 9.02.1892. Из Петербурга; 15.03.1892. Из Петербурга; 22.07.1892. Из Петербурга; 20.08.1892. Из Петербурга; 20.09.1892. Из Петербурга; 13.11.1892. Из Петербурга; 9-е, 10-е письма б. д. 22.07.б.г. 14.06.б. г. 13-е, 15-е, 16-е, 17-е письма б. д. 17 п. 26 л. 6 конв. Л. 8–9 об. — письмо Григория Ивановича Сниткина (внука). Л. 10 об. — письмо к Федору Федоровичу Достоевскому. Л. 11 — письмо к Любови Федоровне Достоевской. (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30378) [Андрианова: 178].
- Сниткина Анна Николаевна (мать). Письмо к Достоевской А. Г. (среди писем Л. Ф. Достоевской; здесь же письма М. В. Никифоровой и Ф. Ф. Достоевского). Б. д. [4.03.1887] (дата устанавливается из контекста; атрибутируется впервые). Из Петербурга. 1 п. 1 л. (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30355. Л. 6 об.).

- Достоевский Ф. М. К Сниткину Ивану Григорьевичу (шурина). Черновой текст телеграммы (на одном листе с черновиком телеграммы для А. Г. Достоевской и набросками к «Дневнику Писателя» за 1877 г.). 17.07.[1877]. Из Петербурга. В Суджу (Малый Прикол). 1 л. (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29499. Л. 1 об.) [Нечаева: 249].
- Сниткин Иван Григорьевич (шурин). Телеграмма к Достоевскому Ф. М. 5.04.1875²⁷. (Список рукой Ф. М. Достоевского в его рабочей тетради). 1 л. (РГАЛИ. Ф. 212.1.11. Л. 76) [Нечаева: 484].
- Сниткин Иван Григорьевич (шурин). Письмо к Достоевскому Ф. М. [12.05.1875]. Из Петербурга. В Петербург. 1 п. 1 л. Б. д. (датировано: [Летопись; т. 3: 22]) (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29852) [Нечаева: 484].
- Достоевская А. Г. Письмо к Сниткину Ивану Григорьевичу (брату; приписка к письму Ф. М. Достоевского к Сниткиной Анне Николаевне). 09.07.1867. 1 п. 1 л. (ОР РГБ. Ф. 93.I.6.43. Л. 1 об.) [Андрианова: 120].
- Сниткин Иван Григорьевич (брат). Письма к Достоевской А. Г. 19–20.06. [1872], [лето 1875], [весна 1880<?>], 11.10.1881, 13.05.1887. 5 п. 14 л. 2 конв. 3-е письмо б. г. — год (рождение первенца Григория) восстанавливается из контекста. 4-е и 5-е письма б. д. — приблизительные датировки восстанавливаются из контекста (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30375) [Андрианова: 178].
- Сниткин Иван Григорьевич (брат). Телеграммы к Достоевской А. Г. 6.05.1875. Из Петербурга. В Старую Руссу; 11.05.1875. Из Москвы. В Старую Руссу. 2 л. (ОР РГБ. Ф. 93.II.8.114) [Андрианова: 178].
- Сниткин Иван Григорьевич. Телеграмма к Ивановой Елене Павловне (ответ на телеграмму Ф. М. Достоевского). 18.07.1877. Из Суджи. В Москву. 1 л. (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 29853).
- Сниткина Ольга Кирилловна (жена брата). Письмо к Достоевской А. Г. [1881]. 1 п. 2 л. (ОР РГБ. Ф. 93.II.8.115) [Андрианова: 178].
- Сниткина (Владимирова) Ольга Кирилловна (вдова брата). Письма к Достоевской А. Г. 1888–1892. 14 п. 24 л. (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30384) [Андрианова: 178].
- Сниткина (Владимирова) Ольга Кирилловна (вдова брата), Сниткин Григорий Иванович (племянник). Письма к Достоевской А. Г. 17.07.1890, 04.05. [1888]. 2 п. 4 л. (РГАЛИ. Ф. 212.1.213) [Андрианова: 177].
- Владимиров Василий Андреевич (второй муж Ольги Кирилловны Сниткиной). Письма к Достоевской А. Г. 31.10.1888, 10.04.1889, 20.08.1896, б. д. 4 п. 12 л. (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30033) [Андрианова: 130].
- Сниткин Григорий Иванович (внук). Письмо к Сниткиной Анне Николаевне (среди писем Сниткиной Анны Николаевны к Достоевской А. Г.). Б. д. (дата устанавливается из контекста: начало августа 1878 г.). Из Малого Прикола. В Петербург. 1 п. 2 л. (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30378. Л. 8–9 об.) [Андрианова: 178].

- Сниткин Григорий Иванович (племянник). Письма к Достоевской А. Г. 1888–1914 (на лл. 96 об., 106 об., 101 об., 113–113 об., 124 об., 131 об., 162 об., 176–176 об., 206 об. — приписки жены, Л. Г. Сниткиной). Из Харькова, Феодосии, Риги, Киева, Уфы, Пензы, Смоленска, Петербурга, Гагр. 87 п. 214 л. 33 конв. 1 открытка. 1 визитная карточка (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30374) [Андрианова: 178].
- Сниткин Григорий Иванович (племянник). Письма к Достоевской А. Г. 31.07.1917. Из Петрограда. В Адлер; 15.11.1917. Из Петрограда. В Адлер; 14.12.1917. Из Петрограда. В Ялту. 3 п. 4 л. 1 конв. (ОР РГБ. Ф. 93.П.8.113) [Андрианова: 178].
- Достоевская А. Г. Письма к Сниткину Григорию Ивановичу. 01.06.1917, 31 (18).05.1918. 2 п. 4 л. (ОР РГБ. Ф. 93.П.3.67) [Андрианова: 119].
- Сниткина Людмила Георгиевна (жена племянника). Письмо к Достоевской А. Г. Б. д. (декабрь 1900 — дата определяется из контекста). Из Киева. В Петербург. 1 п. 2 л. (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30381) [Андрианова: 178].
- Сниткина Людмила Георгиевна (жена племянника). Письма к Достоевской А. Г. (приписки к письмам мужа, Григория Ивановича Сниткина к Достоевской А. Г.). 21.04.1899. Из Киева; 7.12.1899. Из Киева; конец декабря 1899. Из Киева; 7.04.1900. Из Киева; 27.12.1900. Из Киева; 30.03.1901. Из Киева; 29.12.1901. Из Риги; 7.12.1903. Из Риги; 7.12.1909. Из Пензы (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30374. Лл. 96 об., 106 об., 101 об., 113–113 об., 124 об., 131 об., 162 об., 176–176 об., 206 об.) [Андрианова: 178].
- Сниткин Иван Иванович (племянник). Письма к Достоевской А. Г. 1898–1909. 11 п. 19 л. (РО ИРЛИ. Ф. 100. № 30376) [Андрианова: 178].

Tatiana V. Panyukova

Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)
 aurinko75@mail.ru

“A Rare Creature in Mind, in Heart, in Character” (a Relative of Dostoevsky from Siberia)

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR, project number 18-012-90028 Dostoevsky.

Abstract. The article presents the unknown facts in the biographies of people in the family circle of F. M. Dostoevsky: his sister-in-law Olga Kirillovna Snitkina and her mother Nadezhda Ivanovna Obraszhova. His first acquaintance with them belongs to the Dresden period of the writer's life (1869–1870). The sparse information that is currently available about their lives was drawn mainly from Dostoevsky's correspondence with his wife and belongs to a later period. Based on a systematic analysis of the preserved correspondence of the Snitkin family (relatives of the writer's wife), memoirs of contemporaries, genealogical and local history materials, as well as archival searches, their biographies were reconstructed, several unknown documentary sources were introduced into scientific circulation (stored in the Fund of the Department of Heraldry of the Russian State Historical Archive and in the Fund of the St. Petersburg Spiritual Consistory of the Central State Historical Archive of St. Petersburg), the exact date (May 17, 1873), and the place of birth of one of Anna Grigoryevna Dostoevskaya's nephews — Vanya Snitkin, as well as the maiden name of his mother Olga Kirillovna (née Maryina) were established. The study showed that the lineage of O. K. Snitkin and N. I. Obraszhovoy descends from Siberia and includes representatives of several famous merchant dynasties of the mid-XIX century. A brief textual description of the surviving correspondence between this branch of the Snitkin family and the Dostoevsky family is attached to the article.

Keywords: Dostoevskys, Snitkins, Maryins, Obraszhovs, Khaminovs, Pakholkovs, Dresden, Irkutsk, Kyakhta, Siberian Merchants, Hereditary Honorary Citizenship, the Russian State Historical Archive, the Central State Historical Archive of St. Petersburg, Archival Research, Biography

About the author: *Panyukova Tatiana V.* — Leading Editor of the Publishing House, The Petrozavodsk State University (pr. Lenina, 33, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation)

Received: July 1, 2020

Date of publication: September 30, 2020

For citation: Panyukova T. V. “A Rare Creature, in Mind, in Heart, in Character” (a Relative of Dostoevsky from Siberia). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2020, no. 3, pp. 175–200. DOI: 10.15393/j10.art.2020.4901 (In Russ.)

References

1. Andrianova I. S. «*Muzej pamyati F. M. Dostoevskogo*»: istoriya i perspektivy proekta [“The Museum of Memory of F. M. Dostoevsky”: History and the Prospects of the Project]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2013. 192 p. (In Russ.)
2. Bayandina N. P. Maryin Kirill Grigorievich. In: *Bayandina N. P. Perm' kupecheskaya [Bayandina N. P. Perm Merchant]*. Perm, Pushka Publ., 2002, pp. 102–103. (In Russ.)
3. Belov S. V. *F. M. Dostoevskiy i ego okruzhenie: entsiklopedicheskiy slovar': v 2 tomakh [F. M. Dostoevsky and His Ambience: Encyclopedic Dictionary: in 2 Vols]*. St. Petersburg, Aletyya Publ., 2001. (In Russ.)

4. Verkholtantsev V. S. K. G. Maryin. In: *Verkholtantsev V. S. Gorod Perm', ego proshloe i nastoyashchee (Kratkiy istoriko-statisticheskiy ocherk)* [Verholtantsev V. S. *The City of Perm, Its Past and Present (a Brief Historical and Statistical Essay)*]. Perm, Elektro-tipografiya gubernskogo zemstva Publ., 1913, p. 177. (In Russ.)
5. Gavrilova N. I. The Church Building in Charity Work of I. S. Khaminov. In: *Irkutskiy kreml' [Irkutsk Kremlin]*, 2011, no. 2 (6), pp. 105–115. (In Russ.)
6. Gavrilova N. I. Khaminovs of Solvychegodsk, Irkutsk and Moscow: The Touches to the Genealogy of a Merchant Family. In: *Zemlya Irkutskaya [The Land of Irkutsk]*, 2012, no. 1 (40), pp. 4–12. (In Russ.)
7. Gavrilova N. I., Khaminov D. V. Khaminovs. In: *Entsiklopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i kommersii Sibiri: v 2 tomakh [The Encyclopedic Dictionary of the History of Merchants and Commerce in Siberia: in 2 Vols]*. Novosibirsk, Akademicheskoe izdatel'stvo “Geo” Publ., 2013, vol. 2, pp. 370–371. (In Russ.)
8. Dostoevskaya A. G. *Vospominaniya. 1846–1917 [Memoirs. 1846–1917]*. Moscow, Boslen Publ., 2015. 768 p. (In Russ.)
9. Dostoevskiy F. M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh [The Complete Works: in 30 Vols]*. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
10. The Testament of E. I. Khaminova. In: *Izvestiya Irkutskoy gorodskoy dumy [Izvestia of the Irkutsk City Duma]*. Irkutsk, Tipografiya K. I. Vitkovskoy Publ., 1891, vol. 1, no. 6, March 30, pp. 261–270. Available at: https://i.irklib.ru/cgi/irbis64r_61/cgiirbis_64.exe?C21COM=F&I21DBN=HRONP_READER&P21DBN=HRONP&Z21ID=&Image_file_name=%5Cpdf%5Cj%5Cizvigd%5C1891%5Cizvigd%5F1891%5F006%2Epdf&mfn=1596027&FT_REQUEST=&CODE=47&PAGE=1 (accessed on June 1, 2020). (In Russ.)
11. Zueva E. A. *Russkaya kupecheskaya sem'ya Sibiri kontsa XVIII — pervoy poloviny XIX veka [Russian Merchant Family of Siberia of the End of the 18th Century — First Half of the 19th Century]*. Novosibirsk, 2007. 219 p. (In Russ.)
12. Zueva E. A., Zhirov A. A., Gavrilova N. I. Pakholkovs. In: *Entsiklopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i kommersii Sibiri: v 2 tomakh [The Encyclopedic Dictionary of the History of Merchants and Commerce in Siberia: in 2 Vols]*. Novosibirsk, Akademicheskoe izdatel'stvo “Geo” Publ., 2013, vol. 2, p. 142. (In Russ.)
13. *Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo, 1821–1881: v 3 tomakh [The Chronicle of Dostoevsky's Life and Works, 1821–1881: in 3 Vols]*. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1993–1999. (In Russ.)
14. Milyutin B. A. General-Governorship of N. N. Muravyov in Siberia (Excerpt from Memoirs). In: *Istoricheskiy vestnik [The History Herald]*, 1888, vol. 34, no. 11, pp. 317–364. (In Russ.)
15. Nechaeva V. S. *Opisanie rukopisey F. M. Dostoevskogo [The Description of Fedor Dostoevsky's Manuscripts]*. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1957. 589 p. (In Russ.)
16. Razgon V. N. Maryin Kirill Grigorievich. In: *Kratkaya entsiklopediya po istorii kupechestva i kommersii Sibiri: v 4 tomakh [A Short Encyclopedia on the History of Merchants and Commerce in Siberia: in 4 Vols]*. Novosibirsk, 1996, vol. 3, book 1, p. 84. (In Russ.)
17. Razgon V. N. *Sibirskoe kupechestvo v XVIII — pervoy polovine XIX veka: regional'nyy aspekt predprinimatel'stva traditsionnogo tipa [Siberian Merchants in the 18th Century — First Half of the 19th Century: Regional Aspect of Traditional Type of Entrepreneurship]*. Barnaul, Altai State University Publ., 1999. 657 p. (In Russ.)
18. Razgon V. N. Maryin Kirill Grigorievich. In: *Entsiklopedicheskiy slovar' po istorii kupechestva i kommersii Sibiri: v 2 tomakh [The Encyclopedic Dictionary of the History of Merchants and Commerce in Siberia: in 2 Vols]*. Novosibirsk, Akademicheskoe izdatel'stvo “Geo” Publ., 2013, vol. 2, p. 26. (In Russ.)

19. Death of P. I. Pakholkov. In: *Irkutskaya zhizn'* [*Irkutsk Life*], 1914, no. 12, September 16, p. 1. (In Russ.)
20. Sochagin A. G. The Unknown Correspondent of Lyubov Fedorovna Dostoevskaya. In: *Neva*, 2006, no. 12. Available at: <https://magazines.gorky.media/neva/2006/12/neizvestnyj-korrespondent-lyubovi-fedorovny-dostoevskoj.html> (accessed on June 1, 2020). (In Russ.)
21. F. M. Dostoevskiy. A. G. Dostoevskaya. *Perepiska* [F. M. Dostoevsky. A. G. Dostoevskaya. *Correspondence*]. Leningrad, Nauka Publ., 1976. 483 p. (In Russ.)
22. F. M. Dostoevskiy. *Novye materialy i issledovaniya* [F. M. Dostoevsky. *New Materials and Studies*]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 790 p. (Ser. "Literary Heritage"; vol. 86). (In Russ.)
23. Shilov A. V. Maryin Kirill Grigorievich. In: *Permskiy kray: entsiklopediya* [*The Perm Region: Encyclopedia*]. Available at: <http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1804013064&idParentObject=1804012946> (accessed on June 1, 2020). (In Russ.)

В оформлении обложки использован портрет В. Г. Белинского.
Литография В.Тимма 1862 г. с рис. К. А. Горбунова 1843 г.
Фрагмент. «Русский художественный листок» В.Тимма, № 29, 1862

For the design of the cover page there was used a portrait of V. G. Belinsky.
Lithograph by V. Timm in 1862 from a drawing by K. A. Gorbunov in 1843.
Fragment. «Russian art leaf» by V. Timm, No. 29, 1862

Редакторы: И. С. Андрианова, М. В. Заваркина,
Л. В. Алексеева, Е. Н. Вяль
Компьютерная верстка: В. С. Зинкова, Е. Н. Вяль
Перевод: Я. И. Соломинская
Зав. редакцией: И. С. Андрианова

Адрес редакции:
185910, Российская Федерация, Петрозаводск,
пр. Ленина, 33. ПетрГУ

Address of the Editorial Staff:
185910, Russian Federation Petrozavodsk,
33 Lenin Avenue,
Petrozavodsk State University

Tel. +7 (8142) 719 603
E-mail: poetica@post.com
<http://unknown-dostoevsky.ru>